

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. Е. ВСЕВЬЕВА»

НОЦ «Гуманитарные науки и образование»
«Центр развития творческого мышления «Интеллектуальная элита в сфере образования»
«Технопарк социогуманитарной направленности»
Академия государственного управления при Президенте Республики Азербайджан

Актуальные проблемы науки и образования: традиции, инновации, перспективы

Материалы Международной научно-теоретической интернет-конференции
г. Саранск, 30 апреля – 31 мая 2013 года

Саранск 2013

УДК 001:37(082)
ББК 72.00
А 437

Редакционная коллегия

Г. Г. Зейналов, д-р филос. наук, проф. (отв. ред.); **Е. А. Мартынова**, д-р филос. наук, проф.

Рецензенты

Ф. А. Айзятков, д-р филос. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института АНО ВПО ЦЕНТРСОЮЗА РФ «Российский университет кооперации»;

Ж. Ю. Бакаева, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Мордовский гуманитарный институт».

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

Научное исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы: соглашение на предоставление гранта №14.В37.21.0989. Тема гранта: «Методология развития социокультурных констант образовательного пространства инновационного вуза в структуре устойчиво-развивающегося общества».

«Актуальные проблемы науки и образования: традиции, инновации, перспективы», **Междунар. науч.-теоретическая интернет-конф. (2013 ; Саранск)**, 30 апреля – 31 мая 2013 г.: [материалы] / редкол. : Г. Г. Зейналов (отв. ред.) и [др.]. Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2013. – 150 с.

ISBN

В сборник включены материалы Международной научно-теоретической конференции, проходившей в МГПИ им. М. Е. Евсевьева в мае 2013 года с участием ученых России, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Украины. Статьи затрагивают практические и теоретические проблемы современной науки, истории, права и образования.

Издание рекомендовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам и широкому кругу читателей.

УДК 001:37(082)
ББК 72.00

ISBN978-5-8156-0518-3

- © ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», 2013
- © Авторский коллектив, 2013

Ф. А. Айзатов

Саранский кооперативный институт
АНО ВПО Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации», Россия, г. Саранск

Ж. Ю. Бакаева

АНО ВПО «Мордовский гуманитарный институт», Россия, г. Саранск

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОММУНИКАЦИЯХ

Проблема воздействия языка на человека, его способ мышления и его поведение, напрямую связана со средствами массовой коммуникации. Информировав человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня. В исследованиях последних лет культуратрактуются как система коллективного знания, с помощью которого люди моделируют окружающий мир. Такая точка зрения подчеркивает тесную взаимосвязь восприятия, познания, языка и культуры. В русле этой концепции индивидуальные действия людей, неразрывно связанные с коммуникативными процессами, относятся к комплексной системе коллективного знания, передаваемого через язык. Сегодня «поставщиками» коллективного знания, или посредниками в его распространении, являются СМИ, которые никогда не остаются индифферентными по отношению к тому, что опосредуют. Согласно Б. Расселу, «передача информации может происходить только в том случае, если эта информация интересует вас или если предполагается, что она может влиять на поведение людей» [1, с. 34–35].

Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации, тиражирования информации и художественной продукции, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Известные немецкие социологи Макс Хоркгеймер и Теодор Адорно, которые издали в США книгу «Диалектика просвещения» об «индустрии буржуазной культуры», определяли радио и другие СМИ как инструмент оболванивания масс. После прихода к власти Гитлера, когда радио стало важнейшим средством нацистской пропаганды, появляется книга Г. Экерта «Радио как орган власти», а спустя три десятилетия в Германии выходит справочник «Телевидение и радио на службе демократии» [2, с. 15–17]. Человеческое восприятие постоянно испытывает влияние современных средств массовой информации. Это тот модус, который обнаруживает свое воздействие во всех сферах жизни. Широчайшее распространение СМИ обуславливает появление, распространение и господство т.н. «одномерного сознания». Это понятие и соответствующий термин возникли по аналогии с названием вышедшей в 1964 г. известной книги немецкого социолога Г. Маркузе «Одномерный человек», где показаны возможности и следствия манипулирования массовым сознанием с помощью самых современных СМИ.

Теоретик французского постмодерна Жан Бодрийяр в очерке «Другой через самого себя» говорит о том, что все мы живем в мире гиперкоммуникаций, погруженные в водоворот закодированной информации. Любая сторона жизни может служить сюжетом для СМИ. Мир превратился в гигантский экран монитора. Информация перестает быть связанной с событиями и сама становится захватывающим событием [3, с. 55–56].

Его соотечественник, социолог Ги Дебор, двадцатью годами раньше, в книге «Общество спектакля», выступая против фальсификации общественной и личной жизни с помощью СМИ, формулирует идею, согласно которой языком и целью коммуникации в обществе становятся образы, созданные средствами массовой информации. Особую значимость в связи с этим приобретает вопрос регулирования общественного мнения посредством СМИ. Если считать, что использование информации напрямую связано с проблемой управления, то средства массовой информации, рассчитанной на массовое потребление, можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функции ориентации. СМИ создают определенную текстуально-идеологизированную «аудиоиконосферу», в которой живет современный человек и которая служит четкой концептуализации действительности. Именно сфера массовой коммуникации способствует тому, что общество выступает как «генератор социального гипноза», попадая под влияние которого мы становимся согласованно живущей ассоциацией. Именно в СМИ наиболее отчетливо проявляется воздействующая функция языка [4, с. 18–19]. Отмечая глобальные изменения в современном информационном обществе, связанные с непрерывно развивающимися возможностями массовой коммуникации, необходимо иметь в виду: эти изменения влияют не только на условия жизни, но прежде всего на способ мышления и систему восприятия современного человека. Средствами массовой информации создается особый аудиовизуальный мир, воздействию которого вольно или невольно подвергается каждый из нас, что заставляет серьезно ставить вопрос об ответственности средств массовой информации перед обществом. Массовое сознание формируется на основе стереотипов, которые выражают привычные, устойчивые представления людей о каком-либо явлении, сложившиеся под влиянием конкретных социальных условий и предшествующего опыта. Создание информационных средств вооруженной борьбы и разработка соответствующего логико-математического аппарата и программных средств на сегодняшний день активно развиваются. Информационная безопасность России направлена на обеспечение информационного суверенитета и на содействие успешному проведению государственных реформ, укрепление политической стабильности общества. При этом темпы совершенствования информационного оружия превышают темпы развития технологий защиты. В 2000 г. в России была принята Доктрина информационной безопасности, которая рассматривает широкий круг угроз и методы противодействия в информационной сфере. А именно: средством и объектом манипулирования сознания часто выступает миф. «Миф – это обобщенное представление о действительности, сочетающее нравственные, этические, психологические представления,

установки, соединяющие реальность с мистикой» [2, с. 45–46].

Итак, возможность такого воздействия связана с манипулятивной моделью информационного воздействия. Манипулятивная модель информационного воздействия доминировала в XX веке в России и продолжает доминировать практически все 90-е годы. Вспомним многословные обещания народу в годы перестройки о скором процветании общества за счет «магических», оказалось – мифических, эффектов рынка и его политэкономической парадигмы – монетаризма. Миф нельзя сводить к простому обману. Дело в том, что процесс манипулирования часто развивается не по факту злого умысла, а по причине искренней веры его организаторов в ту или иную идею, программу. От кризиса, его неожиданности существенно пострадал и имидж СМИ, поскольку в массовой психике сработал механизм трансферта – перенесение отношения к власти на отношение к средствам массовой информации, обслуживающих власть и элиту, сросшуюся с властью.

Диалоговая модель информационного воздействия продолжает идеи воздействия на массовое сознание, потому что в ее основе лежат равноправные субъект-субъектные отношения или отношения социального партнерства. Информационные процессы в данном случае существенно усложняются в плане концепции, замысла СМИ, производства и восприятия информации, особенно в плане структуры информационного материала, формы его подачи.

Литература

1. Бобрик, П. И. Информация и сигналы. Их сущность и свойства / П. И. Бобрик. – М.: МАТИ, 2009. – 144 с.
2. Налимов, В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – М. : Прометей, 1985. – 287 с.
3. Глебкин, В. В. Наука в контексте культуры / В. В. Глебкин. – М. : Интерпракс, 1994. – 188 с.
4. Мартин, Д. Телематическое общество. Вызов ближайшего будущего / Д. Мартин // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – 378 с.

А. А. Алекперов

Академия Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики, Азербайджан, г. Баку

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫМ СВОБОДАМ, К КОТОРЫМ ПРИСОЕДИНИЛАСЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

После пережитых ужасов Второй мировой войны на глобальном уровне был достигнут широкий консенсус в отношении требования того, чтобы отдельный человек находился под защитой международного сообщества. На Конференции 1945 года в Сан-Франциско некоторые латиноамериканские

страны обратились с просьбой включить в текст Устава Организации Объединенных Наций полный свод прав человека. Поскольку такая инициатива требовала тщательной подготовки, на том этапе их предложения не имели успеха. Тем не менее, права человека были признаны принципиальным вопросом. В Уставе содержатся ссылки на права человека в Преамбуле, среди целей Организации (статья 1) и в некоторых других положениях (статьи 13, 55, 62 и 68). Сразу же после фактического создания институционального механизма, предусмотренного Уставом, новая Комиссия по правам человека начала работу по созданию **Международного билля о правах**. В качестве первого шага был разработан проект Всеобщей декларации прав человека, который был принят Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 года.

Генеральная Ассамблея подтвердила необходимость дополнения традиционных гражданских и политических прав экономическими, социальными и культурными правами, как это уже было осуществлено во Всеобщей декларации, поскольку обе категории прав *«взаимосвязаны и взаимозависимы»*¹. Единственный вопрос состоял в том, что, согласно концепции единства всех прав человека, следует ли включить новые классические права в один международный документ или ввиду различного уровня их специфики сгруппировать их в соответствии с этими специфическими характеристиками. Западные государства, в частности, утверждали, что процесс их реализации не может происходить одинаково, экономические и социальные права больше зависят от природы поставленных целей, в то время как гражданские и политические права должны строго соблюдаться без каких-либо оговорок. В конечном счете возобладала именно эта последняя точка зрения. Согласно резолюции 543 (VI) от 4 февраля 1952 года, Генеральная Ассамблея поручила Комиссии по правам человека подготовить вместо одного Пакта два проекта договора: пакт, устанавливающий гражданские и политические права, и параллельно пакт, предусматривающий экономические, социальные и культурные права. Комиссия завершила свою работу в 1954 году.

Однако лишь 16 декабря 1966 года Генеральная Ассамблея приняла эти два Пакта консенсусом без воздержавшихся (резолюция 2200 (XXI)). Различие в числе государств – сторон этих документов очень мало. По состоянию на апрель 2010 года Международный пакт о гражданских и политических правах включал 165 государств-участников, а Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах стоит на втором месте по количеству ратификаций – 160. Примечательно, что Соединенные Штаты не вступили в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. С другой стороны, Китай не счел возможным ратифицировать Международный пакт о гражданских и политических правах. Однако в общем лишь небольшая часть населения Земли не охвачена этими документами. Таким образом, подлинная всеобщность может быть достигнута.

¹ Раздел E резолюции 421 (V) от 4 декабря 1950 года.

1. Общая классификация прав человека

Классификация прав человека основывается на Уставе ООН, Международном Билле о правах человека, а также развитии теории прав человека, установившей три большие, исторически последовательные группы прав человека, или поколения прав человека:

1. Гражданские и политические права человека:

- право на жизнь, свободу и безопасность личности;
- право на свободу от рабства и подневольного состояния;
- право на свободу от пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего его достоинство обращения и наказания;
- право на признание правосубъектности;
- право на равенство перед законом;
- право на эффективное восстановление в правах в случае нарушения прав человека;
- право на свободу от произвольного ареста, задержания или изгнания;
- право на гласное и с соблюдением всех требований справедливости рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом;
- право на презумпцию невиновности до тех пор, пока виновность не будет установлена;
- право на запрещение осуждения за деяние, которое во время его совершения не составляло преступления;
- право на свободу от произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, произвольного посягательства на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции;
- право на свободу передвижения и выбора местожительства, в том числе право покидать любую страну и возвращаться в свою страну;
- право на убежище в других странах;
- право на гражданство;
- право на вступление в брак и создание семьи;
- право на владение имуществом;
- право на свободу мысли, совести и религии;
- право на свободу убеждений и на свободное их выражение;
- право на свободу мирных собраний и ассоциаций;
- право на участие в управлении своей страной;
- право на равный доступ к государственной службе в своей стране.

2. Экономические, социальные и культурные права человека:

- право на социальное обеспечение;
- право на труд и свободный выбор работы;
- право на равную оплату за равный труд;
- право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование;
- право создавать профессиональные союзы;
- право на отдых и досуг;
- право на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья

и благосостояния (включая пищу, одежду, жилище, и медицинский уход);

- право на социальное обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от человека обстоятельствам;

- право на защиту материнства и детства;

- право на образование, причем родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих детей;

- право на участие в культурной жизни общества;

- право на защиту моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов автора.

3. Коллективные или «солидарные» права:

- право на развитие;

- право на мир;

- право на здоровую окружающую среду;

- права меньшинств;

- права народов;

- права социальных, профессиональных и других групп.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах.

Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу 23 марта 1976 г., а Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах вступил в силу одновременно с этим Пактом 23 марта 1976 г. после получения требуемого количества ратификационных грамот или документов о присоединении. Генеральная Ассамблея своей резолюцией 44/128 от 15 декабря 1989 г. приняла и открыла для подписания, ратификации и присоединения второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни. Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах вступил в силу 11 июля 1991 г.

Пакт состоит из преамбулы и шести частей. Части I – III (статьи 1–27) содержат все существенные права, а также некоторые общие положения, такие как запрет дискриминации и злоупотреблений, равенство полов, положение об отступлениях и положение о сохранении прав в силе. Части IV–VI (статьи 28–53) содержат положения о международном контроле, некоторые принципы толкования и заключительные положения. Первый Факультативный протокол содержит 14 статей, касающихся процедуры подачи индивидуальных жалоб, а 11 статей второго Факультативного протокола фактически представляют собой поправку к статье 6 Пакта о праве на жизнь.

Международный пакт о гражданских и политических правах охватывает все традиционные права человека, известные из исторических документов, таких как первые десять Поправок к Конституции Соединенных Штатов (1789/1791) и французской Декларации о правах человека и гражданина (1789). Часть I документа начинается с права на самоопределение, которое считается краеугольным камнем всех прав человека (статья 1). Часть II (статьи 2–5) содержит ряд общих принципов, которые применяются во всех случаях, в осо-

бенности принцип запрета дискриминации. Часть III содержит подробный список прав, первым из которых является право на жизнь (статья 6).

Комитет по правам человека является основным действующим лицом на международном уровне, имеющим мандат по правоприменению положений Международного пакта о гражданских и политических правах. Однако он располагает ограниченными средствами для этой цели. От государств требуется периодическое представление докладов, которые тщательно изучаются, а в конце этого процесса Комитет обобщает свои оценки общей ситуации с правами человека, отмечая, в частности, свои опасения в простых и открытых выражениях, без каких-либо дипломатических ограничений. Такие заключительные замечания не являются юридически обязывающими. Аналогичным образом, окончательные выводы, которые делает Комитет после рассмотрения отдельных сообщений согласно [первому] Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, не имеют обязательной юридической силы.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – пакт, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года и вступивший в силу 3 января 1976 года. Крупнейшее государство, не являющееся участником пакта – США.

10 декабря 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла факультативный протокол к пакту, предусматривающий возможность подачи жалоб на нарушения пакта. Для вступления протокола в силу необходима его ратификация десятью странами-участницами Пакта.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах насчитывает 31 статью, которые содержатся в шести главах, – это Преамбула и Части I–V. Преамбула, призванная служить рамками для толкования содержащихся в Пакте прав, в целом аналогична Преамбуле к Пакта о гражданских и политических правах и по выражениям напоминает Всеобщую декларацию прав человека.

Хотя Пакт охватывает внушительную сферу прав, его слабость – слишком общие формулировки. Например, в то время как Европейская социальная хартия содержит три статьи о праве на социальное обеспечение², в Пакте оно изложено максимально сжато. Аналогичным образом, право на питание и право на жилище – явно сложные и недостаточно определенные понятия – если и наполняются в Пакте каким-то содержанием, то в минимальной степени.

4. Лимбургские принципы осуществления Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах

Лимбургские принципы осуществления Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах были выработаны группой экспертов в области международного права на базе факультета права Лимбургско-

²Европейская Социальная Хартия предусматривает право на социальное обеспечение (статья 12), право на социальную и медицинскую помощь (статья 13) и право на получение услуг социальных служб (статья 14).

го университета (Маастрихт, Нидерланды) 2–6 июня 1986 года. В документе определяется характер и масштабы обязательств государств в соответствии с Пактом, в частности, указывается на невозможность реализовать все положения Пакта сразу, в связи, с чем некоторые права, закрепленные в Пакте, должны обеспечиваться судебной защитой, а некоторые могут быть обеспечены такой защитой позднее.

5. Маастрихтские руководящие принципы

Маастрихтские руководящие принципы (Принципы), касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав были разработаны и приняты 22–26 января 1997 года в Маастрихте (Нидерланды) на совещании экспертов из различных международных организаций. Настоящие Руководящие принципы приняты в развитие Лимбургских принципов осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1986). В отличие от Либругских принципов, данный документ указывает на то, что значимость социально-экономических и культурных прав никак не меньше личных и политических, и что все права, содержащиеся в Пактах о правах человека, должны подлежать одинаковой защите.

Литература

1. Хански, Р. Введение в вопросы международной защиты прав человека: учебное пособие / Райя Хански, Маркку Сукси. – Турку/Або : Университет «Або Академи», 1997.
2. Воззвание Тегеранской конференции, статья 13, резолюция 32/130 Генеральной Ассамблеи, 16 декабря 1977 г., Alston, 1993.
3. Декларация о праве на развитие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mspa7520.ru/deklaraciya-o-prave-na-razvitie>.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=103.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=396.
6. Лукашева, Е. А. Правачеловека: учебникдлявузов / Е. А. Лукашева. – М. : НОРМА-ИНФРА, 2001.
7. S. Joseph, J. Schultzand M. Castan, *The International Covenant on Civil and Political Rights. Cases, Materials, and Commentary*, 2nd edition, Oxford University Press, Oxford, 2005.
8. T. Buergenthal, “The U.N. Human Rights Committee”, *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, vol. 5, 2001

И. Б. Виноградова

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

СЕРДЦЕ КАК «ОРГАН ПОСТИЖЕНИЯ» В ФИЛОСОФИИ

Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА*

* Научное исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы: соглашение на предоставление гранта №14.В37.21.0989. Тема гранта «Методология развития

Метафору Вышеславцева – «сердце есть орган религиозного опыта» – можно считать символом русского религиозно-философского Ренессанса, ибо идеи высшей нравственности и высшей любви, понимаемые как необходимость очищения сердца путем добровольной жертвы, жертвенного деяния, предопределили общий ход развития русской философии на рубеже двух веков. Тему «философии сердца» поднимали и наиболее идейно близкие Вышеславцеву современники – И. А. Ильин и С. Л. Франк. Франк, в частности, писал о сердце как месте соприкосновения двух миров, «через которое благодатные силы иного, высшего мира могут вливаться в мир эмпирический и действовать в нем» [4, с. 51], а И. А. Ильин посвятил теме сердца многие страницы в своих трудах («О сердечном созерцании», «Аксиомы религиозного опыта»). Но именно Вышеславцев первым предпринял попытку систематизации философского знания о сердце в мировой культуре.

Необходимо отметить, что тема сердца волновала Вышеславцева с самого начала его труда на поприще философии. Особенно плодотворно он разрабатывал свою «философию сердца» во второй половине 20-х годов, когда его статья «Значение сердца в религии» (1925) вышла в первом номере «Пути», а затем была опубликована небольшая книга «Сердце в христианской и индийской мистике» (1929, Париж).

Основной задачей развития темы сердца в книге «Сердце в христианской и индийской мистике» было выявление глубины различия между индийским и христианским пониманием человека. В работе исследована глубинная роль сердца в духовности, особенно для христианской культуры, показана характерная связь этих знаний с эллинизмом, с античной диалектикой Сократа и Платона и традицией византийского христианства.

Индуистская мистика, доказывает Вышеславцев, безлична и требует отрешения от эмоций ради достижения совершенства. Христианство же не гасит индивидуальности, а ведет ее в Царство Божие. Не растворение в Абсолюте и уничтожение личности, а бесконечную ценность, возвышение и очищение проповедует она.

Сердце – это орган религиозного восприятия. Глубина его мистична и таинственна, и именно там происходит «реальное соприкосновение с Богом». Таинственность сердца обусловлена его «непроницаемостью для чужого взора», и даже для собственного. Предельная глубина человека закрыта для него по многим причинам: из-за нежелания понять самих себя, из-за боязни этого, из-за неумения найти истинное Я. Но «рождение» человека начинается именно с акта познания самого себя, своей глубинной сущности. Обнаружение, переживание собственной потаенной глубины, самости, возможно, по Вышеславцеву, только человеком религиозным, ведь «атеизм есть мирозерцание, постояннодвигающееся на поверхности, ... есть отрицание таинственного цен-

тра личности» [1, с. 64]. Настоящее Я человека Богоподобно, и постигая его, человек постигает и глубину Божества.

Вышеславцев отмечает, что самосознание и самопознание христианина отличается от холодного внутреннего самосозерцания индуса. Акт самосозерцания всегда есть творческий порыв в духе платоновского Эроса, это момент свободного стремления к совершенству и любви к нему. Таким образом, «сердце есть умное видение, но вместе с тем умное делание» [Там же, с. 84].

Сердце – религиозный символ, в котором выражается единый сокровенный центр личности. Оно не есть душа, дух или ум, но их «середина». Это абсолютный центр сознания и бессознательного, духа и души, а так же тела. Более того, «...сердце есть центр любви, а любовь есть выражение глубочайшей сущности личности. Мы любим не умом и познанием, а сердцем. ...Без любви личность не живет, а умирает, это есть основная мысль христианства» [Там же, с. 70–71].

В вышеназванной книге Вышеславцев утверждает, что разум слеп к миру ценностей; они раскрываются в эмоциях, бессознательных суждениях. Способность к познанию, созерцанию заложена не только и не столько в интеллекте; постижение шире, чем мышление, чем интеллектуальное познание. Сердце есть тоже орган постижения, и оно способно постигнуть то, что недоступно интеллекту: «святость», красоту, ценность. По мнению философа, в человеке действует «интуиция ценности», воспринимаемая глубочайшим центром личности, сердцем, то есть сверхопытно, поскольку ценности имеют лишь идеальное бытие [3, с. 58]. «Существует особая «логика красоты» и «логика веры». Это, конечно, логика эмоциональная, логика чувств<...>. В основе этой логики лежит эмоциональная интуиция идеальных ценностей и отношений, идеального мира – религиозного, этического и эстетического» [2, с. 63]. Таким образом, сердце с его интуицией выступает как орган для восприятия ценностей, оно «открывает и усматривает ценности, как они даны в идеальном мире» [Там же, с. 70]. Восточное христианство, как отмечает Вышеславцев, не считает ум, интеллект основой жизни и основой познания Бога. Для него является необходимым укорененность ума в сердце. Только их неразрывная связь обеспечивает истинность познания и разумность человеческой жизни. Эта мысль подчеркивается Вышеславцевым, поскольку приводит к осознанию того обстоятельства, что утрата современным человечеством «логики сердца» отвечает интересам технократии, стремящейся управлять массами, запряженными в колесницу «индустриального прогресса» [3, с. 61–62]. Не все в концепции «философии сердца» Вышеславцева было принято маститыми философами-современниками. Так, В. В. Зеньковский, чьими построениями в области философской антропологии упивался Вышеславцев, в отождествлении «сердца» и «самости» усмотрел прямое противоречие с Евангелием.

Тем не менее, книга Вышеславцева «Сердце в христианской и индийской мистике» «явилась первым опытом систематизации православно-христианского учения о сердце, осуществленным в тот момент, когда русская философская антропология заметно отвлеклась от подлинного средоточия человечности <...>.

Встреченная сочувственным отзывом Н. О. Лосского, она привлекла более пристальное внимание к роли сердца в русской духовности и способствовала в дальнейшем осознанию того обстоятельства, что утрата современным человечеством «логики сердца» отвечает интересам технократии, стремящейся управлять массами, запряженными в колесницу «индустриального прогресса» [Там же, с. 61–62].

Тема обретения гуманной ориентации актуальна для технотронного общества начала XXI века, остро нуждающегося в нравственно обоснованной антропологической парадигме, способной привести сознание к цельности и гармонизировать сердце и разум внутреннего человека. На отрыв чисто мыслительных функций от аффективно-эмоционального опыта, расширяющуюся пропасть между разумом и сердцем указывал в своих работах Э. Фромм. Разумность проистекает из смешения рациональной мысли и чувства, а мышление современного человека зачастую только логично. Оно поверхностно и нерационально, «поскольку не направляется заботой о жизни, стремлением проникнуть в целостный жизненный процесс во всей его конкретности и со всеми его противоречиями» [5, с. 114].

С другой стороны, рациональность необходима и для эмоциональной жизни человека. Она проявляется как необходимое условие поддержания гармонического баланса психической структуры личности, одновременно содействуя ее развитию. Так, например, как пишет Э. Фромм, «иррациональная любовь – это любовь, усиливающая зависимость личности, а значит, тревогу и враждебность. Рациональная любовь – это та, что тесно связывает одного человека с другим, сохраняя в то же время его независимость и целостность» [Там же, с. 116]. Разрыв между мыслью и аффектом ведет к патологиям человека технотронной эры. «Если эти две функции разорваны, мышление деградирует в шизоидную интеллектуальную деятельность, а чувство – в невротическое страстное желание причинить жизни вред» [Там же, с. 117].

Поэтому только эмоциональное постижение, как отмечал и Вышеславцев, способно к широкому и глубинному познанию. Этот особый уровень познания связан с энергетическим потенциалом сердца исследователя, иначе говоря, с его внутренней культурой духа. Оно выходит далеко за пределы научного познания, ему доступна встреча с Божеством, высшими ценностями и «сокровенным человеком».

Литература

1. Вышеславцев, Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 62–87.
2. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного эроса / Б. П. Вышеславцев. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
3. Гаврюшин, Н. К. Б. П. Вышеславцев и его «философия сердца» / Н. К. Гаврюшин // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 55–61.
4. Франк, С. Л. Свет во тьме / С. Л. Франк. – М. : Социум, 2011. – 256 с.
5. Фромм, Э. Революция надежды / Э. Фромм. – СПб. : Ювентус, 1999. – 245 с.

ПОСЛЕЛОГ КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТА В РОМАНЕ К. Г. АБРАМОВА «ОЛЯЧИНТЬ КИСЭ» («ЗА ВОЛЮ»)*

Кузьма Григорьевич Абрамов (12.11.1914–04.08.2008) – Народный писатель Мордовии (1985), лауреат Государственной премии (1977), Почетный гражданин Республики Мордовия. Его творчество отличается настоящим новаторством, свидетельствует об упорных поисках, смелости в постановке и решении сложных идейно-художественных задач. Это проявилось как в правдивом изображении жизни, создании глубоких национальных характеров, так и в яркости, оригинальности художественных форм и приемов.

Одно из главных произведений писателя – роман-сказание «Олячинть кисэ» («За волю»), созданный им в 1989 году и рассказывающий о борьбе народов Среднего Поволжья против царских воевод и бояр в 1670–1672 гг. и предводителях этого восстания Акае Боляеве и Алене Арзамасской-Темниковской. Раскрыть глубинные образы героев произведения, рассказать об их взаимоотношениях, раскрыть уклад жизни, нарисовать прекрасные картины природы автору помогают используемые им различные средства языка. Так, среди средств создания связности текста большое место занимает послелог.

Послелог – это служебные слова, которые, сочетаясь с именем существительным или заменяющими его словами, выражают синтаксическую зависимость от других слов, передают различные отношения между управляемым именем и другими словами в предложении [1, с. 378; 4, с. 249]. В качестве части речи они сформировались в основном за счет других лексико-грамматических разрядов, что во многом обусловило неоднородность их структуры. По своему происхождению и морфологическому составу делятся на собственно послелог и послеложные слова. Собственно послелог – это падежные формы бывших имен существительных (весьма немногочисленная группа). Послеложные слова могут функционировать в качестве самостоятельной, автономной, лексемы, а в зависимости от генетического родства с той или иной частью речи подразделяются на наречные и отыменные.

Как известно, послелог, «выступая только в роли выразителей синтаксической связи между членами предложения, в предложении самостоятельной роли не играют <...>» [2, с. 155], однако следует учитывать то, что и собственно послелог, и послеложные слова нередко подвергаются процессу прономинализации. Подобное явление происходит в тех случаях, когда поясняемое слово – местоимение – в речи опускается. При этом послелог присоединяют к себе

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта РГНФ («Параметры текстообразования в художественном пространстве Народного писателя Мордовии Кузьмы Григорьевича Абрамова»), проект № 13–14–13002.

лично-притяжательные суффиксы, которые придают им статус самостоятельного слова и, по существу, выводят их из сферы служебных частей речи.

Прономинализованные послелого и послеложные слова часто используются в качестве средств создания связности текста. Их важной функцией становится участие в кореференции, которая возможна благодаря установлению референции к объектам и ситуациям, описываемым в тексте. Они имплицитно включают в себя лексическое значение коррелята-имени существительного (или заменяющей его части речи). Таким образом, послелог благодаря этой своей способности и своей семантике может осуществлять связь между предложениями в ССЦ, выражая отношения между смыслами текста.

В рассматриваемом нами произведении К. Г. Абрамова в роли средств создания связности чаще всего употребляются послелого, выражающие пространственные отношения. В зависимости от своего признака они способны обозначать статическую или динамическую локализацию объекта.

Послелого статической локализации в тексте произведения осуществляют указание на местонахождение объекта или место протекания действия при условии, что в процессе всего действия пространственная координация остается неизменной, иными словами, не изменяются взаиморасположение описываемого объекта и ориентира. Исходя из значения дифференциального компонента, определяющего характеристику взаимного расположения объектов, они могут указывать на: а) положение, совпадающее с локализацией ориентира: *Акаень совавтызь стрелецэнь приказонь кудов. Вакссонзо аштеме кадовсть сонсь Колобов ды кемешка стрелец* (с. 400) «Акая ввели в стрелецкую приказную избу. Охранять его (букв.: стоять рядом с ним) остались сам Колобов и десяток стрельцов»; б) положение на поверхности ориентира: *Каванямо столесь пурназель горницяс <...>Ланганзо вачказельть капста марто вакант <...>*(с. 55) «Стол для угощения был приготовлен в горнице<...> На нем были расставлены чашки с капустой <...>»; в) положение над ориентиром: <...>*ломантне ней чарькодсть, мейс чапизь те срубонть ды мейс сынст панизь тей. Вельксэст састыне увнось тошкамонь шалт* (с. 295) «<...> люди теперь поняли, для чего заготовили этот сруб и для чего их пригнали сюда. Над ними тихо висел гул от шептания»; г) положение напротив ориентира: *Никита <...> састыне валгстызе эчке стака рунгонзо кустемаванть ды сыргась <...>Каршонзо понгсть колмо стрелецт <...>*(с. 37) «Никита <...> тихонько спустил тяжелое толстое туловище с крыльца и пошел <...> Навстречу ему (букв.: перед ним) попались три стрельца <...>»; д) положение около, вокруг ориентира: *Надеж <...> кепетсь ашо кевне ды ертызе маласо куротненень. Экистэст лиссь Утяша<...>*(с. 26) «Надеж <...> поднял белый камешек и бросил в близлежащие кусты. Из-за них вышла Утяша»; е) положение между ориентирами: *Тия велетне седе ламо мокшонь ды таторонь. Ютковаст понгонить рузоньгак* (с. 251) «Большинство сел здесь мокшанские и татарские. Между ними попадают-ся и русские» и т. д.

Послелого динамической локализации осуществляют указание на изменение пространственной ориентации объекта вследствие его перемещения. Ис-

ходя из значения дифференциального компонента, они могут указывать на: а) движение, направленное около ориентира: *Улавтне аштесть лотказь. Вакскаст ды перькаст таго-китъ ардтнетъ ластеть* <...> (с. 94) «Возы были остановлены. Мимо них и вокруг них ездили какие-то всадники <...>»; б) движение, направленное через ориентир: *Акай пачкодсь Эряф лейнентень. Троксанзо ютамс пүтозь эчке чочко* <...> (с. 11) «Акай добрался до речки Эряф. Для перехода через нее поставлено толстое бревно <...>» и т. д.

Из послелогов, выражающих временные отношения, в качества средства связи автором используется послелог «*мельга*» «за», при этом на временные отношения накладываются пространственные. И это понятно, так как значения пространства и времени, передаваемые с помощью послелогов, очень тесно переплетаются между собой. Так, Л. П. Якубинский, доказывая первичность пространственного значения по отношению к временному, отмечал, что для выражения временных отношений используются те же слова, что и для выражения пространственных. Он указывает, что в русском языке нет ни одного временного предлога, который по своему происхождению не был бы пространственным. Более того, автор утверждает, что это закон для всех языков, знающих предлоги или послелогии [5, с. 255]. К этому мнению приходит и Л. В. Самосудова, исследуя на материале английского и эрзянского языков послелогии и предлоги с пространственным значением [3, с. 272–273]. Иллюстративный материал убедительно доказывает правоту исследователей: *Сон [попось] ризанек-мезнек ертовсь эйзэнзэ [кенкшентень]. Мельганзо капишазевсь воеводась* (с. 67) «Он [поп] прямо в рясе кинулся к ней [двери]. За ним заторопился воевода».

Послелогии *марто* «с», *эйсэ* «в», «с», *эйс* «в», «к», объединяя компоненты текста, передают комитативные (совместности, соучастия) отношения: *Август ковонь омбоце пелькстэнтъ Саранскоень крепостев сась Бярятинской Юрий Никитич князесь* <...> *Мартонзо састь ламо рейтарт* <...> (с. 131) «Во второй половине августа в Саранскую крепость прибыл князь Бярятинский Юрий Никитич <...> Вместе с ним прибыло много рейтар <...>».

Послелог *эйстэ* «от», «из», «среди» служит для выражения субъектно-объектных отношений: *Московсто Саранскоентъ трокс ютасть дононь казакт. Эйтэдест ульнестъ комсешка ломань* (с. 34) «Из Москвы через Саранск прошли донские казаки. Их (букв.: среди них) было человек двадцать»; <...> *жердине ланга соднозь коське тикше пүсмот. Эйтэст ламо* <...> (с. 98) «<...> на жердочках развешаны пучки сухой травы. Их (букв.: из них) много <...>».

Послелогии, передающие другие типы отношений, автором используются несколько реже. Некоторый интерес могут вызвать следующие:

– *пельде* «от»: – *Се кодамо паро таркась? – конянь сормсезь, кевкстизе Олена [воеводань нинть]. Пельдензэ валонь евтамо эзь учо, кортазевсь седе тов* <...> (с. 99) «– Это какое хорошее место? – морща лоб, спросила Олена [жену воеводы]. От нее сама слов не ждала, заговорила дальше <...>». В этом примере послелог *пельде* «от», употребленный с лично-притяжательным суффиксом – *нзо*, обозначающим принадлежность предмета третьему лицу един-

ственного числа, передает субъектные отношения;

– таркас «вместо», «за»: *Кавто казактнень ваксс крыльцянтень кузсть колмо-ниле стрелец, <...> ушодсть кенкшенть керсеме. Тесэнь шалныцят-ненень а весенень вечкевсь истямо тевесь. **Конат-конат** капиазевсть туеме кабаконтэ эйстэ седе васов. **Тарказост** чийсть лият* (с. 65) «На крыльцо рядом с двумя казаками поднялись три-четыре стрельца, <...> начали рубить дверь. Не всем шумящим здесь понравилось это дело. Некоторые заторопились уйти подальше от кабака. Вместо них прибежали другие». Послелог *таркас* «вместо», «за» выражает отношения замещения.

Как видим, прономинализированным послелогам (как и собственно местоимениям, а также местоименным наречиям) свойственна заместительная функция. Так же, как и слова этих частей речи, они являются сигналами синсемантики. В случае использования прономинализированных послелогов мы имеем дело с морфологическими синонимами. Формы *велькссэнзэ – сонзэ велькссэ* «над ним / ней», *мартонзо – сонзэ марто* «с ним / с ней», *перькаст – сынст* «вокруг них», *эйстэнзэ – сонзэ эйстэ* «из него / нее» и т. д. близки по передаваемым значениям и выполняемым функциям. В тексте они помогают избежать лексических повторов, способствуют разнообразию речи.

Литература

1. Грамматика мордовских языков. Фонетика. Графика. Орфография. Морфология : учебник для нац. отд. вузов / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1980. – 431 с.
2. Заводова, Р. А. Система частей речи в мордовских языках / Р. А. Заводова // Материалы науч. сессии по вопросам мордовского языкознания. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1955. – С. 151–156.
3. Самосудова, Л. В. Послелог и предлог как средства выражения пространственных отношений (на материале английского и эрзянского языков) / Л. В. Самосудова // «Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья», межрег. науч.-практ. конф. «Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья», 26–27 мая 2006 г., посвящ. 100-летию со дня рожд. П. Аристэ [материалы] / МГУ им. Н. П. Огарева; межд. консультатив. ком. финно-угорских народов. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2006. – С. 272–277.
4. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузонь эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтицянтень туртов / редкол. : Д. В. Цыганкин (отв. ред.), Н. А. Агафонова, М. Д. Имайкина [и др.]. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2000. – 280 с.
5. Якубинский, Л. П. История древнерусского языка / предисл. и ред. В. В. Виноградова; примеч. П. С. Кузнецова. – М. : Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Л. П. Водясова, И. В. Еряшева, А. Г. Огарева
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО

ЦЕЛОГО С НОМИНАТИВНЫМ ЗАЧИНОМ В ПРОЗЕ К. Г. АБРАМОВА*

Обращение к языку произведений К. Г. Абрамова, одного из наиболее ярких современных писателей Мордовии, продиктовано значимостью его творчества. Используемые им формы синтаксиса непосредственно связаны с их содержанием и отражают движение художественной идеи писателя, реализуемой в конкретных мотивах произведения.

Проза К. Г. Абрамова состоит из разных синтаксических единиц. Самой крупной и самой распространенной из них является *сложное синтаксическое целое (ССЦ)*. Как известно, это синтаксическая единица, представляющая собой объединение нескольких предложений, тесно связанных семантически и синтаксически.

В лингвистике текста к числу наименее изученных проблем относится вопрос о типологии ССЦ. В ряде работ отечественных и зарубежных авторов предпринимаются попытки определить и описать отдельные типы построения сложных единств, наметить их классификацию. Основанием для выделения структурных типов служат различные признаки. В своей работе мы придерживаемся мнения удмуртского ученого Г. А. Ушакова, который, развивая точку зрения Г. Я. Солганика [5], предлагает классифицировать ССЦ, основываясь на организующей роли зачина [6, с. 34]. Исходя из этого, получается достаточно строгая и стройная система. Так, в эрзянском языке по степени интенсивности протекания описываемого действия, процесса и явления могут быть выделены: 1) ССЦ со статичными зачинами; 2) ССЦ с динамичными зачинами [более подробно см. об этом: 4, с. 65–82].

В прозе К. Г. Абрамова среди ССЦ со статичными зачинами представлено несколько групп, одну из наиболее распространенных представляют **ССЦ с номинативным зачином.**

ССЦ с номинативными зачинами имеют ярко выраженную функциональную направленность – предназначены для описаний. Они чаще всего открывают произведение (роман, повесть, очерк, репортаж) или его крупный фрагмент и выполняют функцию экспозиции.

Наблюдения над текстами К. Г. Абрамова продемонстрировали, что ССЦ, полностью состоящие только из однотипных номинативных предложений, не встречаются. Номинативный зачин обычно выступает в сочетании с различными по типу предикативными единицами. Но используются не любые предложения, а только определенного типа, особенностью которых является их описательный характер и близость к номинативным по своему синтаксическому строению.

По характеру зачина ССЦ рассматриваемого типа в произведениях писателя подразделяются на две группы:

1. ССЦ с номинативным зачином, имеющим значение места. Зачин

* Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Параметры текстообразования в художественном пространстве Народного писателя Мордовии Кузьмы Григорьевича Абрамова» (проект 13-14-13002).

указывает на место действия, но благодаря своему начальному положению в ССЦ он приобретает и значение длительности во времени: **Вирь лушмо. Седе тарка. Кавто куро ютксо ломанень кельгема варя. Куротнень эйтэ варянтъ вельксс венстевсть лопав тарадт. Сынъ кекшизь варянтъ. А неяви. Бути а содасак, ютат ваксканзо. Модантъ потмов варясь келеми, тееви берлогакс. Кияксозо ацазь тарадсо, тарадтнэнь лангсо олгот. Олготне мерькавсть, езавсть, теевсть сювакс. Стядо тезэнь а кельгат. Совамс эряви комадо ды аштемс озадо или мадезь. Эрицянзо аштить мадезь кунст. Вейкесь кувака, пильгензэ венстевсть совамо варянтень. Омбоцесь седе нурькине. Сынъ удость, ней сыргозсть ды кортнить** [2, с. 229] «Глубь леса. Чашоба. Между двумя кустами дыра, вмещающая человека. От кустов к дыре протянулись густые ветки. Они спрятали дыру. Она не видна. Если ее не знаешь, пройдешь мимо. Под землей дыра расширяется, превращается в берлогу. Пол устлан ветками, на ветках солома. Солома сваялась, протерлась, превратилась в мякину. Стоя здесь не поместишься. Входить надо, согнувшись, и оставаться сидя или лежа. Здешние обитатели расположились, лежа на спине. Один из них длинный, ноги протянул в сторону входа. Другой короче. Они спали, теперь проснулись и разговаривают».

Как видим, это ССЦ характеризуется смешанным синтаксическим составом. Первое номинативное предложение, выступающее в роли зачина, как бы очерчивает рамку картины, в которую затем вписываются детали. Оно определяет тематическое единство текста, обозначая место действия (*вирь лушмо* «глубь леса»). После трех номинативных используются предложения другого типа – простые и сложные, двусоставные и односоставные. Однако все они объединяются общим временным планом (используются формы настоящего времени или прошедшего с перфектным значением), единым тоном, единой модальностью;

2. ССЦ с номинативным зачином, имеющим значение времени. Зачины этого типа указывают на время действия: **Тундонъ валске. Маней. Якстере чись, теке толпарго, лиссь Рав томбальксэнь виртнень экиштэ ды састыне айги верев. Пертьпельксэсь сэтъме** [3, с. 11] «Весеннее утро. Светло. Красное солнце, словно короб огня, вылезло из-за заволжских лесов и теперь тихонько двигается вверх. Вокруг тихо».

Как и предыдущее, это ССЦ также характеризуется смешанным синтаксическим составом. Здесь номинативные предложения сочетаются с односоставным безличным (*Маней* «Светло») и двусоставными, объединяются они общим значением модально-временного плана.

Встречаются ССЦ, в которых за номинативным зачином со значением времени следует номинативное же предложение со значением места: **Кизэнь чи. Пакся. Пертьпельга чоледить нармунть. Кинтъ кавто енга састыне тошкки розь. Зэхель ладсо пуви вармине. Сон чевтестэ вадяши чаманть, налкси чертнесэ** [1, с. 49] «Летний день. Поле. Вокруг щебечут птицы. По обеим сторонам дороги тихо шепчет рожь. Тихо дует ветер. Он мягко гладит лицо, играет в волосах». В таких ССЦ автор одновременно обозначает и время, и место дей-

ствия.

Особую, весьма небольшую, группу составляют ССЦ, в номинативных зачинах которых лексически не выражено ни значение места, ни значение времени. В них называются характерные приметы обстановки, бытия, состояния. В структурном отношении ССЦ с такими зачинами не отличаются от рассмотренных ранее ССЦ с номинативными зачинами, имеющими значение места или времени: *Пси. Кевень перронось калявсь теке каштом ланго, а озаваткак. Эрва кува ломанть. Весе учить текень, зярдю ильтясызь чилисема енов. Хоть ков, ансяк чилисема енов* [2, с. 45] «Жара. Каменный перрон накалился словно печка, невозможно присесть. Везде люди. Все ждут одного, когда их отправят на восток. Хоть куда, только на восток».

Зачин этого ССЦ номинативный. В нем обобщенно выражено значение состояния. Остальные предложения различны по структуре и составу. Однако все они объединены общим значением настоящего времени.

К ССЦ с номинативными зачинами близки ССЦ номинативного типа, в которых группа номинативных предложений находится не в начале, а в середине или даже в конце. Зачином здесь, чаще всего, является двусоставное предложение вводящего характера, содержащее слово или выражение, которое затем конкретизируется группой номинативных предложений, семантическая нагруженность которых неизмеримо возрастает. В отличие от рассмотренных ранее, в таких ССЦ описание перенесено внутрь. Предложения, составляющие сердцевину ССЦ, часто не имеют значения бытийности (основной семантический признак номинативных предложений) и совпадают с ними лишь по форме. Они используются для характеристики, оценки явлений, предметов, событий и т.д.: *Пахом Васильевич <...> ярсамодо мейле тусь военкоматов. Тесэ ульнесь народ. Туицят, ильтицят. Шалт. Конат морасть, конат авардсть <...>* [2, с. 16] «Пахом Васильевич <...> после обеда пошел в военкомат. Здесь был народ. Отъезжающие, встречающие. Гул. Кто пел, кто плакал <...>».

Номинативные предложения находятся в середине ССЦ. С обеих сторон они обрамлены двусоставными предложениями. Второе предложение содержит абстрактное имя существительное (*народ* «народ»), имеющее вводящий характер и конкретизируемый в дальнейшем последующими номинативными предложениями.

Таким образом, номинативные предложения, выступающие в роли зачинов в составе сложного синтаксического целого (ССЦ) в художественных произведениях К. Г. Абрамова, отражают действительность, называя ее характерные признаки, детали, обстоятельства в виде своеобразных синтаксических штрихов, и создают характерный контур описываемой действительности.

Литература

1. Абрамов, К. Г. Ломантне теевсть малацекс = Люди стали близкими: роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1961. – 428 с.
2. Абрамов, К. Г. Качамонь пачк = Сквозь дым : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1964. – 556 с.

3. Абрамов, К. Г. Пургаз : роман-сказание / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. – 480 с.
4. Водясова, Л. П. Сложное синтаксическое целое как основная структурная единица текста: на материале современного эрзянского языка: монография / Л. П. Водясова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 165 с.
5. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое): учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1973. – 216 с.
6. Ушаков, Г. А. Научные основы методики развития связной речи учащихся при изучении морфологии удмуртского языка : дис. ... д-ра филол. н. / Г. А. Ушаков. – М., 1991. – 439 с.

С. А. Жолдасбаева

КГУ «Школа-интернат для одаренных детей «Озат» Управления образования акимата Костанайской области, Казахстан, г. Костанай

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЬЮТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В настоящий момент оформляется заказ общества на тьюторское сопровождение личности. Это связано с существующими политическими, социально-экономическими и нравственными тенденциями в современном Казахстане. Прежде всего, эта потребность продиктована становлением и развитием гражданского общества, принципиально новой позицией человека в нем. Для реализации этих задач необходима новая педагогическая позиция, новая профессия – профессия «тьютор».

Тьюторство – это новая профессиональная педагогическая практика в современном казахстанском образовании, которая нацелена на создание условий, в которых процесс взросления старшеклассников будет проходить с учетом их возрастных особенностей и психологических новообразований.

В соответствии с Правилами функционирования базовых организаций образования по внедрению опыта Автономной организации образования «Назарбаев Интеллектуальные школы», утвержденных приказом МОиН от 27 апреля 2012 года № 194, администрация школы – интерната для одаренных детей (ШОД) «Озат» инициировала внедрение экспериментальной программы по теме «Тьюторское сопровождение как инновационный ресурс образовательного учреждения».

«Тьютор (в переводе с англ. – преподаватель-консультант) – лицо, облегчающее процесс обучения, чья роль – быть знающим партнером своих слушателей» [1, с. 74].

Истоки первой тьюторской практики исследователи относят ко времени появления первых европейских университетов. Феномен тьюторства происходит из Великобритании и зародился примерно в XIV веке в классических английских университетах – Оксфорде и Кембридже.

К концу XVI века тьютор становится центральной фигурой в универси-

тетском образовании, отвечая, прежде всего, за воспитание подопечных. В XVII веке сфера деятельности тьютора расширяется – все большее значение начинают приобретать образовательные функции. Тьютор определяет и советует студенту, какие лекции и практические занятия лучше всего посещать, как составить план своей учебной работы, следит за тем, чтобы его ученики хорошо занимались и были готовы к университетским экзаменам. Тьютор – ближайший советник студента и помощник при всех затруднениях.

В дидактике тьютор – это позиция, сопровождающая, поддерживающая процесс самообразования, индивидуальный образовательный поиск, осуществляющая поддержку разработки и реализации индивидуальных образовательных проектов и программ. Другими словами, тьютор – это наставник. Тьюторство – это отдельная культура, формировавшаяся в истории параллельно культуре преподавания и обучения. Культуре тьюторства, по крайней мере, девятьсот лет.

Тьюторство востребовано в сферах достаточно сложного содержания, где нет однозначных методов познания, где понимание требует персональных, личных усилий. Такое понимание не может быть, как правило, организовано технологически, для всех одинаково. Тьютор, также как и его подопечный, может не знать ответа, но у него есть опыт такого понимания, опыт самостоятельного нахождения ответов. И он умеет поделиться своим опытом и создать условия для возникновения такого опыта у других.

Тьютор похож на фигуру научного руководителя, только его находки остаются в тени, потому что касаются открытия нового не для всего человечества, а только для очередного подопечного.

Опыт работы (попыток передать опыт тьюторства) показал, что учителю подчас трудно встать в позицию тьютора. Прежде всего, потому что они знают ответы, знают, как правильно к ним подвести – и это есть часть их профессии, они учат правилам и преподают законы. У тьютора другие цели, другой стиль и повод для общения.

Сегодня в практической деятельности используются различные варианты организации тьюторского сопровождения, которые могут быть выбраны образовательным учреждением. Одним из вариантов организации тьюторского сопровождения является формирование особой позиции педагога, изменение его функциональных обязанностей и ролей. Сравнительная характеристика функциональных ролей педагога в традиционном понимании и педагога с тьюторской позицией, представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнительная таблица функции учителя и тьютора

Сравнение	Учитель	Тьютор
В каком процессе участвует, в каком качестве?	обучение, управляет процессом	самообразование, сопровождает, поддерживает процесс

За что отвечает в идеале?	передает знание	участвует в формировании индивидуальной ответственности за знание
На что опирается в своей деятельности?	методики обучения	рефлексия опыта самообразования

Сегодня уже никто не сомневается в необходимости индивидуального подхода к всестороннему развитию одаренного учащегося. Переход к индивидуальной, личностной работе с каждым обучающимся, защите его интересов и помощи в решении его проблем повлек за собой введение данного эксперимента в учебно – воспитательный процесс ШОД «Озат». Для внедрения указанной модели были определены два базовых класса: общественно-гуманитарного профиля и естественно-математического, которые поделены на четыре тьюторские группы по 10–11 тьюторантов в каждой. За каждой тьюторской группой закреплен тьютор.

Тьютор ШОД «Озат» организует совместное обсуждение с обучающимся, его семьёй индивидуальных образовательных запросов, потребностей, целей, помогает оформить заказ на образование, сопровождает продвижение обучающегося по индивидуальной образовательной траектории в пространстве школы-интерната, в социуме. Именно тьютор помогает открыть и использовать при разработке и реализации индивидуальных образовательных программ образовательные ресурсы ШОД «Озат» для удовлетворения индивидуальных потребностей, для реализации индивидуальных образовательных целей, в том числе за пределами школы-интерната. Реализация концепции профильного обучения в старших классах школы-интерната предполагает соблюдение принципа индивидуализации, «гарантом» которой в образовательном учреждении становится тьютор.

Целью тьюторского сопровождения в ШОД «Озат» является создание социально-педагогических условий для формирования культуры работы с собственным будущим и определения собственного уникального пути освоения знания одаренного старшеклассника, которое ему более всего необходимо.

Принципы реализации программы ШОД «Озат» «Тьюторское сопровождение старшеклассников» [2, с. 2]:

Принцип индивидуализации состоит в том, что каждый из обучающихся проходит собственный путь к освоению того знания, которое именно для него является более необходимым. Цель педагога – помочь каждому определить собственный путь к области знания, нужной для него.

Принцип открытости – это специфическое качество системы образования, которое создает организационно-педагогические условия для предоставления возможности самостоятельного выстраивания учащимся своей образовательной программы. Самостоятельно – отнюдь не значит стихийно и бесконтрольно. Тьютор оказывает тщательно спланированное и организованное сопровождение.

Принцип вариативности развивает культуру выбора из готовых, предложенных вариантов: кружков в дополнительном образовании, факультативов и курсов по выбору. Вариативность – принцип выстраивания учебного плана (как компонента программы).

Принцип модульности. Модуль понимается как завершённый цикл деятельности обучающихся. В соответствии с представлениями ряда исследователей (например, Дж. Дьюи) о ведущих формах познавательной активности детей выделяются три базовых образовательных модуля: исследовательский, коммуникативный, игровой.

Задача тьютора – «провести» обучающегося через разные способы работы. Осмыслить успехи и неудачи. Путём анализа пройденного пути прояснить индивидуальный «образовательный профиль».

Принцип гибкости проявляется в ориентации тьюторского сопровождения на расширение социальных контактов, неизменная поддержка инициативы в выборе способов деятельности.

Принцип непрерывности позволяет обеспечить последовательность, цикличность, своевременность процесса развития познавательного интереса.

Тьюторское сопровождение в ШОД «Озат» разворачивается в виде единого цикла – взаимосвязанных этапов [3, с. 82]:

- диагностический,
- проектировочный,
- реализационный,
- аналитический.

Каждый из этапов имеет свою специфику и способы работы педагога и учащегося.

На диагностическом этапе происходит первая **встреча тьютора со своим подопечным**. Тьюторант фактически представляет тьютору свой познавательный интерес, рассказывая о себе, об истории возникновения своего интереса. Тьютор фиксирует первичный образовательный запрос учащегося, его интересы, склонности, показывает значимость данного интереса и перспективы совместной работы в этом направлении. Выясняет планы учащегося и образ желаемого будущего. На этом первом этапе тьютор использует: методику запуска работы с портфолио, анкетирование, тестирование, свободное интервью, для определения имеющегося у тьюторанта начального объема знаний по теме заявленного интереса.

Для реализации **проектировочного этапа** организуется сбор информации относительно зафиксированного познавательного интереса. Тьюторант собирает *тематический портфолио*, посвященный данной теме; по содержанию он представляет собой информационный портфолио. Там собираются материалы, предназначенные для дальнейшего совместного анализа тьютором и тьюторантом.

На этом этапе тьютор помогает школьнику составить так называемую «карту» познавательного интереса, проводит консультации, оказывает необходимую помощь в формулировании вопросов, касающихся сужения или расши-

рения темы предстоящего проекта или исследования. Основными задачами тьютора на данном этапе являются поддержка самостоятельности и активности, стремление тьюторантов отыскать собственный оригинальный способ заполнения карты познавательных интересов.

Третий этап – собственно реализация образовательного поиска и представление найденных сведений, полученных результатов, оформляется новый тип портфолио – **презентационный**. Он создается на основе тематического, но служит для размещения отобранной тьюторантом специально для представления наиболее значимой, по мнению школьника, информации, наглядно свидетельствующей о полученных им результатах в процессе поиска (проекта, исследования).

На **аналитическом этапе** организуется тьюторская консультация по итогам всего процесса работы и презентации, на которой будут представлены результаты работы тьюторанта.

В целом, аналитический (рефлексивный) этап направлен на рефлекссию старшеклассника с помощью тьютора своего пройденного пути, достигнутых на данном этапе результатов. Этот этап способствует развитию адекватной самооценки, умению анализировать как собственные способы действия, так и способы действия окружающих, понимать происходящие в себе и в окружающих изменения.

Таким образом, определяются перспективы продолжения поиска по той же теме или аргументируется смена соответствующего интереса на новый [3, с. 82-87].

В процессе взаимодействия с учащимся разрабатываются и ведутся:

- Дневник «Тьюторское сопровождение одаренных учащихся».
- «Дневник саморазвития тьюторанта».
- Психологическая диагностика «Шаги познания».
- Дневник «Радуга успехов».
- Дневник консультаций.

Все это позволит отслеживать результаты экспериментальной деятельности:

- личностные результаты – готовность и способность обучающихся к саморазвитию, сформированность мотивации к учению и познанию;
- метапредметные результаты – освоенные ими универсальные учебные действия (познавательные, регулятивные и коммуникативные), составляющие основу умения учиться (функциональной грамотности);
- реализовать собственную индивидуальную образовательную программу; получить опыт работы в команде.

Литература

1. Беков, Х. А. Терминология в системе дополнительного профессионального образования: словарь / Х. А. Беков, С. В. Широбоков, И. И. Кирьянов [и др.]. – М. : ИПК госслужбы, 2001. – 107 с.
2. Колосова, Е. Б. Тьютор как новая профессия в образовании. – [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа : <http://www.mioo.edu.ru/attachments/article/758/>

3. Ковалева Т. М. Профессия «тьютор» / Т. М. Ковалева, Е. И. Кобыща, С. Ю. Попова (Смолик), А. А. Теров, М. Ю. Чередилина. – М. – Тверь : «СФК-офис», 2012. – 246 с.

И. Я. Жебраткина

Мордовский госуниверситет им. Н.П.Огарева, Россия, г. Саранск

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЛЁКСОВСКОГО ГОВОРА МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА³

Алёксовский говор мокшанского языка находится на территории Кадошкинского района Республики Мордовия.

Фонологическая система гласных составляет шесть единиц: пять гласных полного образования *и(ы), е, у, о, а* и один редуцированный *ь*. Частотность употребления гласных в слове не одинакова. Все шесть гласных употребляются в первом слоге. Вне первого слога встречаются лишь *а, ь*, реже *е, и, у*.

В своей статье мы остановимся на дистрибуции гласных заднего ряда в первом слоге слова.

В данной позиции чаще можно встретить нелабиализованный гласный нижнего подъема *а*. В начале слова он может стоять перед велярным непарным, реже – велярным парным согласным в следующем фонетическом окружении: ГС: *ал* «яйцо», *аш* «не, нет», *азъмс* «сказать», *акшь* «белый»; ГС': *ат'е* «старик, дедушка», *ас'кълкс* «шаг», *ат'евъс'* «отец мужа»; СГС: *кавал* «коршун», *кафтъ* «два», *мар* «куча», *максъмс* «дать», *лакамс* «кипеть», *лафчъ* «слабый», *нар* «трава, спорыш», *салъмкс* «игла»; СГС': *кат'л'амс* «обглодать», *каР'ц'амс* «тратить, расходовать», *кар'ас* «спина», *кар'ън'т'фн'ъмс* «раздеваться».

В позиции СГС ему нередко предшествует палатальный среднеязычный *й*: *йавафтъмс* «истопиться», *йакамс* «ходить», *йакшам* «холод», *йан* «тропа», *йафъд'ъмс* «выбросить, махнуть».

В первом слоге гласный *а* не встречается после палатализованного согласного и между палатальными или палатализованными согласными.

В рассматриваемом говоре в первом слоге слов гласный *а* всегда ударный, но в некоторых случаях он все-таки отдает ударение, тогда *а//ъ*. Это наблюдается 1) в группе исторически сложных слов, в первом слоге обоих компонентов которых стоял гласный *а*; при этом в говоре имеет место двоякое произношение, например, *ка:Р'ц'иган* и *къР'ц'ига:н* «ястреб»; 2) в трехсложных словах, где в одном из непервых слогов тоже стоит гласный *а*: *ка:Рцад'ъмс* и *къРца:д'ъмс* «ткнуть»; в производных от них: *ка:Р'ц'иганън'* и *къР'ц'ига:нън'*, *ка:Р'ц'игатт* и *къР'ц'ига:тт*, *ка:Рцад'ъма* и *къРца:д'ъма*, *ка:Рцат'фт'ъмс* и *къРца:т'фт'ъмс* [3, с. 73].

Гласный *о* встречается как в абсолютном начале слова, так и в согласном

³Сокращения: Алкс. – алексовский говор мокшанского языка; м. л. – мокшанский литературный язык; э. л. – эрзянский литературный язык.

окружении: ГС: *оламс* «выцвести», *омбът'* «после завтра», *омбъц'ъ* «второй», *ош* «город»; ГС': *от'кър'* «шустрый, юркий, быстрый», *оц'у* «большой», *от'н'ъмс* «донимать», *оц'е* «старший брат отца»; СГС: *торамс* «греметь», *ловн'е* «снег», *шовиямс* «вспениться», *тов* «ядро», *ков* «луна», *мон* «я», *моркиш* «скамья»; СГС': *кос'ке* «сухой», *тос'т'ед'ъмс* «толкнуть»; *мус'къмс* «стирать», СГС: *с'орма* «письмо», *с'ок / с'ока* «кисть (деталь праздничной женской одежды)», *с'окс'ъ* «осень»; СГС':ор «шуба», *т'ож'д'е* «лёгкий».

По частотности употребления на первом месте стоит фонетическая позиция между двумя велярными согласными, реже других находим в позиции между двумя палатальными согласными (в мокшанском литературном языке в последней позиции *о* не встречается вообще).

В алексовском говоре гласный *у* встречается в следующих фонетических позициях: ГС: *улал* «подбородок», *увамс* «лягать», *уркъд'ъмс / уркъдъмс* «выть»; ГС': *ут'амс* «нагнуть, согнуть», *ул'ъмс* «быть», *ус'къ* «провода, провод», *ур'аиш* «жена старшего брата»; СГС: *тумс* «уйти», *сур* «палец», *лув'ъмс* «считать», *сускъмс* «укусить»; СГС': *с'ур'е* «нитка», *т'ур'ъмс* «драться», *с'ут'амъмс* «успокоиться», *с'уц'ъмс* «поругать», *т'уж'е* «жёлтый», *ш'уж'ер'* «сено».

При словоизменении или словообразовании, когда в последующих слогах появляется *а* или *е* < *ä* и указывается в безударном положении, он чередуется с *ъ*, в других мокшанских диалектах безударный *у* свое качество сохраняет, например: *к'ънц'а:н* «я ловлю», *п'ъта:н* «я ставлю», *с'ъска:н* «я кусаю», *с'ъма:н* «я пью», *с'ъф'ън'д'а:н* «я просеиваю», сравните: в других диалектах – *кунца:н*, *пута:н*, *с'има:н*, *суска:н*, *с'иф'ън'д'а:н*. Поэтому частотность употребления гласного *у* в этом говоре ниже, чем в тех, которые не знают процесса редукции.

О появлении редуцированного гласного в мокшанском языке нет единого мнения. Одни исследователи [См.: 4, с. 97; 1, с. 116] считают, что в общемордовском языке этого гласного не было, он развился в период самостоятельного развития из узких гласных верхнего подъема *у*, *и(ы)*, когда они оказывались в безударном положении [1, с. 160-161; 5, с. 17]. С.З.Деваев [2, с. 272], Д. В. Цыганкин [6, с. 45], Г. С. Иванова [3, с. 86] считают, что редуцированный гласный в мокшанском языке и в некоторых диалектах эрзянского языка является наследием прамордовского языка, а в период самостоятельного развития мордовских языков из редуцированного гласного в эрзянском языке развились гласные полного образования, а в шугуровском диалекте он сохранился, так как «там создались наиболее благоприятные фонетические условия, при которых действие ассимилятивных процессов было минимальным. И это, прежде всего, сохранение ударения в первом слоге [3, там же]. Кроме примеров, приведённых выше, теорию происхождения мокшанского гласного *ъ* из *у*, *и(ы)* подтверждают соответствия из эрзянского языка: алкс. *ър'в'ä*, м.л. *ър'ве*, э.л. *ур'ва* «жена»; алкс. *ърдас*, м.л. *ърдас*, э. л. *урдас* «грязь»; алкс. *кър'н'е*, м.л. *кър'н'ä*, э.л. *кир'ин'е* «катушка».

Мнение, что редуцированные гласные в финно-угорских языках появились относительно недавно, перекликается с высказываниями марийских исследователей Д. Г. Казанцева, Е. И. Коведяевой о влиянии тюркских языков на

возникновение современного типа ударения и редуцированных гласных в марийском языке.

Таким образом, в первом слого слова алёксовского говора употребляются три гласные заднего ряда: а, о, у. Чаще встречается гласный нижнего подъема а, реже – гласный верхнего подъема у. Для гласных заднего ряда не характерной является позиция после палатализованного согласного, так как смягчение согласных возможно только перед гласными переднего ряда. В безударном положении гласные а, учередуются с гласным неполного образования ь.

Литература

1. Бубрих, Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. – 272 с.
2. Деваев, С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка / С. З. Деваев // Очерки мордовских диалектов / С. З. Деваев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – 433 с.
3. Иванова, Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении / Г. С. Иванова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 178 с.
4. Паасонен, Х. Мордовская фонетика / Х. Паасонен. – Нельсинки, 1903. – 178 с.
5. Феоктистов, А. П. Мокшанские диалекты / А. П. Феоктистов // Х. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. – Helsinki, 1990. – P. 71 – 86.
6. Цыганкин, Д. В. Фонетика эрзянских диалектов / Д. В. Цыганкин. – Саранск : Мордов. ун-т. 1979. – 112 с.

Ю. С. Жиндеева,
ФГКВОУ ВПО «ВМедА им. С. М. Кирова», Россия, г. Санкт-Петербург
Е. А. Жиндеева
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЕ ЗНАНИЕ В СВЕТЕ ИНТЕГРАЦИИ НАУК (К ВОПРОСУ О СМЕРТИ С. А. ЕСЕНИНА)

Каждая общность, формирующаяся в течение многих веков, накапливает определенный багаж ценностей, к которым можно отнести этические нормы, эстетические принципы, национальные традиции, обычаи и прочее. К таковым можно отнести отношение к суициду.

Развитие критического мышления, того самого общественного явления, которое может быть представлено как совокупность рационального, рефлексивного и творческого начал, формирует определенные мысли и идеи, смысл которых заключается в новом подходе к анализу всей эпохи в целом, с ее совокупной культурой и традициями. В этой системе отношений ведущее место, на наш взгляд, принадлежит интеграции самых, казалось бы, несовместимых наук. Современный исследователь работает, как правило, в одной сфере, интересуется одним объектом изучения – специализация ученых становится все более и более узкой. С другой стороны, примерно со второй половины XX в. происхо-

дит постоянная интеграция научного знания, усиливаются междисциплинарные связи. Естественнонаучные исследования получают философское обоснование, занимаются поисками своего экзистенциального подтекста, а гуманитарные - стремятся стать прикладными, использовать исчисления и формулировать законы. Признавая бесконечность горизонтов познания, как нам кажется, возможно остановиться на исследовании определенного круга тем, которые являются ключевыми для человечества. К таковым нами отнесены темы жизни и смерти, ключевые и для литературы, и для медицины.

Как объект изучения танатологические мотивы в художественной творчестве привлекают внимание значительного количества исследователей-гуманитариев: философов, литературоведов, социологов, культурологов и др. Современная судебная медицина идет по пути выявления и описания новых явлений действительности, способных привести к летальному исходу. Однако до настоящего времени самым распространенным способом самоубийства и одним из ведущих форм убийств остается повешение. Именно это стало отправной точкой схождения двух наук относительно гибели великого русского поэта С. А. Есенина.

В условиях обновления содержания современной науки синергетические связи срабатывают на разных уровнях, при этом парадигматика исследования имеет не только междисциплинарную основу, но и позволяет, в том числе, добиться перспективного описания мыслительных операций регулирования и оптимизации взаимодействия гуманитарных наук. В предлагаемом докладе разность исследовательских подходов к изучению личности великого русского поэта с позиции возможного суицида на основе анализа творчества, поведения, обстоятельств жизни, и, наконец, как совершения непосредственного действия (в нашем случае – повешения) позволяет создать дискретную мозаику определения медико-социальных аспектов пограничных нервно-психических расстройств личности поэта в аспекте литературоведческого комментария к его художественному наследию.

Судебная медицина и психиатрия располагают конкретными объективными фактами описания особых каузальных условий для экзистенции в действительном наличном бытии, что становится основой для междисциплинарного рассмотрения феномена суицида. Однако компаративистской аналитики, касающейся еще и литературоведения (в частности текстологии и истории литературы) как науки об изображении самоубийц и жизнедеятельности творческих личностей, покусившихся на свою жизнь, в научном обиходе до настоящего времени еще не было.

Избранный для анализа жизненный путь и творчество С. А. Есенина, с одной стороны, вызывает ряд общественных дискуссий (вопрос о самоубийстве) и является исключительным для советской эпохи середины 20-х годов XX века. С другой – это типичный путь национального поэта, человека особой душевной организации. Для нас интересен, с одной стороны, диагноз С. А. Есенина, проходившего лечение в психиатрической клинике Ганнушкина на Девичьем поле и имеющего все предпосылки для совершения суицида. Объектом

нашего внимания становятся произведения великого русского поэта, где должны были бы быть отражены особенности состояния писателя до момента свершения губительного действия. Такая бинарность позволяет нам на основе неоспоримых фактов (странгуляционная борозда, отмеченные в протоколе осмотра тела степень окоченения, трупные пятна и т. п.) и, судя по опубликованным прижизненным произведениям, сделать вывод о самоубийстве писателя. Указывая в качестве объективных причин, приведших к трагедии, увлечение алко-голем, детерминирующую роль непонимания происходящего в обществе, любовные жизненные коллизии, предательство друзей, денежные неурядицы и т. д., усиливая выдвинутые суицидальные характеристики поэта конкретными примерами иммативного и нарратологического анализа его последних произведений, мы приходим к выводу о возможности самоубийства Сергея Александровича Есенина.

Одним из основных вопросов при исследовании трупа, извлеченного из петли, является установление прижизненного или посмертного происхождения странгуляционной борозды. Наличие борозды на трупе само по себе ещё не означает, что смерть наступила от повешения, так как повешен может быть и труп, и на шее его может так же образовываться типичная странгуляционная борозда. Поэтому прижизненность странгуляционной борозды судебно-медицинскому эксперту установить порой очень сложно. Актуальность данной проблемы затрагивалась намного ранее. Так, в сочинениях врача П. Ольхина «Самоубийство в медицинском плане» (1859 г.) описан случай смерти бурбонского принца во Франции Луи-Анри-Жозеф Бурбон Кондев 1830 году, где расследование и заключения врачей так и не пришли к единому выводу [3]. Так же в рукописи приведены другие случаи, в частности, дело тулузского купца, отца которого четвертовали за самоубийство сына, неверно признав, что сын был задушен отцом. Нередки подобные ошибки и в сегодняшнее время. Поэтому целью нашей работы является анализ всех характеристик, присущих трупу в зависимости от того, было ли это самоубийство или появление странгуляционной борозды является посмертным явлением, которое бы дало право судебно-медицинскому эксперту дать однозначный ответ на вопрос о причине смерти конкретного человека. Специфика исследования нам позволяет рассматривать смерть с двух позиций: самоубийство путем повешения и насильственная смерть путем удушения или путем имитации самоубийства. Причем последнее, на наш взгляд, рационально разделить на имитацию самоубийства путем повешения трупа сразу после смерти и имитацию самоубийства путем повешения через некоторое время, с той оговоркой, что нами рассматриваются случаи нахождения трупа уже после трупного окоченения. В этом и состоит принципиально разный подход к рассмотрению трагедии, произошедшей в ночь с 28 на 29 декабря 1925 г.

Обратимся к свидетельству документов, указывающих на наличие характерных признаков странгуляционной борозды (возможно, нескольких борозд) на шее и соответствующих повреждений на лице С. А. Есенина. «В области шеи трупа С. А. Есенина отчетливо просматривается странгуляционная бороз-

да, и не одна, а, по крайней мере, две: похожая на отпечаток веревки, шнура или иного витого предмета и похожая на отпечаток ремня или широкой тесьмы. *Что касается узла на петле, то его попросту не было, поскольку удушение по эта ремнем или тесьмой происходило «на земле» (в горизонтальном положении) и необходимость в узле объективно отсутствовала.* А последующее «подвешивание» породило другую странгуляционную борозду». Как утверждали эксперты А. Г. Гиляревский и А. В. Маслов: «Голова трупа была склонена к левому плечу», следовательно (по их описанию), вдавленный отпечаток, без каких-либо оговорок, должен быть в области левой (а не правой) глазницы и направление его должно было бы быть из правой части лобной области вниз и влево, через левую глазницу.

Но если бы судебно-медицинские эксперты – вначале А.Г. Гиляревский, а впоследствии А.В. Маслов - обратились к фотографиям М.С. Наппельбаума и посмертным маскам С.А. Есенина, то они бы обнаружили совершенно другую картину» [2]. По сути, именно это стало причиной возникновения двух версий смерти С. А. Есенина, интерес к которым и в судебной медицине, и в литературоведении 1990-х годов сводился к возможному выявлению определенного набора доказательств.

Нам думается, поскольку не представляет возможным определить неопровержимые обстоятельства смерти, точную картину обнаружения трупа, следует обратить внимание на художественные произведения поэта последних месяцев жизни С. А. Есенина.

Смерть Есенина в результате самоубийства – это одна из господствующих ныне гипотез, т. е. немотивированных утверждений, которые кажутся столь действительными, что и в доказательстве не нуждаются. В качестве эмоционального подтверждения психического состояния поэта принято цитировать его последнее стихотворение, якобы написанное собственной кровью поэта в гостинице «Англетер». Однако при построчном контекстуальном разборе становится ясно, что прощания с жизнью в нем нет:

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,

Не грусти и не печаль бровей, –

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей [1, с. 37].

На теле Есенина, если верить советским документам, не было ран, из которых можно бы было взять кровь – только ссадины на коже, царапины, которые кровотечения не дают вообще (кровь на них только выступает, и обмакнуть в нее перо нельзя, тем более что она быстро сворачивается).

Признавая бинарный характер языковых и культурных проявлений личности мы убеждены, что почти каждый, кто всерьез думает о самоубийстве, так или иначе дает понять окружающим о своем намерении. Самоубийства не воз-

никают внезапно, импульсивно, непредсказуемо.

Суицидальными людьми, в целом, руководят амбивалентные чувства. Они испытывают безнадежность, и в то же самое время надеются на спасение. Часто желания за и против суицида настолько уравновешены, что если близкие в эти минуты проявят теплоту, заботу и проникательность, то весы могут наклониться в сторону выбора жизни. Вероятно, это и произошло с С. Есениным в период его пребывания в клинике Ганнушкина. Об этом же свидетельствует и одна из последних его поэм «Черный человек».

Эмпирический подход к исследованию литературного материала и документальных свидетельств того, что произошло чуть меньше века назад, позволяет синхронизировать знания и методы исследования двух наук.

Представленная работа не претендует на окончательность результатов и бесспорность выводов. Дискуссионность отдельных материалов оправдана и неизбежна. Поиск истины, как нам кажется, это импульс для дальнейшего сращения двух серьезных наук: медицины и литературоведения.

Литература

1. Есенин, С. А. Избранное / С. А. Есенин. – М. : Просвещение, 1991. – 386 с.
2. Фомин, В. К. Сергей Есенин. Обстоятельства гибели / В. К. Фомин // [Электронный ресурс] / Режим доступа :esenin.ru...obstoyatelstva...esenina-logika-deystviy (дата обращения 03.05.2013)

А. Н. Жылысбаева, З. Р. Есалиева

Региональный социально-инновационный университет,
Казахстан, г. Шымкент.

КОКСАРАЙСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КЛИМАТ

Водохранилища – искусственные водоемы. Они предназначены для задержания, накопления, хранения и перераспределения во времени воды – регулирования речного стока с целью использования его для удовлетворения нужд народного хозяйства: выработки электрической энергии, орошения, водоснабжения, водного транспорта. Большие водохранилища обычно обслуживают несколько отраслей народного хозяйства. Водохранилища создаются путем возведения плотин, перегораживающих долину реки, путем обвалования речной поймы. В водохранилища превращены некоторые озера путем искусственного повышения их уровня с помощью плотин, построенных вблизи истоков вытекающих из них рек. На больших реках создаются каскады водохранилищ. Малые водохранилища, создаваемые на мелких звеньях гидрографической сети, называют рудами, а в земляных выемках – копаниями [1, с. 19].

Коксарайское водохранилище – водохранилище, расположенное на территории Южно-Казахстанской области Казахстана, с правой стороны от русла реки Сырдарья в 160 километрах ниже Шардаринского водохранилища. По-

строено в 2008–2011 годах. Осуществляет сезонное регулирование стока для ирригации и защиты от наводнений. Является контррегулятором для Шардаринской ГЭС. Контррегулятор построен на территории сельских округов Акдала и Задарья Арысского района Южно-Казахстанской области, в 160 километрах ниже Шардаринского водохранилища по реке Сырдарья, южнее поселка Коксарай. Проектный объем контррегулятора – 3 миллиарда кубометров, площадь акватории – 46745 га, расход русловой бетонной плотины – 1800 куб/сек, пропускная способность подводящего канала длиной 16 км – 500 куб/сек. Плотина водохранилища имеет длину 44,7 км, среднюю высоту – 7,7 м, отводящий канал длиной 10,2 км с пропускной способностью 500 куб/сек.

Изменения природной среды проявляются по-разному на прилегающих к водохранилищу территориях и в зонах их гидрологического и водохозяйственного влияния. Представляется целесообразным выделить следующие районы воздействия водохозяйственного строительства на природную среду:

- а) район самого водохранилища (его чаша и прилегающие территории);
- б) район влияния регулирования жидкого и твердого стоков реки в речной долине ниже гидроузла (в нижнем бьефе), включая дельту реки и прилегающую к нему часть моря или озера;
- в) район изъятия стока из реки с подразделением на подрайон обезвоживания вследствие отвода воды в деривационные каналы или туннели ГЭС (обычно ограниченного по длине, поскольку использованная вода на некотором расстоянии ниже плотины возвращается в ту же реку) и подрайон уменьшения стока в результате безвозвратного изъятия воды из водохранилища для переброски в другой речной бассейн;
- г) район влияния дополнительного стока (орошаемые массивы, обводняемые реки и т. п.).

В нижнем бьефе (ниже плотины) отчетливо прослеживается зона гидрогеологического влияния. Снижение здесь уровня воды в реке, ликвидация весеннего паводка ведут к преобразованиям в режиме грунтовых вод прилегающей территории. Это в свою очередь вызывает изменения в почвенном, растительном покрове и в небольшой степени в животном мире в долине реки. Изменения связаны также с новым термическим режимом реки. Длина зоны влияния в нижнем бьефе обычно достигает нескольких сот километров. В той или иной степени она простирается до устья реки, но обычно ограничена последующим водохранилищем, если мы имеем дело с каскадом ГЭС. Наконец, следует сказать несколько слов о недавно выявленном виде влияния крупных водохранилищ на окружающую природную среду. Водоохранилища активизируют движения земной коры, вызывая даже небольшие землетрясения [2, с. 60].

Воздействие акватории на климат прибрежной территории всегда вызывает повышенный интерес у местных жителей. Увеличение или снижение атмосферных осадков в отдельные годы, теплые зимы или холодные весны, интенсивные летние грозы, густые осенние туманы – все эти явления местное население нередко пытается связать с образованием искусственного озера. Правомерно ли такое объяснение? Может ли водоем площадью в несколько тысяч

квадратных километров повлиять на метеорологический режим? Как далеко распространяются воздействия водохранилища?

Каждый человек, побывавший в летний полдень на берегу озера или водохранилища, даже небольшого пруда, испытывал на себе их охлаждающее влияние. В ясный весенний или летний день можно наблюдать развитие бриза на берегу крупного водоема, что также является характерной чертой метеорологического режима побережья. Осенью теплое водохранилище способствует образованию туманов. Многочисленные факты наблюдения метеорологических станций показывают, что климат прибрежной зоны приобретает ряд новых постоянных черт, ранее до создания водохранилища отсутствующих.

Климат как многолетний режим погоды формируется под влиянием ряда факторов, важнейшими из которых являются два: приход – расход солнечной энергии (радиационные факторы) и циркуляция атмосферы. Именно они определяют смену времен года, оттепели зимой и похолодания летом, продолжительные засушливые и влажные периоды. Но важную роль играют и местные условия. В их число входят: рельеф территории (расчлененность, экспозиция и крутизна склонов, высота), характер растительного покрова, степень хозяйственного освоения. Наличие большого водохранилища играет роль местного фактора. Прежде всего встает вопрос, в чем состоит физический механизм влияния водной поверхности на метеорологический режим прибрежной зоны [3, с. 13].

Вопросы рационального использования и охраны водных ресурсов принадлежат к числу острых проблем современности. Это вызвано не только очень быстрым ростом потребности в пресной воде со стороны населения и хозяйства. Интенсификация использования рек, озер и морей и изменение их режима тесно связаны с такими их преобразованиями, которые требуют все больше внимания к задаче охраны, сохранения и улучшения окружающей человека природной среды. К сожалению, сегодня уделяется недостаточно внимания и выделяется недостаточно средств на охрану водохранилищ. Коррупция власти подрывает не только бюджет страны, но она еще и наносит вред окружающей среде. Часто бывает, что не далеко от водохранилища располагается какое-нибудь иностранное производственное предприятие. И сбрасывая отходы в ближайшие водоемы, вредоносные вещества попадают и в водохранилище. Так кто же разрешает владельцам предприятия давать распоряжение на сброс вредных токсичных отходов? Весь вопрос упирается в деньги. К сожалению, эта проблема очень актуальна, и борьба с этим приносит существенные результаты.

Очень часто берега водохранилищ превращаются в пляжи, где в летний период собираются отдыхающие на природе люди. Но далеко не все они задумываются о том мусоре, который они оставляют после себя и который попадает в водохранилище.

Охрана водохранилищ – это не только сохранение флоры и фауны, но и поддержка естественного природного баланса природы, и никак нельзя допускать, что бы по вине человека этот баланс бы нарушен.

Литература

1. Авакян, А. Б. Наводнения / А. Б. Авакян, А. А. Полюшкин. – М. : Знание, 1989. – 48 с.
2. Тарабаев, Ю. Н. Инженерное обеспечение предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций при наводнениях/ Ю. Н. Тарабаев, Ю. М.З отов, В. П. Чагаев. – Новогорск : АГЗ МЧС России, 2000. – 207 с.
3. СНИП 2.06.15-95 Инженерная защита территорий от затопления и подтопления. – М.: 1996. – 19 с.

Л. Р. Заурбекова, Г. Р. Коянбаева

Казахский национальный аграрный университет, Казахстан

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Современные условия существования системы образования и требования, предъявляемые обществом к этой системе, в значительной степени определяются бурным развитием аудио-визуальных, информационно-компьютерных технологий. Эти новые средства не только повышают эффективность традиционной техники учебной работы, но и вводят новый дискурс с еще более многомерной семантикой (чаще ее называют «виртуальной»). Ведущая роль в современных информационно-компьютерных технологиях обучения принадлежит Интернету.

Дальнейшее развитие образования не только в Казахстане, но и во всем мире связано с решением кардинального вопроса о влиянии Интернета на содержание и характер образования. Поиски ответа на этот вопрос зависят от понимания того, что есть знание, в чем состоит его ценность, а также каковы новые средства и методы работы с ним в XXI столетии.

Возрастание роли Интернета в общественных процессах, в том числе и в образовании, происходит в контексте модернизации и глобализации мира и приводит к росту и интенсивности информационных потоков. Посредством Интернета, телевидения и других средств массовой информации осуществляется бурный и непрерывный рост человеческих знаний. СМИ развивают перспективы и коммуникативные способности сферы образования и общества в целом.

Во Всемирном докладе ЮНЕСКО по образованию 1998 года отмечается, что новое поколение вступает в мир, который претерпевает изменения в научно-технической, политической, экономической, социальной и культурной сферах. Возникновение «общества глобальной компетентности» изменяет как глобальную экономику, так и статус системы образования [1, с. 4].

История Интернета начинается с 1957 г. Все началось с сети ARPA Net. Американцы хотели иметь надежную коммуникацию даже в условиях ядерной атаки или природного катаклизма.

В 1971 г. было послано первое сообщение по e-mail.

В 1985 – 88 г.г. европейская сеть CERNET стала совместимой с сетью

ARPA Net. В январе 1989 было открыто внешнее соединение между ними и общая сеть стала называться Internet.

В 1990 г. возникла «всемирная паутина» – www –WorldWideWeb – и Интернет стал стремительно развиваться.

В 1993 году корпорация Cisco Systems начала сотрудничать со специалистами сферы образования, чтобы превратить решение технологических проблем в возможность для дальнейшего развития.

Таким образом, было положено начало применению Интернета в сфере образования. Эта программа к настоящему времени охватила более чем 160 стран. В 2000 г. Интернет Трейдинг Центр создал первую не только в Казахстане, но и в Центральной Азии Региональную Сетевую Академию Cisco. Сегодня в Казахстане действуют 16 Сетевых академий Cisco, где готовят технических специалистов разного профиля. Сетевые Академии Cisco созданы в Казахстане и в других странах СНГ, в основном, на базе вузов и представляют собой пример взаимовыгодного сотрудничества [3, с. 126–128, 134]. [См.: 4].

Для всех стран Европы характерно признание значимости стратегии «обучение в жизненной перспективе». В меморандуме непрерывного образования Европейского Союза сформулированы шесть ключевых утверждений, без которых создание общества, получающего образование на протяжении всей жизни, затруднительно. Среди них артикулированы, в первую очередь, следующие приоритеты:

- 1) информация, руководство и консультирование;
- 2) инвестиции времени и денег в обучение;
- 3) ценность учения;
- 4) инновационная педагогика [1, с. 5–6].

Общество «глобальной компетентности» невозможно без личностного развития, важной составляющей которого является компьютерная образованность, что, не в последнюю очередь, может быть условием интегрированности человека в жизнь социума.

Сегодня Интернет является не просто одним из мобильных средств, значительно расширяющих возможности доступа к знаниям, но и действенным фактором формирования духовной, культурной личности, существенными чертами которой выступают коммуникативность и толерантность.

Толерантность в современном обществе рассматривается не просто как личное качество человека, но и как «методологическая основа», как психологическая установка, способ общения, поведения.

Можно сказать, что Интернет размывает территориальные границы государств, утверждает поистине интернациональную сферу своего существования, в которой усложняется возможность проявления национальных культурных особенностей, традиций и норм.

Сегодня образование находится на пороге больших перемен. Традиционные, академические его формы постепенно совершенствуются и дополняются новыми.

В настоящее время масс-медиа, компьютерные технологии, Интернет

преображают общество. Интернет становится привычной средой общения и способствует обмену знаниями, идеями, методиками и опытом. А это способствует распространению идей Открытого Общества, и формированию последнего как новой ступени демократического развития.

Современные студенты считают себя самыми «продвинутыми» пользователями Интернета и в действительности являются ими. Но далеко не все из них в полной мере используют возможности Интернета. Студенты, как известно, зачастую скачивают готовые рефераты и во время защиты не могут объяснить, какие использованы источники информации, являются ли они достоверными. Материалы Сети всегда требуют критической оценки и анализа.

Интернет открывает широкие возможности для самостоятельной работы: электронные учебники, доступ к статьям, книгам, иллюстрациям, возможность общения, дизайн.

Вместе с тем, применение компьютерной техники и Интернета в учебном процессе требует существенных изменений в его организации. При огромном информационном вале, который непрерывно нарастает, человек в непродуманном мире становится бессилён. Ему не хватает времени на осмысление, на выстраивание и прояснение связей. Осмысление и обобщение информации – процесс медленный. Относится это, в равной мере, и к учащимся, и к преподавателям.

В нашем обществе распространение сети Интернет, компьютерных технологий создает пространство для свободного обмена мнениями, нивелирующее авторитеты, «единственно истинные» точки зрения, национальные и культурные различия. Интернет и новые информационные технологии выступают не только как средство получения знаний, но и как фактор реконструкции образования: образование становится толерантным, создавая толерантного обучающегося. Электронные учебники существенно расширяют возможности обычных учебников за счет интерактивности взаимодействия с учебным материалом, использования звукового и видео сопровождения, возможности проведения виртуальных лабораторных работ, обеспечения индивидуального и дифференцированного подхода. Доступ к информационным ресурсам Интернета позволяет быть в курсе достижений науки и техники, обеспечивает обмен данными и опытом, поиск информации по любой учебной дисциплине; применение на занятиях презентаций, а также полученных с интернет-страниц иллюстраций, аудио- и видеозаписей; открывает возможности для дистанционного обучения, участия в дистанционных олимпиадах, конференциях, форумах, для переписки, дистанционного сотрудничества как студентов, так и преподавателей. Кроме того, в самих компьютерных технологиях заложен творческий потенциал: программирование, дизайн, издательская деятельность.

Интернет обладает большим инновационным потенциалом, предоставляя неограниченные возможности в сфере образования, трансформируя ее форму и содержание. В крупных университетах, определяющих облик современного образования, действуют образовательные порталы, поднимающие на новый уровень организацию учебного процесса. Значительно облегчается взаимодействие

преподавателя со студентом, выражающееся в мобильном доступе к информационным источникам, в возможности перманентного социологического мониторинга учебного процесса и на этой основе – динамичного совершенствования форм и методов преподавания. Становится реальным создание единого информационного пространства.

Накопленный в практике преподавания опыт применения Интернета и других компьютеризированных средств обучения позволяет говорить о преимуществах и недостатках данных образовательных технологий.

Главными преимуществами компьютеризированных средств обучения, в том числе и Интернета, исследователи называют:

- мобильность – ускорение процессов конструирования учебных средств, т. е. возможность быстрее их найти, удобнее расположить, скомпоновать, представить; ускорить тираж и т. д.;

- «гиперструктуры» – организация многоуровневой подачи информации, т. е. возможность расширить за счет иллюстраций контекстное содержание; увеличить за счет структурирования объем усваиваемой информации; превратить различные модели («реальности») с разными семантическими кодами в новую «суперреальность» (виртуальную);

- интерактивность – вступление учебного средства во взаимодействие с учащимся и даже обслуживание этого взаимодействия определенным механизмом регуляции;

- расширение сферы выбора и индивидуализации обучения; планирование и контроль, коррекция учебных действий; активность учащегося в изменении самого учебного средства (можно даже вносить предложения-коррективы в учебник);

- дистантность – возможность вступать посредством телекоммуникации в контакты с различными учебными центрами, базами данных, тьюторами, экспертами и пр., через Интернет участвовать в телеконференциях; обучаться за рубежом.

Наряду с этим, предметом широкого обсуждения в общественных и научных кругах являются и негативные свойства Интернета:

- физиологические: кадровые частоты экрана; излучение; длительное нахождение в сидячем положении;

- репродуктивность – приучает к воспроизводству лишь наличного (в компьютерной системе) материала; принимает на себя слишком много операций промежуточного свойства, снижая творческую потенцию конструирования; доступность материала ослабляет мотивацию конструктивной работы;

- машинообразность – замещение человеческого общения машинным: подавляются эмоции, которые всегда служат основой ассоциативности, творческого потенциала; нравственная регуляция заменяется требованиями программных средств («доступно» все, что поддерживается программными средствами);

- культурная «всеядность» – снижается селективность дисциплинарного опыта; в поле восприятия попадают культурно не отселектированные продукты

[3, с. 268–269].

Информационные технологии занимают приоритетное положение в современной системе образования. Интернет имеет перспективу динамичного развития. Современные исследования возможностей компьютерных образовательных технологий, в том числе Интернета, выявили ограниченность «инструментального» понимания их сущности, обозначив новые ракурсы в изучении этой серьезной проблемы, акцентирующие постепенное изменение мировоззренческой и методологической основы образования.

Литература

1. Беркалиев, Т. Н. Развитие образования: опыт реформ и оценки прогресса школы / Т. Н. Беркалиев, Е. С. Заир-Бек, А.П. Тряпицына. – СПб. : Каро, 2007.
2. Добренъков, В. И. Общество и образование / В. И. Добренъков, В. Я. Нечаев. – М. : ИНФРА-М, 2003.
3. Интернет в школе. Издание 2-е // Алматы, 2005.
4. Программа Академий Cisco: <http://cisco.netacad.net>; Первая в Центральной Азии Академия Cisco: <http://cisco.samal.kz>.

Г. Г. Зейналов

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ОБРАЗОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

В начале XXI века развитие образования не успевает за той динамикой развития общества, происходит углубление противоречия между неуклонно возрастающим объемом инновационных знаний и умений, необходимых работникам для осуществления компетентной профессиональной деятельности, с одной стороны, и ограниченными возможностями для овладения ими в рамках старых классических образовательных систем – с другой [1, с. 6]. При этом в сфере образования возникает несоответствие его содержания и методов существующим традициям потребностям сегодняшнего дня. Сегодня остро встает вопрос о том, какое образование необходимо для формирования личности, подготовленной к жизнедеятельности в информационном обществе («глобальном сетевом обществе»), как можно оценить результативность и качество системы образования.

Образование – это процесс передачи и получения знания и умения. Создание нового знания и умения – это процесс фундаментального исследования. Для того чтобы этот процесс шел, необходима соответствующая атмосфера интеллектуального, личного общения, нужна система преобразований образования. В результате чего в содержании образования, технологиях образования, должны произойти необходимые перемены. В качестве ведущего императива реформы, как показывает анализ научных работ по данной проблеме, выделяет-

ся фундаментализация образования на основе современных научных знаний и культуры.

Фундаментализация образования – переход на новый уровень понимания мироздания, основанного на гармонии мира, где человек должен ощущать себя во взаимозависимости от окружающего мира. Главным здесь становится не освоение готовых знаний, а овладение инновационными методами познания и практической деятельности, а также фундаментальным знанием, способствующим осознанию сущности явлений и обеспечивающим свободу в получении новых знаний и их использовании.

Образование и наука в современных условиях, развиваясь самостоятельно и независимо друг от друга, становятся все менее самодостаточными и дееспособными. Данные социальные системы в новых социальных условиях должны интегрироваться, предполагая последовательную реализацию комплекса интеграционных проектов и программ. С ростом ценности научного знания неизбежно возрастает и ценность научной составляющей в системе образования. Специфика и условия развития научного знания на современном этапе определяют и специфику функционирования знания в образовании: углубляющееся дисциплинарное усложнение научного знания влечет за собой изменение структурной системы образовательного знания, формируя его фрагментарность и эпизодичность.

Развитие образования обеспечивается развитием науки, ибо наука является базисом образования. Преодоление ситуации неустойчивости в развитии образования связано с совершенно новым этапом в осмыслении единства научных и образовательных систем. Кризис образования возникает тогда, когда происходит рассогласование между активно развивающейся, совершенствующейся наукой и отстающим от нее по содержанию образованием в условиях развития информационно технологически развитого общества. Интеграционные процессы продолжают оставаться ведущей тенденцией в развитии современной науки, одним из важнейших факторов, обеспечивающих научно-технический прогресс.

Опора на современную науку приводит к становлению современного инновационного образования. В основании современного образования лежит научная картина мира, научные методы и новые смыслы и ценности науки. «Роль науки в образовании распространяется на все компоненты образовательного процесса: на его цели, средства, принципы, методы и на результаты, в том числе.

Каждое время создает и организует мир, в котором живет человек. Постнеклассическая наука ведет за собой радикальные перемены в современном типе рациональности, научной картины мира. В контексте синергетической парадигмы формируется постнеклассическая рациональность, которая связывается с такими свойствами реальности как нелинейность, открытость, необратимость, неравновесность, самоорганизация, многовариантность, разнообразие, коэволюция и др., что в современном научном мировоззрении вместо механистической картины мира формирует качественно новую – постнеклассическую науч-

ную картину мира, в которой одной из фундаментальных составляющих – идея глобального эволюционизма.

Постнеклассическая наука, обратив внимание на новые тенденции нестабильности процессов социально-экономической действительности, ставит в центр своего внимания нелинейность и нестандартность мышления, особенностями которого являются коммуникативность, диалог, дискурс, нарратив, плюрализм. Задача образования – научить человека жить в этом меняющемся мире, где есть только процесс. На каких основаниях это происходит – зависит не только от содержания образования, но и от достижений науки. В большей мере образование должно отталкиваться от образа мира, который сконструирован современным постнеклассическим этапом развития науки.

Современная наука постепенно превращается в сферу производства огромного объема информации, полностью овладеть которым практически невозможно. В таком случае, к образованию предъявляются новые требования. Оно должно формировать у людей новые качества – качества исследователя, методолога, содействующие им самостоятельно компетентно оперировать этой информацией.

В современном обществе существенное значение при функционировании научного и образовательного знаний имеет принципиальное совпадение процессов научного познания и образовательного познания, когда процессы обучения и воспитания происходят на основе активного научного поиска. В таких условиях значительно возрастает роль фундаментальной науки, поскольку большая доля научных знаний приобретает в процессе фундаментальных исследований. В таких условиях задачей образования все более становится получение готового знания, а приобретение его в результате самостоятельного учебно-научного поиска.

Знание большей степени приобретает значение интегрирующего начала в общественной, экономической, культурной, научной жизни, приходя на смену традиционным формам объединения людей. Оно – главная интеллектуальная база новейших, инновационных технологий XXI века (гуманитарного, социального и технико – технологического направления). Знание более не является определяющей особенностью современной экономики, а превращается в интеллектуальную основу инновационного образования. Интегрирующая функция знания заключается в интеграции полезной части информации с целью получения конкретных значимых результатов в процессе практического взаимодействия образовательной и научной сфер. Знание в качестве компетенции становится единственным источником долговременного устойчивого конкурентного преимущества.

Таким образом, инновационное образование должно представлять собой целостный процесс, в котором соединены компоненты науки, определяющей содержание, методы, цели образования; обучения, передачи знаний, навыков, традиций; а также компонент эвристической и креативной деятельности. Взаимообусловленность компонент науки и образования, в том числе целей, состоит в том, что получение нового знания (наука) обусловлено передачей его

новым поколениям (образование).

Развитие науки создает новую – смешанную, гибридную реальность, сочетающая в себе элементы объективной и виртуальной реальностей с информационными технологиями, электронными формами коммуникации, глобальными сетями (Интернет и др.). В англоязычной литературе она получила название *Augmented Reality*. Русскоязычная литература обозначает ее как расширенная или дополненная реальность. Феномен смешанного «объективно-виртуального пространства» становится неотъемлемым атрибутом бытия современного человека. И это пространство охватывает все сферы жизни общества и культуры, в том числе и сферы образования. Его проявления - дистанционное образование, виртуальные университеты, общение в Интернете, по электронной почте, новые формы работы с текстами в электронном виде, интертекстуальность, дискурс в рамках глобальной информационной сети и т.д. Здесь образование и транслятор знания и информации, и их производитель.

Важное заключается в том, что современный человек достигает свою идентичность и целостность своей природы в рамках «глобального сетевого общества» и «сетевой культуры». «Глобальное сетевое общество» – индивидуализированное общество. Если ранее социальная идентичность достигалась путем привязанности человека к месту жительства или профессиональному сообществу, то тенденцией современного общества является переход к более слабым экстерриториальным коммуникационным связям. «Такая индивидуализированная связь с обществом», – по Кастельсу, – «является специфической формой социальности» [3, с. 155].

Осознание этих перемен требует конструирования новые концепций и моделей образования, новых инновационных стратегий, ориентированных на взаимное пересечение областей исследования науки и образования. Инновационные процессы в содержании образования ориентируют систему образования на формирование целостной личности, воспитанной на основе общечеловеческих ценностей, современной мировой и национальной культур. Необходимым становится заниматься с преодолением духовного кризиса общества, в первую очередь, нравственным воспитанием молодежи, учить «умению чувствовать человека» (В. А. Сухомлинский). О нравственности человека можно говорить только тогда, когда он нравственно ведет себя в силу внутреннего побуждения, а в качестве контроля выступают его собственные взгляды и убеждения. Развитие инновационных элементов образования через развитие инновационного потенциала каждой отдельной личности и ее духовного воспитания становятся ключом к развитию всего общества.

Итак, если различные сферы и отрасли хозяйства направлены на удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, то система образования должна «производить» самого человека, воздействуя на его интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие» [2, с. 4]. Здесь для современного инновационного образования выдвигается новый социальный заказ на формирование «креативной личности».

Литература

1. Вербицкий, А. А. Концептуальные основы перехода к непрерывному образованию / А. А. Вербицкий, Н. И. Нечаев, В. А. Юрисов. – М. : Изд-во НИИ ВШ, 1989. – 40 с.
2. Зейналов, Г. Г. Инновационный контекст современного образования / Г. Г. Зейналов // Учебный эксперимент в образовании. – Саранск, 2011. – № 1. – С. 4–12.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер с англ. М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

Г. Г. Зейналов, С. Н. Сайгушева, А. Н. Пьянзова
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ В. И. КЕМКИНА*

*«Человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование в бездействии, а чтобы работать над великим и грандиозным делом»
Альберти Леон Баттиста (1404–1472), итальянский ученый.*

Невозможно себе представить историю, культуру, науку, философскую мысль Мордовии и России XX века без Виктора Ивановича Кемкина.

Почетные звания Виктора Ивановича можно перечислять бесконечно, некоторые из них – доктор философских наук, профессор, методолог науки, крупный специалист по общей теории развития, основатель философской школы состояния в Мордовии. Виктор Иванович прожил короткую жизнь, длиною всего 50 лет, но яркую и блестящую, как жизнь далеких звезд, после которых остается световой след, длиною в десятки и сотни лет. Но за столь короткий период своей жизни он успел войти в ряды основателей научной жизни Мордовии. Многое из того, что создано Виктором Ивановичем Кемкиным, для Мордовии было новаторством. Труды ученого стали неотъемлемой частью мировой науки [4, с. 76].

Формирование научных воззрений Кемкина происходило в 70–90-е годы XX века, в период расцвета и резкого заката научной жизни СССР. В мае 1973 года, досрочно защитив кандидатскую диссертацию после учебы в аспирантуре Института философии Академии наук СССР, он возвращается в город Саранск и устраивается на работу в качестве старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Мордовского государственного педагогического института. С этого момента начинается стремительный карьерный рост Виктора Ивановича.

В 1974 году он становится доцентом кафедры марксизма-ленинизма, спе-

* Научное исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы: соглашение на предоставление гранта №14.В37.21.0989. Тема гранта «Методология развития социокультурных констант образовательного пространства инновационного вуза в структуре устойчиво-развивающегося общества».

циальности философия, а в 1975 году Виктор Иванович за достигнутые успехи в подготовке педагогических кадров был награжден наградным Знаком Министерства просвещения РСФСР «Победитель социалистического соревнования». Он также был заместителем председателя Мордовского отделения Всесоюзного общества «Знание» СССР, заместителем председателя Мордовского филиала философского Общества СССР, пропагандистом при горкоме КПСС, руководителем философского кружка на физико-математическом факультете и консультантом методологического семинара.

За время работы в вузе Виктор Иванович сделал головокружительный взлет в карьере. Он показал себя квалифицированным преподавателем высшей школы. Анализ анкетирования студентов на предмет соответствия преподавателей уровню высшей школы в личном деле Виктора Ивановича свидетельствует, что он воспринимался со стороны студентов как эрудированный ученый, способный преподаватель, обладающий лаконичным языком выражения, культурный и интеллигентный человек, тактичный по отношению к студентам. Его лекции и семинарские занятия отличались высоким научно-теоретическим, методологическим уровнем. Много сил он отдавал воспитанию молодежи, которая видела в нем вдумчивого педагога, талантливого воспитателя, требовательного наставника. Порою в жизни очень важно встретить такого человека, как Виктор Иванович. Такие люди, как он, способствуют формированию духовных основ молодого поколения [3, с. 8].

Виктор Иванович сделал все для подъема национальных кадров в области философии до общероссийского уровня. Он пользовался заслуженным авторитетом и уважением у коллектива студентов и преподавателей. Безусловно, огромный вклад в деятельность Мордовского государственного педагогического института был сделан Виктором Ивановичем в качестве основателя кафедры философии.

На основании приказа Министерства просвещения РСФСР № 5-98 от 14 июня 1977 г. кафедра марксизма-ленинизма с 1 сентября 1977 г. была разделена на кафедры: истории КПСС и научного коммунизма; философии и политэкономии. В 1992 г. кафедра философии и политэкономии была переименована в кафедру философии и экономической теории [6]. Заведующим кафедры философии и политэкономии стал Виктор Иванович Кемкин, который поднял эту кафедру на должный педагогический и теоретико-методический уровень [3, с. 14]. Он сформировал штат из молодых и перспективных специалистов, которые впоследствии стали известными докторами наук, возглавили кафедры и факультеты в различных вузах.

В том же году Виктор Иванович был избран депутатом Пролетарского районного Совета народных депутатов города Саранска (до 1979 года). Его научная и общественная деятельность были замечены руководством и отмечены: за успехи в учебной, научной и общественной деятельности и в связи с 60-летием Великого Октября он был награжден Почетной Грамотой Обкома КПСС и Совета Министров Мордовской АССР.

В 1980–81-е годы В. И. Кемкин завершает свою монографию «Категории

диалектики и структура научной теории» объемом около 10 печатных листов и готовит ее к печати. Он также продолжает общественную деятельность в качестве декана университета педагогических знаний, лектора общества «Знание» и руководителя методологического семинара преподавателей физико-математического факультета [3, с. 10].

В научной сфере, прежде всего, Виктор Иванович Кемкин – это известный специалист России в области философии по специальности «философия науки и техники». Величие кемкинского духа как естественника заключалось в чрезвычайно хорошо развитой способности улавливать самое существо фундаментальных теоретических категорий философии, освобождать ее от наряда абстрактности, чтобы лежащая в ее основе простая идея проявлялась со всей ясностью образного содержания. В сферу научных интересов Кемкина входило, прежде всего, исследование философских вопросов естествознания, анализ категориального аппарата диалектики как методологии всей отечественной науки и философии.

В начале 80-х годов Виктор Иванович создает свою научную школу состояния. Он не только ввел категорию «состояние» в научный оборот философии, но и в своих трудах провел историко-философский анализ становления и развития категории «состояние», доказал ее логико-методологический статус в рамках философии и ее общенаучный статус. Он пишет: «Состояние, категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями. С помощью категории состояния выражается процесс изменения и развития вещей и явлений, который в конечном итоге сводится к изменению их свойств и отношений» [5, с. 627]. Свое мнение он высказал и по поводу определения общеизвестного философского понятия «развитие», понимая под ним иерархически организованное изменение состояний; определял механизм и логику объективного развития в структуре «объект – состояние – переходное состояние – связь состояний». Он выдвигал идею соответствия структуры развития строению естественнонаучных теорий с использованием сетки понятий «объект – состояние – закон» [2, с. 115].

В июне 1985 года Виктор Иванович добровольно уходит с должности заведующего кафедрой и готовится к защите докторской работы. Готовит документы для представления в специализированный Совет Института Философии АН СССР и в июле 1986 отвозит свои документы в Москву. В том же году он успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Логико-методологические функции категории «состояние» в философии и конкретно-научном познании».

К этому времени он уже был известным ученым. Им были опубликованы 34 работы общим объемом более 37 печатных листов. В их числе монография «Категория «состояние» в научном познании» в издательстве «Высшая школа» в Москве (1983). Эта была первая монография в области философии, изданная в Москве ученым из Мордовии. Он также успел издать статью «Состояние» в «Философском энциклопедическом словаре» (1983). Для ученого из провинции

это было высшей степенью признания со стороны научного сообщества и московской научной элиты [3, с. 10].

Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 17 апреля 1987 года Кемкину была присуждена ученая степень доктора философских наук. В мае 1987 года он участвует в конкурсе на замещение вакантной должности профессора и получает единогласное одобрение членов кафедры, а затем и Ученого совета института. В это время ему было всего 39 лет. Решением Государственного Комитета СССР по народному образованию от 30 марта 1989 г. Кемкину Виктору Ивановичу было присвоено ученое звание профессора по кафедре философии и политической экономии, а ноябре того же года он назначается исполняющим обязанности заведующего кафедрой.

Тяжелый интеллектуальный труд, напряженная общественная деятельность в течение многих лет оказали необратимое влияние на здоровье Виктора Ивановича. Сказывалась влияние сложных перестроечных процессов в социальной и научной жизни 80-х годов СССР. В 15 декабря 1992 года он пишет заявление об освобождении от занимаемой должности заведующего кафедрой по состоянию здоровья.

Несмотря на постоянно ухудшающееся физическое состояние, Виктор Иванович мужественно переносит все тяготы жизни и продолжает научную и педагогическую деятельность. В 1990 году он был принят в члены диссертационных Советов – по философии при МГУ имени Н. П. Огарева и по методике преподавания математики в МГПИ им. М. Е. Евсевьева. В начале 90-х годов он открывает свою аспирантуру в МГПИ им. М. Е. Евсевьева и ежегодно набирает аспирантов, усиленно готовит их к защите [3, с. 13].

В 1997 году в мае Виктор Иванович к своему 50-летию получил звание Заслуженного деятеля науки Республики Мордовия. В конце октября того же года его здоровье резко ухудшилось и 3 ноября, после тяжелой болезни, Кемкин Виктор Иванович ушел из жизни. В памяти своих учеников и коллег он остался эрудированным ученым, опытным преподавателем, культурным и интеллигентным человеком.

К этому времени он имел более 60 публикаций, в том числе 5 крупных монографий (для того время это было очень много). Под его руководством были защищены 4 кандидатские диссертации, а в аспирантуре учились более 10 аспирантов. Был членом диссертационных Советов при МГУ имени Н. П. Огарева и Мордовского госпединстута имени М. Е. Евсевьева. Неоднократно был награжден Почетными грамотами института, Совета Министров Мордовской АССР [3, с. 13].

В наши дни, когда проблемы человека, экологии и другие получают актуальность на фоне общекультурного кризиса человечества, научное наследие Виктора Ивановича становится особо востребованным [4, с. 78].

Память о Викторе Ивановиче Кемкине жива. Современные ученые в своих изысканиях постоянно обращаются к научным трудам Виктора Ивановича. В МордГПИ в 2007 и 2012 году были проведены конференции, посвященные научной деятельности Виктора Ивановича.

Вот каким помнят Виктор Ивановича его коллеги: «Виктор Иванович Кемкин – крупный русский и мордовский ученый-философ, глубоко душевный человек. Без сомнения, в Мордовии это был самый эрудированный и методологически талантливый человек, который усвоил всю мощь общерусского мышления и вместе с тем сохранил оригинальность именно угро-финского интеллекта» [1, с. 7].

Литература

1. Гагаев, А. А. Философия Кемкина как основателя мордовского космо-психологоса / А. А. Гагаев // Методология гуманитарного знания. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня рождения профессора В. И. Кемкина: в 3 ч. Ч.1 – 2007. – С. 7–17.
2. Зейналов, Г. Г. Общество на пути к устойчивому развитию : монография / Г. Г. Зейналов, В. И. Кемкин, Ф. А. Айзатов ; под ред. проф. В. И. Кемкина. – М. : МАРС, 1996. – 238 с.
3. Зейналов, Г. Г. Кемкин Виктор Иванович: философия жизни / Г. Г. Зейналов. – Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т., 2012. – 53 с.
4. Зейналов, Г. Г. Неклассическая диалектика философии В. И. Кемкина / Г. Г. Зейналов, И. Б. Виноградова // Научно-методический журнал. – 2012. – № 4 – С. 76–78.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 627–628.

Д. Д. Ешпанова, Н. Ж. Биекенова
Институт философии, политологии и
религиоведения КН МОН РК, Казахстан, г. Алматы

ФЕНОМЕН СОБСТВЕННОСТИ В ВОСПРИЯТИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Признание Казахстана страной с рыночной экономикой определилось, прежде всего, изменениями в отношении собственности, созданием рыночных институтов. Законодательное закрепление многообразия, равенства всех форм собственности, преобладание частной собственности имеет важное значение в социально-политической и экономической трансформации.

Как известно, к собственности отношение в Советский период и накануне начала рыночных преобразований было принципиально иное. Безраздельно господствовала государственная собственность, частная же рассматривалась как чужеродное явление и преследовалась законом. Главными являлись интересы государства, культивировалось чувство коллективной ответственности, а в действительности, реально получалась коллективная безответственность.

Немногом более чем за 20-летний период рыночных реформ создана смешанная экономика с многообразными организационно-правовыми формами хозяйствующих субъектов, с преобладанием негосударственного сектора, а в его составе – частной собственности. Сам по себе этот факт в преобразовании собственности за сравнительно короткий срок для страны с полным огосу-

дарствлением беспрецедентен в мировой практике. Но пройден лишь первоначальный этап – этап формирования формальных рыночных институтов и института частной собственности. Пока рыночная экономика Казахстана отягощена многими проблемами, и, в конечном счете, не является социально ориентированной.

При всей важности и необходимости структурных изменений внешней среды, главным является изменение самого человека. Переход от «государственного» человека к новому состоянию частного собственника как основной силы своего благополучия и развития, как свободной личности – это сложный и длительный процесс. Частная собственность формирует новые мотивы к труду (самостоятельность, самодеятельность, ответственность), новый образ жизни, затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. В духовной сфере идет процесс перерождения идеологии «государственного» человека в идеологию человека рыночного типа, человек готов стать или собственником, или наемным работником [3].

Таким образом, не просто важной, но и определяющей в оценке казахстанских реформ представляется проблема собственности и ее изменений в ходе либеральных экономических реформ. Результаты опроса, проведенного сотрудниками Института философии и политологии КН МОН РК в 2010 году в рамках проекта «Социальная стратификация казахстанского общества: социально-политический анализ», позволяют сделать следующие выводы.

Основная проблема взаимоотношений наших граждан с собственностью заключается в том, что собственности этой у них мало, как мало опыта и навыков выстраивания рациональных практик ее использования [4, с. 13].

Опрос выявил парадоксы в отношении населения к частной собственности, в которой отразились противоречия реформации общества. С одной стороны, в массовом сознании собственность идентифицируется с личным имуществом (автомобиль, квартира, дом и т. д.), т. е. собственность воспринимается через категорию потребления; с другой стороны, под частной собственностью подразумевается только собственность, приносящая доход, в связи с этим отметим, что 62,60 % опрошенных ответили, что ничем не владеют.

Факт того, что больше половины казахстанцев называют в качестве частной собственности только ту, которая ориентирована на получение дохода, свидетельствует о том, что она действительно становится нормой жизни. Такое понимание собственности фактически выявляет степень реального, а не декларативного принятия частной собственности, бессознательной легитимизации различных ее видов. На этом основании мы можем предполагать, что преобладает позитивное отношение к собственности.

Получение доходов от собственности еще не вошло в массовые экономические практики. В связи с этим приходится отмечать, что сбережения, акции, ценные бумаги имеются лишь у небольшой части наших граждан (на это указало 1,34 % опрошенных). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что сбережения не выполняют функцию страхования населения на случай неблагоприятных обстоятельств.

Насколько казахстанцы являются «рыночниками» в отношении собственности? По данным казахстанского исследователя С. Ермахановой, практически каждый пятый (18 %) эксперт полагает, что большинство населения уже освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения и действует согласно им. По мнению 43 % экспертов, большинство населения их ещё не освоило, но со временем освоит. По оценкам 7 %, большинство населения ещё не освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения и не освоит в ближайшей перспективе. Каждый четвертый (25 %) считает, что большинство населения ничего не имеет – ни собственности, ни финансовых сбережений, а потому живет одним днем. Остальные 7 % полагают, что в стране нет цивилизованного рынка, поэтому рациональные рыночные принципы здесь не работают, а действуют совсем другие законы, типа «кто смел, тот и съел» [1].

В массовом сознании на вопрос о том, какой собственник лучше – государственный или частный, однозначного и простого ответа нет. Как видно из анализа ответов, работа в государственном секторе представляется казахстанцам предпочтительней (45,9 %), по сравнению с частным (19,75 %) и смешанным (21,68 %) секторами. За годы реформ вместе с потерей иллюзий о том, что «невидимая рука» рыночной экономики сама сможет регулировать существующее в обществе неравенство, заметно усилились и без того достаточно распространенные «прогосударственные» настроения казахстанцев.

Распад Советского Союза повлек за собой крушение устоявшихся социальных, производственных, экономических и других систем, соединяющих страну в одно целое. Одной из мер по решению главных экономических задач, – перехода к рыночной экономике и выхода из финансового кризиса, – стало решение взять курс на приватизацию государственного имущества.

Многолетняя практика хозяйствования показала, что экономика, базирующаяся на государственной собственности, не эффективна ни экономически, ни социально. Это обусловило необходимость проведения широкомасштабной приватизации, являющейся центральным звеном экономической реформы.

В Республике Казахстан приватизация реализовывалась в соответствии с разработанной программой: государственные предприятия и организации преобразовывались в частные или смешанные государственно-частные акционерные компании и товарищества. Приватизацию осуществлял Государственный комитет Республики Казахстан по государственному имуществу и его территориальные органы с участием министерств, ведомств и местных администраций. Официально Программа приватизации была принята в 1991 г. Основными направлениями приватизации являлись: продажа мелких предприятий через местные аукционы, массовая приватизация средних и крупных предприятий, приватизация очень крупных предприятий по индивидуальным проектам, приватизация в области сельского хозяйства и сектора переработки сельскохозяйственной продукции. С 1996 г. крупные промышленные предприятия (даже стратегического значения) переходят под управление иностранными компаниями.

Приватизация в Казахстане предполагала вывод страны на новый уровень, улучшение экономической эффективности производства. Однако государством не были приняты во внимание такие моменты, как неоднородность казахстанского общества, различия в территориальном развитии, психологическая неготовность людей к свободе, патернализм государства. Нельзя сказать, что государство совсем не учитывало интересы граждан, напротив, для соблюдения социальной справедливости при перераспределении национальной общественной собственности, государство выпустило купоны, которые можно было вложить в те или иные инвестиционные фонды по своему выбору.

Реформы подобного рода, особенно, такие глобальные, все же предполагают создание условий для честной конкуренции, соответствующую информационную поддержку, но все это не было представлено в достаточной мере, отсюда провал первой попытки реформы.

В период с 1991 по 1992 гг. произошло резкое расслоение общества по уровню доходов, впоследствии стало еще хуже. Усугубился рост безработицы, бедность основного населения переросла в нищету.

Быстрого перехода на свободные рыночные отношения, улучшения уровня жизни населения, как этого ждали от новой экономической реформы, не произошло.

Таким образом, можно сделать вывод, что проводить данную реформу стоило поэтапно, вкупе с новой социальной политикой, широко освещая данный процесс в прессе и разъясняя доступным языком, для чего все делается и к чему в итоге должно прийти [2].

Отношение населения к итогам приватизации неоднозначное и формируется во многом через призму оценок происходящих изменений. Для того чтобы понять это отношение, необходимо посмотреть, как респонденты ответили на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что приватизация государственной собственности сделала богатыми меньшинство и бедными большинство?» С таким мнением полностью согласились 45,46 % опрошенных граждан, скорее согласных оказалось 18,23 %, полностью несогласных – 7,14 % и, скорее не согласных – 11,00 %, затруднились с ответом – 18,15 %. Такой выбор по сути дела означает, что в глазах общества приватизация оценивается как несправедливая.

Таким образом, в представлении казахстанцев, частная собственность – это и личная собственность, предназначенная только для потребления, и собственность, приносящая доход.

В начале реформ позитивная реакция наших граждан на частную собственность была связана с определенными ожиданиями, прежде всего, преумножения. Но, несмотря на то, что ожидания во многом остались обманутыми, положительное отношение к частной собственности не только не ослабло, оно выросло. Идея частной собственности принята как ценность, независимо от того, приносит ли уже институт частной собственности тот социально-экономический эффект, который от него ожидали, или нет. Она принимается практически во всех группах, за исключением, возможно, откровенных социальных аутсайдеров [4, с. 190].

Отношение казахстанцев к собственности во многом определяется их отношением к проведенной приватизации. Негативное отношение к приватизации означает не столько принципиальное неприятие частной собственности, сколько недовольство тем, как она была проведена в начале экономических реформ. Возникшие в постприватизационный период крупные состояния казахстанцами рассматриваются как нелегитимные, а сам процесс приватизации оценивается как несправедливый.

Отсюда – довольно высокий уровень продолжающейся поддержки пересмотра итогов приватизации.

Итак, переход от командно-административной системы к социально-ориентированной рыночной экономике – сложный и исторически длительный процесс. Пройден важный, но первоначальный этап. Создана многоукладная экономика с преобладанием частного сектора, однако, остается проблема формирования массового слоя реальных (эффективных) собственников. Вместе с тем, отношение к частной собственности казахстанцев, постепенное преодоление патерналистской психологии – все это внушает осторожный оптимизм в отношении развития рыночных отношений.

Литература

1. Ермаханова, С. Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп: социокультурный аспект / С. Ермаханова. – Новосибирск, 2009. – С. 129.
2. Нысанбаев, А. Н. Приватизация и ее социальные последствия. [В кн.: Человек и открытое общество] / А. Н. Нысанбаев. – Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 1998. – С. 139–151.
3. Ревайкин, А. С. Переходный период в России: состояния, основные проблемы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.petrus.ru/Chairs/Finans/perehperiod.rtf
4. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян /отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Ю. Чепуренко. – Москва : Наука, 2006. – 392 с.

С. Г. Ибрагимова

Академия Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики, Азербайджан, г. Баку

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ответственность за нарушение трудового законодательства – вид юридической ответственности, к которой привлекаются юридические и физические лица за допущенные ими нарушения трудового законодательства.

Лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются в порядке, установленном Трудовым Кодексом Азербайджанской Республики и иными законами, к дисциплинарной ответственности, а также к гражданско-правовой (материальной), административной и уголовной ответственности [4,

с. 580].

На основании статьи 35 Конституции Азербайджанской Республики труд является основой личного и общественного благосостояния. Каждый имеет право свободно выбирать себе на основе своей способности к труду вид деятельности, профессию, занятие и место работы [6, ст. 35]. Целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей [10, ст. 2].

Основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений по:

- организации труда и управлению трудом;
- трудоустройству у данного работодателя;
- профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации работников непосредственно у данного работодателя;
- социальному партнерству, ведению коллективных переговоров, заключению коллективных договоров и соглашений;
- участием работников в профессиональных союзах в установлении условий труда и применении трудового законодательства в предусмотренных законом случаях;
- материальной ответственности работодателей и работников в сфере труда;
- надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства;
- разрешению трудовых споров.

Любое виновное нарушение трудовых прав и обязанностей должно влечь за собой юридическую ответственность. В особое положение здесь поставлены должностные лица: имея больший объем прав, будучи ответственными за организацию трудового процесса, они должны обеспечить нормальные и безопасные условия труда и в случае нарушений отвечать не в меньшей степени, а в большей степени, чем другие работники.

В соответствии со статьей 310 Трудового Кодекса Азербайджанской Республики, предусматривающей ответственности за нарушение прав, установленных настоящим Кодексом, работники, работодатели и другие физические лица в определенном трудовом законодательстве несут материальную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственности за нарушение прав или ограничение их в какой-либо форме и порядке, а также злоупотребление этими правами, невыполнение обязательств, трудовой функции, определенных трудовым договором и трудовым законодательством [10, ст. 310].

В теории Азербайджанского права юридическая ответственность определяется как «установленные законом меры воздействия на правонарушителя, содержащиеся для него неблагоприятные последствия, применяемые государственными органами в порядке, установленном государством» [3, с. 472]. Юрические

ская ответственность включает в себя административную, дисциплинарную, материальную и уголовную ответственности.

По мнению Р. А. Сабитова, юридическая ответственность – это такое предусмотренное нормами права неблагоприятное для субъекта последствие общественно вредного деяния, которое выражается в том, что он держит перед государством ответ за совершенное деяние или поступок, обеспечиваемое государственно-правовым принуждением [8, с. 126–128].

Возможно, в таких отраслях права, как уголовное административное, уместное говорить о государственном принуждении. И в науке трудового права применялась такая теоретическая конструкция. Но актуальной она была на определенной стадии развития нашего общества, когда единственным работодателем было государство (т. е. в советское время).

А. Гасымов подчеркивает то, что «если применение мер юридической ответственности к наемным работникам государственных унитарных предприятий можно обосновать делегированием им, как работодателям, государством своих властных полномочий, то такое обоснование для частных и предпринимательских предприятий оказывается некорректным» [2, с. 56].

Дисциплинарная ответственность, предусмотренная трудовым кодексом АР, применяется работодателем, а не государством.

Дисциплинарная ответственность за нарушение норм охраны труда – это последствие общественно вредного деяния, которое выражается в применении к правонарушителю предусмотренных санкций правовой нормы мер государственного принуждения.

Дисциплинарная ответственность – это санкция, которая применяется работодателем по отношению к работнику, в лице дисциплинарного взыскания за дисциплинарный проступок.

Под дисциплинарной ответственностью за нарушение трудового законодательства по ст. 311 ТК АР, понимается обязательное для всех работников и работодателей подчинение правилам поведения, определенным в соответствии с Трудовым Кодексом АР, иными законами, коллективными договорами, соглашениями, трудовыми договорами, локальными актами организаций [10, ст. 311].

Дисциплина труда есть необходимое условие всякой общей работы, всякого совместного труда.

Законодательство, представляя работодателю право налагать на работника дисциплинарное взыскание (а в отдельных случаях и обязывая к этому), одновременно предусматривает и соответствующие гарантии для работника. К ним относятся:

1. Правовое основание привлечения к дисциплинарным взысканиям;
2. Круг лиц, имеющих право налагать дисциплинарные взыскания;
3. Сроки и порядок наложения дисциплинарных взысканий;
4. Исчерпывающий перечень дисциплинарных взысканий;
5. Порядок объявления дисциплинарных взысканий;
6. Порядок снятия дисциплинарных взысканий;

7. Порядок обжалования дисциплинарных взысканий;

По общему правилу право налагать на работника дисциплинарное взыскание принадлежит руководителю организации, а работодателю дисциплинарное взыскание может налагать государственная инспекция по труду, и специально уполномоченный ее руководитель и т. д.

Иные должностные лица обладают таким правом, если это предусмотрено в уставе вышестоящей организации. В уставах (положениях) о дисциплине, действующих в отдельных отраслях экономики, предусматриваются полномочия руководителей министерства (ведомства) в части наложения дисциплинарных взысканий в соответствии со ст. 186 ТК Азербайджанской Республики за совершение дисциплинарного проступка, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. Работодатель имеет право применять следующие дисциплинарные взыскания:

1. Выговор;
2. Строгий выговор с последним предупреждением;
3. Если это предусмотрено в коллективном договоре, штраф в размере не более 25 процентов заработной платы;
4. Расторжение трудового договора на основании пункта «ч» статьи 70 Трудового Кодекса АР(2-я часть ст.186 ТК АР) [10].

Не допускается применение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных республиканскими законами, уставами и положениями о дисциплине.

Правовое регулирование трудовой дисциплины образует самостоятельное правоотношение (между работником и работодателем), и представляет собой регулирование способа исполнения трудовой обязанности сторон.

Материальная ответственность представляет собой санкции за трудовое правонарушение, причиненный ущерб, при котором возникает правоотношение по материальной ответственности, между лицом, причинившим вред и потерпевшей стороной трудового договора. Такое правоотношение возникает лишь при причинении вреда, когда одна из сторон трудового договора своими противоправными действиями причинила ущерб другой стороне. В зависимости от того, кто причинил ущерб, различается материальная ответственность работника за ущерб, причиненный имуществу работодателя, и материальная ответственность работодателя за вред, причиненный здоровью работника на производстве, или за ущерб в результате лишения его возможности трудиться, т. е. незаконного увольнения [10, Глава 30 ст. 191–194 и глава 31 ст. 195–197]. Каждый из указанных видов материальной ответственности отличается друг от друга по размерам, по порядку возмещения ущерба, а также регулирующими их нормативными актами.

Как отмечает А. М. Гасымов, трудовой договор (контракт или коллективный договор) может конкретизировать материальную ответственность работника или работодателя. При этом договорная ответственность работодателя не должна быть ниже, а работника – выше той, что предусмотрено трудовым законодательством [2, 46 с.].

Ст. 191 Трудового Кодекса Азербайджанской Республики предусматривает материальную ответственность работодателя и работника за ущерб, причиненный одним другому.

Материальная ответственность сторон трудового договора состоит в обязанности одной из его сторон возместить в соответствии с законодательством материальный ущерб, причиненный ею другой стороне этого договора. Непосредственно названным договором такая обязанность не предусмотрена, но она является следствием не надлежащего исполнения сторонами этого договора своих обязанностей в сфере [1, с. 216–217].

Материальная ответственность работников регулируется статьей 198–206 Трудового Кодекса Азербайджанской Республики. При определении размера ущерба учитывается только прямой действительный ущерб, а неполученные доходы не учитываются [10, ст. 198–206].

По трудовому законодательству, субъектом материальной ответственности может быть только работник, состоящий в трудовом правоотношении с конкретной организацией независимо от формы собственности, на базе которой она создана.

Материальная ответственность работников, по нормам трудового законодательства, наступает при наличии прямого действительного ущерба, ибо только он учитывается при определении размера ущерба – это элемент, характеризующий объективную сторону состава правонарушения, совершённого работником [9, с. 16]. Однако сам законодатель не дает легального определения.

Под прямым действительным ущербом понимается ущерб наличному, реально существующему имуществу путем утраты его (или его части), присвоения, порчи, понижения ценностей и соответствующей необходимости собственника производства, либо произвести излишние выплаты по вине работника другому субъекту (физическому или юридическому лицу) [4, с. 700].

Работодатель обязан возместить работнику материальный ущерб в случае незаконного отстранения от работы, увольнения или перевода на другую работу, отказа от исполнения или несвоевременного исполнения решения органа по рассмотрению трудовых споров о восстановлении на прежней работе, задержке выдачи трудовой книжки, внесении в нее неправильной или несоответствующей законодательству формулировки причины увольнения, а так же других случаях, предусмотренных республиканскими законами и коллективным договором [10, ст. 195].

В рамках материальной ответственности следует учесть положения, нормы, правила и принципы охраны труда, согласно которым организации, выпускающие и поставляющие продукцию, не отвечающую требованиям охраны труда, возмещают потребителям нанесенный вред в соответствии с гражданским законодательством Азербайджанской Республики.

Административная ответственность заключается в применении к виновным лицам мер административного взыскания, предусмотренных законодательством Азербайджанской Республики об административных правонарушениях. В настоящее время этот вид юридической ответственности за нарушение

трудовых прав граждан является наиболее распространенным.

В КоАП АР приводятся виды административных правонарушений, которые могут быть совершены работниками и работодателями (представителями последних). В гл. 6 «Административные проступки, посягающие на политические, социальные и трудовые права» имеются статьи, предусматривающие нарушение законодательства о труде и об охране труда (ст. 53, 54), необоснованный отказ от заключения коллективного договора, соглашения (ст. 58), угрозу увольнения работников в связи с объявлением забастовки (ст. 60) [5, ст. 53, 54, 58].

За наиболее грубые нарушения трудового законодательства, включая законодательство об охране труда, наступает **уголовная** ответственность.

Так, в соответствии со ст. 164 Уголовного кодекса АР за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, предусмотрен штраф в размере от пятисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда [11, ст. 164].

Статьей 162 Уголовного кодекса АР предусмотрена ответственность за нарушение правил техники безопасности или иных правил по охране труда, совершенное лицом, на котором лежали обязанности по соблюдению этих правил, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека.

За это преступление предусмотрены:

- штраф в размере от ста до пятисот минимальных размеров оплаты труда;
- либо исправительные работы на срок до двух лет;
- либо лишение свободы на срок до шести месяцев.

Если эти действия повлекли по неосторожности смерть человека, то они наказываются:

- лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности;
- или лишением права заниматься определенной деятельностью на срок от трех до пяти лет или без этого срока.

Литература

1. Гасымов, А. М. Взаимная материальная ответственность в трудовом праве Азербайджанской Республики / А. М. Гасымов. – Баку : Ганун, 2002.
2. Гасымов, А. М. Трудовое право: учебник / А. М. Гасымов. – Баку : Адилоглу, 2007.
3. Гулийев, А. И. Энциклопедия труда / А. И. Гулийев. – Баку : Ганун, 2007.
4. Гусов, К. Н. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. К. Н. Гусова /3-е изд. перераб. и доп. / К. Н. Гусов. – М. : ТК Велби ООО, Контракт, 2003.
5. Кодекс Азербайджанской Республики ОБАдминистративных Проступках. – Баку : Ганун, 2010
6. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку : Ганун, 2009.
7. Постановление Кабинета Министров АР №7 от 14 января 2002 года. – Баку : Ганун, 2006.

8. Сабитов, Р. А. Понятие и виды юридической ответственности / Р. А. Сабитов // Материалы научно-практической конференции. – Челябинск, 2001
9. Талыбов, Г. Г. Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву / Г. Г. Талыбов. – Баку, 1970.
10. Трудовой Кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : Юридическая литература, 2009.
11. Уголовный Кодекс Азербайджанской Республики. – Баку : Юридическая литература, 2006.

Г. С. Иванова

Мордовский государственный университет, Россия, г. Саранск

ЭТИМОЛОГИИ МОКШАНСКОЙ ФОНЕМЫ <U>ПЕРВОГО СЛОГА

В мокшанских диалектах в первом слого слова фонема <u> имеет достаточно широкое распространение. Она восходит к разным гласным финно-угорского периода. В своей статье мы попытаемся выявить исторические соответствия гласного [u] в этимологически общих словах.

В начале слова этот гласный встречается в следующих фонетических позициях: VC: [ulal/ulä] «подбородок», [užäl/užel'] «жалъ», [ušă] «на воздух», [umbrav] «щавель», [usk(ms)] «везти», [ud(ms)] «спать», [uLkä] «недавно», [us(l)] «толк», [ur] «белка», [urma] «болезнь»; VC' (реже): [učəms] «ждать», [uc'əs] «дешевый», [ul'əms] «быть»; CVC: [pur(m)] «овод», [sur] «палец», [sură] «пшено», [tulă] «клин», [suvams] «зайти», [suv(z'i)] «глухарь»; C'VC: [s'ulă] «кишка», [t'us] «цвет», [s'uma] «корыто», [s'ulmä] «узел», [l'ukams] «качаться», [l'ukšă] / [l'ukš'e] «гречиха». После гласного [u], согласно закону сингармонизма, выступает велярный согласный, за которым следует гласный заднего ряда [a] или [u] или заднерядный вариант редуцированного гласного; в редких случаях после [u] может стоять палатальный согласный, за которым идет гласный переднего ряда или переднерядный вариант редуцированного гласного: [ruc'ä/(R'c'e)] «платок», [t'ur'əms] «драться, бороться», [s'un'ä/s'un'ě] «пасмурно», [s'ur'ä/s'ur'ě] «нить», [kujä/kuje] «жир, сало», [pun'ä/pun'ě] «пуговица», [n'ur'am] «колыбелька», [kul'ä/kul'ě] «весть, известие», [kul'əms] «слышать». Выходит из этого правила слово [uča], в исходе которого во всех мокшанских диалектах после палатального [č] выступает гласный заднего ряда [a]. В говорах сел Булдыгино, Мордовская Поляна, Старое Бадиково, Новое Бадиково наблюдается переход [a]>[e]: [uča]>[uče]. Это, конечно же, связано с палатальным характером аффрикаты.

Как показывает словарный материал, мокшанский гласный [u] имеет такие исторические соответствия:

1. м., э. [u]< об. мд. *u < ф.-у. *u: м., э. [sur] «палец» < ур. *suδ'z или *šud'z «палец»; ср.: х. luj, juj, манс. tul'a, tul'ə «кольцо», в. ujj (2, с. 400); м. [ufa-], э. [puva-] «дуть» < ф.-в. *puwe-; ср.: ф. puhaltaa, эст. puhuma, мр. пуаш (4, с. 152); м. [mus'k(-), э. [mus'ke-] «стирать» < ур. *mos'k2- или *mus'k2- «мыть»; ср.:

эст. *mosk*, мр. *мышка-*, *мушка-*, у. *мыськ-*, *миськ-*, к. *мыськы-*, в. *mos-* (2, с. 406); м. [*ujɔ-*], э. [*uje-*] «плыть, плавать» < ур. **uj2-* или **woj2-* «плавать»; ср.: ф. *ui-*, эст. *uju-*, мр. *иä-*, *ия-*, у. *уй-*, к. *уй-*, манс. *uj-*, в. *úsz-* (2, с. 406); м. [*šur(-)*], э. [*šuro-*] «прорезживать» < ур. **šur3-* «разрезать»; ср.: у. *шыр-*, к. *шыр-* «рубить, резать, стричь», в. *irt-* (*irtok*) (диал. *orot-* «искоренить») (2, с. 406); м. [*luv(-)*], э. [*lovo-*] «считать, читать» < ур. **luke*; ср.: ф. *lukca*, эст. *luge-*, мр. *лыда-*, *луда-*, к. *лыдзыы*, манс. *lowint-*, в. *olvas-* (4, с. 97); м. [*puv(r'-)*], [*pur'a-*] < ф.-у. **pus'z-(r3-)* «отжимать, выжимать»; ср.: ф. *puserta-*, эст. *puserda-*, у. *пычки-*, к. *пыдзырт-*, *пычки-*, х. *pusəg-* «сжать, сдавить», в. *facsar-* (2, с. 417); м. [*kujä*] / [*kuje*], э. [*kuja*] < ф.-у. **kuje-* «жир»; ср.: ф. *kuu*, мр. *кайа*, *койа*, у. *кэй*, в. *háj* (4, с. 87); м. [*nuva-ms/ n(va-ms)*], э. [*nuvs'ems*] «дремать» < ф.-у. **nuŋe-*; ср.: ф., эст. *nukkuu* «лечь спать, уснуть, дремать», в. *nyugszik* «отдыхать, спать» (4, с. 122); м. [*suva-ms/ s(va-ms)*], э. [*sova-ms*] «войти» < ф.-у. **suwe-* (4, с. 167) или **son2* (2, с. 405); ср.: мр. *шунгалтыш*, у. *зымыны*, к. *сунны*, манс. *туу*, в. *av* (ЭВ 1998: 167); м. [*urma*], э. [*orma*] «болезнь» < об. мд. **urma*; ср.: эст. *urm* «болезнь крови», кольск.-саам. *уррэм* «подкожная личинка овода у оленя», норв.-саам. *ürme* (4, с. 130); м. [*šuftä*], э. [*šuvto*] «дерево» < ф.-п. **šuvota*; ср.: ф. *hihta*, кар. *huuhta*, мр. *шувын*, *шубын* «кол, рычаг» [4, с. 216].

Во II-м типе мокшанских диалектов в безударном положении [u] < *u редуцируется. Редукции не наблюдается, если основа оканчивалась на широкий гласный нижнего подъема; вне первого слога стоит такой же гласный [u]; после [u] стоят *j, *ŋ или историческое сочетание согласных [1, с. 78].

В эрзянском языке в некоторых из вышеперечисленных слов произошло расширение прафинно-угорского *u до [o], связанное с разноместным ударением: м. [*pu-n'ä*], э. [*rov*] «пуговица» < об.мд. **puŋə* < ф.-у. **puŋe*; м. [*urma*], э. [*orma*] «болезнь» < об. мд. **urma* < ф.-в. **urma*; м. [*luv(-)*], э. [*lovo-*] «считать, читать» < об. мд. **luvə-* < ур. **luke*; м. [*turks*], э. [*troks*] «поперек» < об. мд. **turks* < ур. **tuktz* «поперечный брус (ребро) корабля»; м. [*šuvan'ä / š(van'e / švan'e)*], э. [*čova*] «тонкий» < об.мд. **šuva-*; ср.: эст. *huba* «ломкий»;

2. м. [u], э. [u], [o] < об.мд. *u < ф.-у. *o: м. [*ur*], э. [*uro*] < ф.-у. **ora* «шило»; ср.: ф. *ora*, эст. *ora*, саам. *oatte*, в. *ár* (4, с. 197); м. [*kud*], э. [*kudo*] «дом, изба, квартира» < ф.-у. **kota* «юрта, хижина, шалаш»; ср.: ф. *kota*, эст. *koda* «сени, дом, палата», саам. *goatte*, мр. *куды*, *кудо* «лачуга, шалаш, летняя кухня», у. *куа*, *куала* «шалаш», к.-п. -ку: *керку* «дом, изба», х. *kat*, в. *ház* (4, с. 82); м. [*num(l)*], э. [*numolo*] < ур. **nomale* «заяц»; ср.: норв.-саам. *njoammel*, кольск.-саам. *нюэммель*, к. *нимал*, в. *nyúl (nyulat)* (4, с. 123); м. [*susk(-)*], э. [*susko-*] < ур. **soske* «кусать»; ср.: эст. *suska* «пронзить, ужалить, проткнуть», саам. *suoska*, у. *сыск-* (4, с. 172); м. [*s'urä*], э. [*s'uro*] < ф.-у. **s'orwa* «рог»; ср.: ф. *sarvi (sarven)*, эст. *sarv (sarve)*, саам. *čoar've*, мр. *шур*, у. *сюр*, к. *сюр*, в. *szarv* (4, с. 172); м. [*ur(s)*], э. [*uros*] < ф.-у. **orpa (s3)* или **orewa (s3)* «сирота, сиротский»; ср.: ф. *orpo*, саам. *oarbes*, в. *árva* (2, с. 413); м. [*tunda*], э. [*tundo*] «весна, весной» < ф.-у. **towke* «весна»; ср.: ф. *touko* «яровой посев», «май», эст. *tõug*, у. *тулыс*, к. *тулыс*, в. *tavas* (4, с. 190); м. [*čukšt(ru)*], э. [*čukštorov, šukštorov*] < ф.-у. **čorčz* «смородина»; ср.: эст. *sitik, sitikas* «черная смородина», манс. *sosiŋ* «черная смо-

родина», мр. шоптыр (2, с. 415); м. [ul'ɔ], э. [ul'e-] «быть» <ф.-у. *wole «быть»»; ср.: ф. olla, эст. ole- та, мр. ылаш, улаш, у. вал, к. выл, х. woL, манс. ol-, в. vol -, val- (4, с. 195); м. [ud(-), э. [udo-] «спать, состояние сна» < ф.-у. *ода- «спать»»; ср.: мр. ом, омо «сон», у. ум, ун, к. он, ун, х. oL-, в. al- (2, с. 419); м. [ur], э. [uro] «белка» < ф.-п. *ora; ср.: ф. orava, эст. orav (orava), саам. oar're, мр. ур, к. ур (4, с. 196); м. [nurdä], э. [nurdo] «сани» < ф.-п. *norta «сани, нарты»; ср.: у. нурт, к. норт (2, с. 432); м. [kužä], э. [kužo] «поляна, место для хоровода, круг для хоровода» < ф.-у. *koša; ср.: к., у. куш «лесная поляна, пустое место» (4, с. 82); м. [pulä], э. [pulo] «хвост, коса из волос, роща» < ф.-у. *rola; ср.: кольск.-саам. пуалмэх, мр. пулыш, к. пулы (4, с. 153);

3. м., э. [u] < об. мд. *u < ф.-у. *ū: м. [kul'ə-], э. [kul'e-] «слышать» < ф.-у. *kūle «слышать»»; ср.: мр. кола-, у. кыл-, к. кыл-, манс. χol-, в. hall-// алт.: ср. осм. kulak «ухо» (3, с. 149); м. [uča] «овца» < ф.-у. * ūče-; ср.: ф. uuhi, uuti, эст. utt, мр. ыжга, ужга «шуба», у. ыж, к. ыж, х. ащ (3, с. 328); м. [put(-), э. [puto-] «положить, вложить, поставить, приложить, поместить, коснуться, построить, подложить» < ф.-у. *rūtta-; ср.: эст. ruutuma «касаться, коснуться», ф. ruutua «браться, взяться», мр. пышташ «положить», к. пыктыны (4, с. 155).

В небольшой группе слов u восходит к прафинно-угорскому гласному переднего ряда * i / * ü.

4. м., э. [u] < об. мд. *u < ф.-у. *i / *ü: м. [kuj, guj], э. [guj] < ф.-у. *küje «змея»; ср.: ф. куу, эст. küü-, мр. кишке, у. кый (4, с. 41); м. [uj], э. [ud'eme, ud'em, ud'ime] < ф.-у. *widz-me или *wüdz-me «мозг»; ср.: ф. ydin, норв.-саам. ada, мр. вим, вем, у. вийым, вим, к. вем, в. velõ (2, с. 412); м. [kurgä], э. [kurgo] «рот, пасть, полость» < ф.-у. *kirke или *kürke «внутренность, внутренний»; ср.: мр. көргө «нутро, внутренность, внутренний, полость», у. гырк «дупло, полый», к. гырк «грудная и брюшная полости, туловище, внутренности», манс. kiwæg (2, с. 85); м., э. [s'uva] < ф.-п. *s'ika или *s'üka «ость, мякина»; ср.: ф. siikanen, мр. шу, к. сю «рожь, зерно, хлеб (в зерне)» (2, с. 428); м. [jur], э. [jur] «корень, основание, подножие» < ф.-п. *jirz «низменность, омут» (2, с. 427);

5. м., э. [u] < об. мд. *u < ф.-у. *a: м. [us'kä], э. [us'ke] «провода» < ф.-у. *was'ka «железо (? металл)»; ср.: ф. vaski «медь, металл», эст. vask «тж», мр. важ «руда», у. -весь: азвесь «серебро», к. -ысь: эзысь «серебро», манс. -wds: atwəs «свинец», в. vas (4, с. 199); м. [juks(-), э. [jukse-], [ukse-] < ф.-п. *jaksa- «развязать, распутать, освободить»; ср.: ф. jaksa- «мочь, быть в состоянии», эст. jaksa-, саам. jukso- «лечить колдовством», у. юскы- «выпрягать, распрягать», к.-п. юскы- (2, с. 430); м. [tulä], э. [tulo] «пробка, затычка, клин» < ф.-п. *talpa «клин»; ср.: эст. talb, у. тул, к. тул, тув «гвоздь, шпонка, шип, клин» (4, с. 190); м. [pig(m)] «слепень», э. [promo] / [pigomo] «пчела» < ф.-в. *parma; ср.: ф. parma «слепень», эст. parm, кар. пурома «овод, слепень», кольск.-саам. пуарр «овод», мр. пурмо, парым «слепень» (4, с. 151); м. [ut(m)], э. [utomо] «амбар» < ф.-у. *ajta; ср.: ф. aitta, эст. ait, кар. aitta (4, с. 199); м. [jumams], э. [jomams] «пропасть, исчезнуть» < ф.-у. *jama (3, с. 100); ср.: к. ямны, мр. йамам, йомам (4, с. 47).

В небольшой группе слов гласный полного образования сохранился лишь

в эрзянском языке, а в мокшанском он подвергся редукции:

м. [ɔ], э. [u] < об.мд. *u < ф.-у. *o: м. [pulmanža, p(lman'd'ž'a)], э. [kumaža] «колени» < ф.-в. *polwe; ср.: ф. polvi, эст. polv, саам. buolva, мр. пулвуй (вуй «голова») (4, с. 153); м. [k(R'c'ä)] (>м.д. [k(R'-c'e)], э. [kurs'a] «кормысло» < ф.-у. *kore-; ср.: эст. kor-ento, к., у. кар-: карнан (4, с. 85);

м. [ɔ], э. [u] < об. мд. *u < ф.-у. *u: м. [t(rva)], э. [torva, turva] < об.мд. *turva < ф.-у. *turpa «губа»; ср.: ф. turpa «рыло, морда», мр. тюрвё, у. тырпы, к. тырп (4, с. 190).

Таким образом, результаты анализируемого материала показали, что в большой группе слов мокшанский [u] этимологически восходит к прафинно-угорским *u, *ū, *o, *i/*ü, *a. К закономерным соответствиям можно отнести: [u] < *o; [u] < *u. В некоторых мокшанских диалектах в безударном положении [u] < *u редуцируется. Гласный полного образования сохраняется в том случае, если древняя основа оканчивалась: на широкий гласный; такой же гласный [u]; или после [u] первого слога выступали *j, *ŋ или историческое сочетание согласных.

Литература

1. Иванова, Г. С. Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении / Г. С. Иванова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 178 с.
2. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. И. Гуляев. – М. : Наука, 1970. – 386 с.
3. Основы финно-угорского языкознания. – М. : Наука, 1974. – 483 с.
4. Цыганкин, Д. В. Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1998. – 234 с.

Сокращения

в. – венгерский язык; V – вокал; веп. – вепсский язык; вод. – водский язык; к. – коми язык; кар. – карельский язык; к.-з. – коми-зырянский язык; кольско-саам. – кольско-саамский язык; к.-п. – коми-пермяцкий язык; лат. – латинский язык; лив. – ливский язык; м. – мокшанский язык; манс. – мансийский язык; м. д. – мокшанский диалектный; мр. – марийский язык; норв.-саам. – норвежско-саамский язык; об.м. – общемокшанский язык; об. мд. – общемордовский язык; прамд. – прамордовский язык; саам. – саамский язык; у. – удмуртский язык; ур. – уральский праязык; ф. – финский язык; ф.-в. – финно-волжский праязык; ф.-п. – финно-пермский праязык; ф.-у. – финно-угорский праязык; х. – хантыйский язык; С' – палатальный консонант; С – велярный консонант; чув. – чувашский язык; э. – эрзянский язык; э.д. – эрзянский диалектный; эст. – эстонский язык.

Е. С. Исаева

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

САМОСОЗНАНИЕ ГЕРОЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЗМА ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Создание цельного художественного полотна требует от художника слова проявления многих умений и знаний, в том числе и из области философии и психологии. Основная задача писателя – создать правдоподобные образы, чьи душевные переживания могли бы вызвать эффект эмпатии и позволили бы писателю в обрисовке человека обратиться к сознанию и самоанализу героя произведения. С этой целью он может вести рассказ от имени героя или представить его лирико-психологическую исповедь.

Если литературный герой (по воле автора) способен вобрать в орбиту своего самосознания весь окружающий его предметный мир, то перед читателем предстает не только конкретная ситуация. В процесс его самосознания могут быть вовлечены те реальные проблемы, с которыми читатель непосредственно сталкивается в жизни, и таким образом происходит проекция внутреннего чувственного начала героя на душевный фон читателя.

Герой, как правило, может мыслить и действовать только в тех пределах, в которых он находится; читатель же – чувствовать и воспринимать мир, исходя из своих индивидуальных особенностей; анализировать и осмысливать свои и чужие поступки, исходя из собственных нравственных представлений, ценностей и жизненных установок. Многомерность психологической характеристики героя в таком случае напрямую зависит от процесса его самораскрытия, самоанализа.

Самоанализ в силу своего субъективизма всегда «замкнут» в пространстве внутренних переживаний и представлений. Поэтому, чтобы полнее передать гамму человеческих чувств, современные русские прозаики используют «скрытые» приемы психологической характеристики героя. К ним относят авторские характеристики, реакции окружающих на слова и поступки героя, комментарии и т. п., т. е. все то, что косвенным образом может охарактеризовать внутреннее психологическое состояние человека. Для этого используются и описания внешних проявлений героя произведения. Например, по мимике и жестам можно угадать настроение человека, описать его внутреннее состояние, реконструировать ход его размышлений и т. д. Все эти способы психологической характеристики личности необходимы для того, чтобы разомкнуть внутренний мир героя, дать ему возможность самораскрыться, и тем самым показать многообразные формы индивидуального бытия конкретного человека.

Одним из способов проникновения во внутренний мир личности является и анализ мотивационной сферы. В данном случае исследуется степень осознания человеком собственных поступков; уровень психологической зрелости личности; динамика мотивационной структуры личности в зависимости от обстоятельств, ситуации и временного состояния психики. Анализ мотивационной сферы соотносят с идеалами, установками, убеждениями, ценностями, интересами и желаниями личности.

Описывая лишь внешние проявления личности, невозможно показать те глубинные процессы, которые происходят в сознании конкретного индивида. «Поступок и его мотив, – отмечает М. И. Стюфляева, – самая общая формула психологизма, отражающая его, так сказать, социальное содержание. Эстетиче-

ская мысль обогащает эту формулу, предполагая множественность взаимодействующих мотивов и их неоднозначное художественное выражение» [2, с. 342].

По мнению С. Л. Рубинштейна, «характер человека – это закрепленная в индивидуе система генерализованных обобщенных побуждений» [1, с. 149]. Каждый человек в течение своей жизни приобретает особое сочетание черт характера, благодаря которым он может наилучшим образом приспособиться к внешнему миру. В художественном произведении характер человеческой личности может быть представлен во всей многогранности. Достигается это не только за счет выделения каких-то отдельных черт или сторон характера, как это, например, делается в науке, а за счет показа человека во всех его внутренних и внешних взаимосвязях с социальной средой. Здесь может быть описана и эмоциональная сфера героя, и его конкретные поступки и действия, и его жизненные устремления и т. д. Для того чтобы обнаружить те или иные черты характера, автор может рассказать о том, как личность проявляет себя в деятельности, как у него складываются отношения с людьми, как он ведет себя в экстремальных ситуациях, как осуществляет свой моральный выбор, наконец, как преодолевает те или иные жизненные трудности. Таким образом, от анализа отдельных человеческих поступков или действий писатель может подойти к их синтезу в характере личности.

Мы согласны и с тем, что в поле зрения создателей художественных произведений находятся не только процессы, связанные с изменением тех или иных человеческих типов в их историческом контексте, но и исследование новых, зарождающихся типов людей и социальных групп. В данном случае речь идет о типологическом и индивидуальном в образах, например, бомжей, олигархов, чиновников. Такой анализ позволит не только выявить совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, но и показать социальную природу человеческого характера.

Исследование человека и его характера ведется с помощью научных методов анализа, а художественная интерпретация осуществляется методами искусства. Задача современного писателя, на наш взгляд, и заключается в правдоподобном изображении чувственной составляющей характера героев, что в свою очередь является мериллом писательского таланта.

Литература

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Просвещение, 2000. – 438 с.
2. Стюфляева, М. И. Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева. – М., 1982. – 287 с.

М. И. Калымбет, Л. С. Медетова
АО «НЦПК «Орлеу» ИПКПР по ЮКО, Казахстан, г. Шымкент

АКТУАЛЬНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

В настоящее время экологическая проблема взаимодействия человека и природы, а также воздействия человеческого общества на окружающую среду, стала очень острой и приняла огромные масштабы. Планету может спасти лишь деятельность людей, осуществляемая на основе глубокого понимания законов природы, учет многочисленных взаимодействий в природных сообществах, осознание того, что человек – это всего лишь часть природы. Это означает, что экологическая проблема встает сегодня не только как проблема сохранения окружающей среды от загрязнения и других отрицательных влияний хозяйственной деятельности человека на Земле, но и как проблема нравственная.

История человечества неразрывно связана с историей природы. На современном этапе вопросы традиционного взаимодействия её с человеком выросли в глобальную экологическую проблему. Если люди в ближайшем будущем не научатся бережно, относиться к природе, то они погубят себя. Поэтому надо воспитывать экологическую культуру и ответственность. И начинать такое воспитание нужно с младшего школьного возраста. Именно такой возраст является наиболее благоприятным периодом для формирования основ экологической культуры. В этом возрасте в сознании учащихся происходит формирование наглядно-образной картины мира, нравственно-экологической позиции личности, которая определяет отношение ребенка к окружающему миру и к самому себе [1, с. 28–33].

Основная цель экологического воспитания – формирование экологического сознания и мышления на основе активной жизненной позиции. Пробуждение экологического сознания неразрывно связано с осознанием человеком своей роли на Земле. В настоящее время вследствие технического прогресса, урбанизации общества человек перестал ощущать себя и окружающую среду как единое целое в пределах биосферы.

Решение современных экологических проблем требует компетентного подхода, который включает естественные, социальные и гуманитарные науки, приближаясь, таким образом, к философскому уровню познания.

Так как все изменения природной сферы – и естественные, и вызванные деятельностью человека, – оказывают влияние на условия жизни и здоровье населения, то рассмотрение этой взаимосвязи осуществляется через систему знаний о значении отдельных компонентов и природы в целом для жизни и хозяйственной деятельности человека, о необходимости рационального использования природных ресурсов и их возобновлении. Изучение основ природопользования, рассмотрение вопросов о роли прогнозирования изменений окружающей среды способствует пониманию учащимися важности учета особенностей природы в процессе трудовой деятельности человека. В целом школьный курс естественнонаучных дисциплин помогает учащимся осознать значение природы для общества, понять, что природа – основной источник удовлетворения жизненных и духовных потребностей человека, осмыслить необходимость ответственного отношения к ней.

В экологическом воспитании не меньшую роль, чем нравственное, играет

эстетическое воспитание, в которое существенный вклад вносят и естественно-научные предметы. На этих уроках учащиеся обогащаются новыми эстетическими впечатлениями, чему способствуют разнообразные средства обучения (картины, кинофильмы, диафильмы и т. д.), формирующие образы территорий, различных объектов природы, развивающие у детей эмоциональную восприимчивость к красоте вообще, прекрасному в природе и эстетическое восприятие окружающей среды.

Экологическое воспитание должно быть ориентировано на то, чтобы ученик, зная требования и нормы поведения в природной среде, не только формально выполнял их, но и осознавал объективную необходимость этих требований. Достижению этой цели будет способствовать развитие у школьников системы естественнонаучных, социальных и этических знаний, формирование опыта практической деятельности, решение конкретных местных экологических проблем, реализация которых возможна не только в рамках учебных предметов, но и в процессе организации внеклассной работы по экологическому воспитанию.

Поступление в школу – важный этап в жизни ребёнка. Появляются новые обязанности, усложняются правила и нормы поведения, возрастают требования со стороны окружающих. Ведущими видами деятельности становятся учение и труд [2, с. 37].

Младшие школьники имеют довольно ограниченные представления о многообразии действий и поступков, выражающих заботу о природе или причиняющих ей вред. Вместе с тем они вполне понимают необходимость заботливого отношения к природе, руководствуясь в своих чувствах нравственно-эстетическими мотивами: «растения всех радуют», «лес – наш друг». Младшие школьники озабочены плохими поступками взрослых по отношению к природе: «взрослые режут кору деревьев, загрязняют лес банками, стеклом».

Экологическое воспитание младших школьников имеет свои специфические особенности в связи с присущими им характерными чертами: природной любознательностью, чрезвычайной эмоциональной отзывчивостью, доверчивостью, верой в авторитет учителя и родителей.

Однако возрастные особенности младших школьников вызывают и ряд трудностей в их воспитании, обусловленных изменением ведущего вида деятельности с игровой на учебную, постепенной сменой наглядно-образного мышления абстрактным, развитой потребностью к труду в природе при отсутствии соответствующих умений и навыков.

Содержание экологического воспитания усваивается учащимися в их различной деятельности. Каждая из форм организации учебного процесса стимулирует разные виды познавательной деятельности учащихся: самостоятельная работа с различными источниками информации позволяет накопить фактический материал, раскрыть сущность проблемы; игра формирует опыт принятия целесообразных решений, творческие способности, позволяет внести реальный вклад в изучение и сохранение местных экосистем, пропаганду ценных идей.

На первых этапах наиболее целесообразны методы, которые анализируют и корректируют сложившиеся у школьников экологические ценности ориентации, интересы и потребности. Используя опыт их наблюдений и природоохранительной деятельности, учитель в ходе рассказа, беседы экологического содержания актуализирует знания детей, расширяет и углубляет их, выявляет новые грани взаимодействия человека и природы. Включение в беседы информации о негативной и позитивной деятельности человека в природе способствует формированию у детей умения оценивать эту деятельность и прогнозировать её последствия. Стимулируют учебную деятельность и дискуссии, способствуя проявлению личного отношения учащихся к проблемам, знакомству с реальными местными экологическими условиями, поиску возможностей их решения.

Ряд методов имеет универсальное значение. Количественный эксперимент позволяет успешно формировать структурные элементы экологического знания и отношение к ним как к лично значимым. Практические работы на уроках включают решение экологических задач, разбор экологических ситуаций, моделирование экологических связей. Изучение экологических связей в природе является необходимым условием для воспитания у детей ответственного отношения к ней. На уроках целесообразно применять динамические схемы или модели этих связей.

Одним из эффективных средств экологического воспитания младших школьников являются учебные задания, направленные на:

1. формирование знаний об объектах природы, взаимосвязи природы и человека;
2. формирование оценочных суждений и ценностных ориентаций;
3. формирование знаний о мерах по охране природы.

Важную роль в воспитательном процессе играют умения по охране природной среды и поведению в природе, формирование в процессе организации практической деятельности учащихся.

В ходе экскурсий происходит ознакомление с природой родного края, выявление ее особенностей. Экскурсии могут включать элементы заочных игрупутешествий по родному краю. При этом расширяются представления о природных богатствах края, разнообразии и красоте его природы. Экскурсии могут включать и элементы поисковой работы [3, с. 75].

Сравнительно новым видом деятельности младших школьников в природе является работа на «экологической тропе». Учебная «экологическая тропа» – это маршрут в парке, лесопарке и т. д., который прокладывается так, чтобы на нем были места и естественной природы, и антропогенный ландшафт. Это позволяет сравнить естественную и преобразованную среды, учить детей оценивать характер деятельности человека в природе. Воспитание в ходе работы на «экологической тропе» имеет не только информационный, но и деятельностный характер: ребята участвуют в посадке растений на ботанических площадках, в меру своих сил ухаживают за ними, принимают активное участие в уборке тропы и т. д. Кроме того, такое пребывание на природе дает возможность организовывать и проводить исследовательские работы – изучать состояние объектов

природы, долго наблюдать, в результате чего у ребенка формируется понятие о развитии объектов, о процессах, происходящих в природе; проводить опыты как длительные, так и кратковременные; прогнозировать последствия деятельности человека; оценивать результаты природоохранной работы. Такая разносторонняя деятельность помогает ученику осознать значение природы для человека, важность грамотного взаимодействия с ней.

Как известно, воспитание тесно связано с обучением, поэтому воспитание, основанное на раскрытии конкретных экологических связей, поможет ученикам усваивать правила и нормы поведения в природе. Последние, в свою очередь, не будут голословными утверждениями, а будут осознанными и осмысленными убеждениями каждого ученика.

Вопросами экологического воспитания и воспитания младших школьников занимаются многие педагоги современности. Они делают это по-разному. Это происходит от того, что вопрос экологического воспитания сложен и неоднозначен в толковании.

Литература

1. Буковская, Г. В. Игры, занятия по формированию экологической культуры младших школьников / Г. В. Буковская. – М. : Владос, 2002. – 192 с.
2. Минаева, В. М. Экологическое воспитание в начальных классах: Пособие для учителя / В. М. Минаева. – Мн. : Народная асвета, 1987. – 112 с.
3. Петросова, Р. А. Методика обучения естествознанию и экологическое воспитание в начальной школе: Учебное пособие для студентов средних педагогических заведений / Р. А. Петросова, В. П. Голов. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 176 с.

Г. А. Корнишина

Мордовский государственный университет, Россия, г. Саранск

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ В МИФОРИТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ

В настоящее время, когда обострились проблемы, связанные с экологией человека и охраной окружающей среды, весьма актуальным представляется изучение адаптивной значимости традиционных систем природопользования этносов, которые проявлялись как в материальной, так и в духовной сферах.

Исходя из этого, наиболее адекватным в этнографическом познании традиционного опыта использования природных ресурсов является его оценка с точки зрения носителя культурной традиции (имманентный подход), исследуемой во взаимосвязи объективированных и когнитивных форм культуры. К первым можно отнести изучение этно-экологических особенностей освоения социо-природной среды (формы производства, хозяйственной, промысловой и иной деятельности, обусловленной природно-климатическими, ландшафтными и ресурсными особенностями территории). Исследование когнитивных форм традиционного природопользования можно обозначить как систему мировос-

приятия носителей культуры в конкретном пространстве социально-хозяйственного культурного комплекса.

Функции этих систем, в конечном счете, сводящиеся к поддержанию эколого-демографического равновесия между ресурсами территории и воспроизводством на ней жизни и жизнедеятельности, актуализируются через идентификационные характеристики, т. е. осознание единства этноса (или его отдельных групп) как социально-территориальной общности. Кроме того, с процессом самоидентификации связано формирование относительно стабильных стереотипов поведения (хозяйственных, социальных, этнических, конфессиональных), что, в конечном счете, обуславливает и формирование механизмов приспособления этносов или их отдельных групп к определенным природным условиям. Процесс выявления этих механизмов и их влияния на окружающую среду, можно рассматривать в различных аспектах, в том числе и с точки зрения «духовной» адаптации этноса к окружающей среде.

В этом отношении большой интерес представляет религиозно-мифологическая культура мордвы, в которой нашли отражение традиции природопользования и мировоззренческие установки по отношению к окружающему миру. На основе почитания законов природы в лице богов вырабатывались общепринятые поведенческие стереотипы, включавшие в себя морально-этическую культуру, ряд требований и запретов, основанных на гуманистическом принципе отношения к окружающей среде.

Анализ мифоритуальной культуры показывает, что в ней нашли отражение, прежде всего, те элементы, без которых жизнь человека невозможна. Как необходимы для людей вода, огонь, пища, так они не могут обойтись и без растительности. Многие растения используются в пищу, для корма скоту, в лечебных целях, из них изготавливают одежду, утварь, орудия труда, строят жилища. Растения доставляют человеку и эстетическое наслаждение.

Концентрированным образом растительности является лес. Мордва издревле жила в лесном Поволжье. До настоящего времени в Мордовии лесами занято почти 30 % ее площади. В основном лесные массивы сохраняются в долинах Вада, Сатиса, Сивини, Мокши, Суры и Алатыря.

Лес в жизни мордвы всегда играл большую роль. Он являлся средой обитания: кормил и поил людей, обувал, одевал, давал защиту и жилье, здоровье и физическое развитие. Среди мордовского населения вплоть до середины прошлого века были весьма распространены лесные промыслы по производству поташа, выгонке дегтя и смолы, а также выделке различных деревянных изделий. В качестве самостоятельного промысла выступали также заготовка коры, луба, лыка и мочала. Древесина повсеместно использовалась и как топливо.

Кроме того, в лесу охотились на зверей с целью добычи мяса и пушнины. Он давал людям ягоды, грибы, лекарственные растения. Мордовские леса благоприятны для развития пчеловодства, которое было одним из древнейших промыслов народа. Леса также служат своеобразными охранителями окружающей среды. Они смягчают континентальность климата, способствуют накоплению и сохранению грунтовых вод, которые в свою очередь питают водные

источники.

Наряду с этим лес внушал людям и суеверный страх – в нем можно было заблудиться, зимой замерзнуть, встретиться с опасным зверем. Такое двойственное отношение к лесу повлияло на образ его покровительницы Вирь авы, которая могла помочь человеку, но могла и погубить его. Поэтому, стараясь задобрить лесное божество, люди жертвовали ей животных, хлеб, лепешки и молили лесную богиню: «... будь к нам милостива, когда мы в лесу! Защити нас от волков, медведей, змей и от всех несчастий...». Охотники клали для нее в дупло дерева деньги и просили себе удачи на охоте: «Хозяйка леса, я пришел сюда, чтобы охотиться на медведей, волков, лис и зайцев. Будь ко мне милостива, защити меня от хищных зверей» [9, с. 175]. В прошлом довольно значительное место в пищевом рационе мордвы занимали ягоды, грибы, орехи, плоды дикорастущих деревьев (яблоки, рябина, калина и т. д.). Полагали, что их плодovitость обеспечивает Вирь ава. Поэтому перед Новым годом ее молили об урожае различных плодов и ягод. Устраивались моления Вирь аве и перед началом их сбора. Считалось, что покровительница леса неохотно расстается с ними, поэтому у нее просили разрешения войти в лес и показать ягодные или грибные места:

Не дай потерять направление,
Не отнимай сообразительность.
С пустыми руками меня впусти,
С полными выпусти [7, с. 169].

Но Вирь ава могла и рассердиться на людей, если они преступали некие общие законы сосуществования человека и леса. В этом случае она могла нарушителя запутать в лесной чаще, защекотать до смерти. Поэтому при ночевке в лесу три раза обходили место ночлега с горящей березовой корой. Считалось, что покровительница леса могла похищать детей, собирающих грибы и ягоды, а также насылать на них болезнь. Чтобы предотвратить это, матери детей, а также бездетные женщины приносили ей в жертву яйца, блины, хлеб. О выздоровлении Вирь авумолили и люди, которые заболели, находясь в лесу (простужались, получали травму при заготовке дров, ослабевали во время блуждания по лесу). Больной со знахаркой шли в полночь на опушку леса, ставили на землю принесенную с собой еду, затем занемогший человек вставал на колени, скоблил монету и говорил: «Вирь азэр ава! Для тебя я приготовил и принес хлеб, соль, мясо. Может быть, когда я был в лесу, я совершил или подумал о тебе плохое, сжался надо мной, дай мне здоровья!» [9, с. 178].

Таким образом, в мировоззрении народа нашли отражение представления о нравственном идеале, добром и разумном отношении человека к окружающему его миру, в данном случае к лесным богатствам.

В мифологии мордвы прослеживается и почитание деревьев. Во многих заклинаниях и молитвах упоминались покровители деревьев Чувтонь авай Чувтонь паз. К ним обращались знахарки при исцелении больных: «Чувтонь ава, Чувтонь паз! Вы помощь и исцеление, вы стоите в лесу на своих ногах, по вашим вершинам прошло горе, зимние буря и стужа, и летний дождь. Этот дождь

омыл вас, также вы смойте эту болезнь...!» [6, с. 221]. В письменных источниках есть сведения и о духах отдельных деревьев: дуба – Тумо паз, березы – Келу паз, липы – Пекше паз и т. п. Скорее всего, подобные представления возникли на основе первичного обожествления самих деревьев, которые у многих народов служили символами плодородия, здоровья и богатства.

Деревья являлись культовыми центрами на местах молений мордвы. На них в основные моменты культового действия восседали руководители молений. К. Милькович описывая моление о дожде, которое проводилось около дуба, сообщает что старик, исполнявший во время него обязанности жреца и сидевший на дубе, брызгал на молящихся медовым напитком. А во время другого моления – об урожае он бросал с дерева лепешки [5, с. 827]. Это показывает, что руководители молений, вероятнее всего, изображали божеств, которые в мифологических произведениях восседают именно на дереве. От имени богов они воспринимали молитвы, отвечали на них осязаемыми действиями (словами обещаний, разбрасыванием даров).

Под деревьями совершались и жертвоприношения божествам. Так, саратовская мордва во время моления покровительнице пчел, которое устраивалось перед началом качания меда, приносила ей в жертву белого гуся под липой, росшей на пчельнике.

То есть священные деревья были как бы связующим звеном между миром людей и миром небесных и подземных божеств. Свидетельством подобного положения вещей служат и способы «доставки» жертвоприношений. Их подвешивали в лукошке на ветви деревьев, клали в дупло, под корни спускали кровь жертвенных животных, здесь же зарывались и кости жертв.

Повреждение священных деревьев считалось великим грехом. В одной из мокшанских песен рассказывается о том, как мужчина, отломивший три ветки от жертвенной липы, ослеп, ему парализовало руки и ноги, отняло разум.

В мифоритуальной культуре мордвы, помимо деревьев, широко использовалась также различная зелень: ветви, травы, цветы, которые часто фигурировали в обрядах весенне-летнего цикла. Например, во время проводов весны во многих селах проносили крест из цветов, одетый в женскую одежду, или большой букет, который прикрепляли к шесту [8, с. 136]. По окончании шествия их кидали в воду. Бросали туда и зелень, цветы, специально собранные молодежь в лесу.

Организующим центром многих зрелищных действий весенне-летних обрядов были чучела людей и животных, сделанные из ветвей и трав. Часто это были женские фигуры: Цветочная и Конопляная молодухи, Крапивная сношенька, «Потишкат». На них надевались женские головные уборы, отдельные элементы костюма. Участники праздничного шествия в Ельниковском районе Республики Мордовия стремились обязательно прикоснуться к чучелам, изготовленным из крапивы. Возможно, таким способом люди пытались обрести здоровье, заключенное в лечебных свойствах жгучего растения.

Во время летних праздников и гуляний (Троицы, Петрова дня) девушки также украшали себя зеленью, чаще всего венками. Самый большой венок де-

лали для той из них, которая изображала Весну. В конце Троицкой недели девушки бросали свои венки в реку. Если венок тонул, то считали, что его хозяйка заболит или умрет, если же он плыл по течению, то она вскоре выйдет замуж. Особое внимание уделялось венку Весны. Если он быстро шел ко дну, это предвещало несчастье всей общине. В селах Большое и Малое Пермиево Пензенской области до настоящего времени верят, что тот человек, который первым успевает схватить венок Весны или букет, заменяющий здесь березку, якобы добывает себе «удачу» на весь год [3, с. 128].

В зимний период живая зелень обычно заменялась распаренными березовыми ветвями из веника. Ими, перед Рождеством, молодые женщины украшали жертвенную свинью, которую опаливали также на березовых лучинах. На другое утро окровавленными прутьями будили детей со словами: «Да хранит тебя божество березы» [4, с. 94].

Хлестание ветками деревьев, травами проводилось для того, чтобы передать людям и животным живительные, плодоносящие силы растений. Этот обычай – хлестания так называемым прутом жизни – был широко распространен среди народов Европы. Подобный обычай бытовал и у мордвы. Мордовская молодежь на Вербное воскресенье хлестала спящих людей вербой, чтобы они были здоровыми. Жили богато и счастливо. Об этом пели сами исполнители обряда:

О, спите, спите!

Не бойтесь проснуться!

Вербой мы вас побьем,

До другого года здоровья дадим! [1, с. 366]

Вербой, оставленной с праздника Вербного воскресенья, хозяйки погоняли животных во время первого выгона скота на пастбище. При этом говорили: «Пусть бог их охраняет, когда, они пьют холодную воду, едят зеленую траву, даст им здоровья» [2, с. 28].

Таким образом, почитание растительности в мифоритуальной культуре мордвы способствовало выработке нравственной философии, согласно которой создавался органический образ единой жизни человека и природы. При этом живое наделялось самоценными символами и смыслом, а природосберегающие законы выражались опосредованно через систему моральных правил и запретов.

Литература

1. Евсевьев, М. Е. Историко-этнографические исследования / М. Е. Евсевьев // Избр. тр. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1966. – Т. 5. – 552 с.
2. Корнишина, Г. А. Сезонные обряды мордвы : учеб. пособие / Г. А. Корнишина. – Морд. гос. пед ин-т. – Саранск, 1999. – 50 с.
3. Корнишина, Г. А. Экологические воззрения мордвы (религиозно-обрядовый аспект) / Г. А. Корнишина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 156 с.
4. Мельников, П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников (Андрей Печерский). – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1981. – 136 с.
5. Милькович, К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия / К. Милькович //

Тамб. епарх. ведомости. – 1905. – № 18. – С. 818–832.

6. Смирнов, И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань, 1895. – 291 с.

7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. – Саранск : Морд.кн. изд-во, 1981. – Т. 7, ч. 3. – 304 с.

8. Шахматов, А. А. Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. – СПб., 1910. – 848 с.

9. Harva, U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. – Helsinki, 1952. – 456 S.

Г. А. Корнишина, Т. В. Лысякова

Мордовский государственный университет, Россия, г. Саранск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА ПО СОЗДАНИЮ И РАЗВИТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Имя Макара Евсевьевича Евсевьева – первого мордовского ученого-энциклопедиста – известно не только среди финно-угроведов России, но и за рубежом. Этот талантливый языковед, историк, этнограф внес огромный вклад в развитие мордовской национальной культуры, создал мордовскую письменность.

М. Е. Евсевьев является выдающимся ученым и просветителем эрзи и мокши. С его именем связан новый этап в развитии науки об истории и культуре мордвы, мордовской письменности, широкого распространения сети национальных мордовских школ. Имя ученого присвоено Мордовскому государственному педагогическому институту, что также подчеркивает важность его исследований для нашей республики и его огромный вклад в ее развитие.

М. Е. Евсевьев не оставался в стороне от движения за развитие народного просвещения. В Казанской семинарии он приобрел научные знания и впитал в себя прогрессивные идеи в области народного образования. Но не только семинария способствовала развитию прогрессивного мировоззрения ученого. С детства привыкший ценить труд, М. Е. Евсевьев еще на студенческой скамье проникся глубоким уважением к науке, и уже тогда зародилось у него стремление заняться научными исследованиями и посвятить свою жизнь служению народу.

М. Е. Евсевьева по праву можно считать учителем учителей всех народов Поволжья. С подготовкой национальных кадров преподавателей М. Е. Евсевьев связывал в первую очередь расцвет культуры и просвещения народов этого региона и отдавал этому много сил. Он проявлял большую заботу о совершенствовании программ и методик преподавания, умело связывал обучение с практическими задачами, привлекал учащихся к исследованиям в области языка, народного быта, этнографии, к изучению устно-поэтического наследия народов Поволжья.

В целом его деятельность была направлена к одной цели – к просвещению мордовского народа. Мы вправе назвать М. Е. Евсевьева первым учителем

первых мордовских учителей. Он никогда не забывал народа, выходцем из которого он являлся. Во время научных командировок он набирал талантливых представителей мордовской молодежи для учебы в Казанской семинарии.

В период их учебы в семинарии М. Е. Евсевьев стремился развивать национальное самосознание будущих мордовских учителей, раскрывая перед ними неведомый и увлекательный мир истории и культуры родного народа. В сохранившихся характеристиках, написанных М. Е. Евсевьевым на своих питомцев перед выпуском из семинарии, сквозит и глубокое знание их жизни, психологических особенностей, потенциальных возможностей. В Захаре Дорофееве отмечает литературное дарование, в Леонтии Кирюкове – увлечение музыкой, у Федора Советкина отмечает познания в области истории и родного и русского языка. Жизнь подтвердила предвидение мудрого наставника, они стали зачинателями национального просвещения, культуры, искусства, журналистики.

М. Е. Евсевьев проявлял также большую заботу и о женском образовании. В 1904 году он официально и смело заявлял о необходимости открывать школы не только для мальчиков, но и для девочек.

Им были предприняты серьезные и смелые шаги по организации мордовских учительских школ. В сентябре 1906 года им был подготовлен проект открытия в мордовском селе Каменке Белебеевского уезда Уфимской губернии мордовской учительской школы, наподобие крещено-татарской, существовавшей в г. Казани. Весной 1907 года здесь начали строить большое деревянное здание, его строительство шло быстрыми темпами. В выстроенном здании школы было разрешено открыть только 2-классное училище Министерства народного просвещения.

М. Е. Евсевьев особое внимание уделял воспитанию в детях высоких моральных качеств на основе труда. С 1906 по 1912 год он был заведующим учебными мастерскими семинарии. Под его руководством изучалось столярное, слесарное и кузнечное дело.

Большое место в жизни Макара Евсевьевича в послереволюционные годы занимала общественно-педагогическая деятельность, которой он отдавался с молодым задором. Много ездил по стране, встречался с учительством, участвовал в конференциях и совещаниях. По его инициативе были открыты первые мордовские учительские-семинарии в селе Мачкасы и Малый Толкай (ныне Самарской области).

М. Е. Евсевьев уделял большое внимание курсовой подготовке и переподготовке мордовских учителей. Под его руководством были открыты курсы не только в Москве, но и в Казани, Нижнем Новгороде, Симбирске, Самаре, Саранске, Саратове. В центре стояли вопросы преподавания: мордовского языка и литературы, работы по новым учебникам. М. Е. Евсевьев не только выступал сам, но и привлекал опытных специалистов, работников культуры. На Центральных курсах выступали видные деятели Наркомпроса – Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Г. К. Ульянов. В гости к своим землякам приходил замечательный скульптор Степан Эрзя, с творчеством которого М. Е. Евсевьев по-

знакомился еще до революции и которым очень гордился.

По собственному опыту М. Е. Евсевьев хорошо знал, что в развитии образования ключевая роль принадлежит учительским кадрам. Так, с открытием земской школы в Волгапине он с гордостью писал: «Учителем в школу назначен коренной мордвин того же уезда – П. А. Повереннов. Он еще при Н. И. Ильминском привезен был мною в Казань и определен в начальную мордовскую при семинарии школу, а затем и саму семинарию. Пройдя начальную школу по системе Ильминского, Повереннов, естественно, и в самой школе начал вести преподавание по этой системе, т. е. на родном языке» [1, с. 25].

Действительно, школа стала оказывать большое культурное влияние на население. При школе был образован прекрасный хор из учеников и взрослых людей. Скоро молва об этом хоре распространилась далеко за пределами села Валгапино. М. Е. Евсевьев часто приезжал сюда и оказывал учителю Повереннову методическую помощь в деле улучшения преподавания на родном языке.

В 1893 году, посетив села Кочкурово, Напольную и Подлесную Тавлу, Старую и Новую Пырму, он также не без гордости замечает: «В Кочкурове одноклассное министерства народного просвещения училище. Учитель мордвин, кончил курс в учительской семинарии. Учеников, по его словам бывает до 50 человек. Мордовских книг не было и нет в училище» [2, с. 72].

Педагогическая деятельность Евсевьева развивалась под воздействием идей Я. А. Коменского, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, многонациональной культуры народов Поволжья. Он был воспитан в духе миссионерской педагогики Н. И. Ильминского, Н. А. Бобровникова. В то же время ему удалось разработать свое понимание взаимосвязи общечеловеческого и национального в просвещении мордвы и других народов Поволжья с учетом их исторических, этнокультурных и психологических особенностей. Как ученый-методист он выдвинул ряд новаторских дидактических идей, положенных в основу преподавания и учебной литературы 1920–1930-х годов.

Литература

1. Бибин, М. Т. Макара Евсевьевич Евсевьев – первый мордовский ученый, просветитель и педагог / М. Т. Бибин, Е. Г. Осовский. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. – 247 с.
2. Беззубов, В. И. Научно-педагогическая деятельность Макара Евсевьевича Евсевьева / В. И. Беззубов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во., 1960. – 260 с.

И. Т. Касимова

Таджикский государственный институт языков им. С. Улуг-заде,
Таджикистан, г. Душанбе

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема понимания сущности мировоззрения и путей его формирования

всегда являлась предметом особого интереса философов. В философской литературе даются различные определения мировоззрения.

Например, в «Философском словаре» отмечается, что мировоззрение - это «совокупность принципов, взглядов и убеждений, определяющих направление деятельности и отношение к действительности отдельного человека, социальной группы, класса или общества в целом» [7, с. 219]. Далее отмечается, что «научные знания, включаясь в систему мировоззрения, служат цели непосредственной практической ориентации человека или группы в окружающей социальной и природной реальности» [Там же].

Российские философы П. В. Алексеев и А. В. Панин дают следующее определение: мировоззрение – «есть общая картина мира, то есть более или менее сложная и систематизированная совокупность образов, представлений и понятий, в которой и через которую осознают мир в его целостности и единстве, а также положение в нем ... человечества» [1, с. 88]. А. А. Радугин определяет мировоззрение как «сложное, интегральное образование общественного и индивидуального сознания». По его мнению, существенное значение для характеристики мировоззрения имеет пропорциональное присутствие различных компонентов – знаний, убеждений, верований, настроений, стремлений, надежд, ценностей, норм, идеалов [6, с. 130].

Если в «Философском словаре» отмечается, что мировоззрение складывается из принципов, взглядов и убеждений, то П. В. Алексеев считает, что его составляющими являются образы, понятия и представления. А. А. Радугин подчеркивает, что компонентов, формирующих мировоззрение, множество. К ним он причисляет кроме знаний, убеждений, еще и верования, настроения, стремления, надежды, ценности, нормы и идеалы.

В «Кратком словаре по философии» определение мировоззрения дается в следующей интерпретации: «мировоззрение – это целостная система взглядов на мир (то есть на природу, общество и мышление), оказывающих существенное воздействие на деятельность человека». Далее отмечается, что научные, философские, социально-политические, моральные, эстетические и религиозные взгляды и идеалы, из которых складывается мировоззрение, и формируются у индивида в практической жизни, через освоение им накопленного человечеством опыта [5, с. 175].

Автор учебника «Философия» Е. Е. Ермакова считает, что «мировоззрение является результатом духовного освоения людьми реальности, причем это не «взгляд со стороны», а понимание глубинных взаимоотношений мироздания с его «разумной частью» – активно действующим человеком» [3, с. 6]. По ее мнению, мировоззрение – это вместе с тем и жизненные позиции, программы поведения, действий людей [Там же, с. 7]. Мы придерживаемся всех точек зрения, хотя нашему пониманию близко и доступно определение, данное в «Кратком словаре по философии» [5, с. 98].

Рассматривая исторические, философские предпосылки возникновения и развития таких понятий, как «картина мира» и «мировоззрение», практически все приходят к выводу, что эти два понятия тесно взаимосвязаны. Картина ми-

ра, отводящая человеку определенное место во Вселенной и этим помогающая ориентироваться в бытии, вырастает в рамках повседневной жизни и в ходе духовной деятельности человечества в мировоззрение. Картина мира органично переходит в мировоззренческие представления и непосредственно связана с ними, следовательно, понятие «картина мира» всегда мировоззренчески окрашено.

Одной из древнейших философских школ считается милетская (VII–V вв. до н. э.) – одна из первых зафиксированных философских школ. Ее основатель – Фалес, древнегреческий философ. В своей жизни и творчестве он соединял вопросы практики с теоретическими проблемами, касающимися вопросов мироздания. Все свои познания Фалес использовал для создания стройного философского учения. Так, он считал, что все существующее порождено водой, понимая при этом воду как влажное первовещество. Вода – это источник, из которого все постоянно происходит. По Фалесу, природа, как живая, так и неживая, обладает движущим началом, которое называется такими именами, как душа и Бог. В области науки Фалесу принадлежит заслуга в определении времени солнцестояний и равноденствий, в установлении продолжительности года в 365 дней, открытие факта движения Солнца по отношению к звездам [1, с. 340–341].

Анаксимандру – другому представителю милетской школы – приписывают авторство трактата «О природе», в котором рассматриваются вопросы космогонии, метеорологии и других натурфилософских областей знаний [2, с. 31]. Анаксимандр признавал в качестве источника рождения всех вещей не «воду», не какое-либо отдельно взятое вещество, а нечто беспредельное, которое бесконечно и неопределенно – апейрон. Это первовещество, апейрон, с давних пор и именуется «первоначалом». Как считал Анаксимандр, апейрон порождает противоположности теплого и холодного, сухого и влажного, а из этих противоположностей образуются вещи. Большое значение имели космологические и космогонические представления Анаксимандра: Земля неподвижна, животные и люди возникли из высохшего морского дна, приняв другую форму, когда перешли на сушу [Там же, с. 31–32].

В отличие от Фалеса и Анаксимандра, Анаксимен в качестве первовещества окружающего нас мира берет воздух. «Воздух» Анаксимена – не просто обычный воздух, это первовещество больше похоже на пар или дыхание. Здесь воззрения Анаксимена переплетаются с мифологическими представлениями о душе как некотором начале, которое пронизывает все живые тела. Космологические взгляды Анаксимена состоят в утверждении, что Земля плоская и подобно Солнцу и планетам парит в воздухе, Земля неподвижна, а Солнце и планеты движутся под воздействием космического ветра [Там же, с. 32–33].

Все три мыслителя сделали решительные шаги к демифологизации античного мировоззрения. Хотя за пределы мира событий и явлений милетцам не удалось выйти, но они делали такие попытки, причем в нужном направлении. Они искали нечто закономерное, но представляли себе его как событийное, фактуальное. Милетцы старались подняться от уровня фактуального к уровню

родового общего, хотя им это не вполне удавалось.

Пифагор тоже занят проблемой субстанций, но огонь, земля, вода в качестве таковых его уже не устраивает. Он приходит к выводу, что «все есть число». Пифагорейцы видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям. При оценке философской значимости воззрений Пифагора следует отдать должное его проницательности. С точки зрения философии, особое значение имело обращение к феномену чисел. Пифагорейцы объясняли события на основе чисел и их соотношений и тем самым превзошли милетцев, ибо почти достигли уровня законов науки [4, с. 48]. При всей значимости открытий пифагорейцев им все-таки не удалось найти ответа на вопрос «из чего все?». Подобно тому, как не все является водой или воздухом, не все является и числом.

Дальнейшее развитие философской мысли наиболее убедительно представлено в известном противостоянии учений Гераклита из Эфеса и Парменида и Зенона из Элей. Обе стороны согласны в том, что внешние чувства не способны сами по себе давать истинное знание, истина достигается размышлением. Но во многом их взгляды противоречивы. Гераклит считает, что миром правит логос. Представление о логосе можно расценить как наивное понимание закономерности. Конкретно он имел в виду, что все в мире состоит из противоположностей, противоборствующего, все происходит через распрю, борьбу. Вследствие этого все изменяется, течет.

Итак, Гераклита интересовало, прежде всего, изменение и движение, их истоки, причины, которые он усматривает в борьбе противоположностей. Элеаты в первую очередь обеспокоены тем, как понять, как интерпретировать то, что все считают изменением и движением.

Остановимся кратко на космологических взглядах Платона и Аристотеля. Космология Платона представляет собой следующее учение: Космос имеет шаровидную форму, он был сотворен и конечен. По мнению Платона, мир образует ряд кругов: круг неподвижных звезд, круг планет. А живые существа, как считал Платон, творит Бог [6, с. 272]. По мнению Аристотеля, в центре мира находится неподвижная Земля, она не совершает круговых движений, а стремится к центру мира. Тем самым он отвергает гелиоцентрическую идею, в то время только зарождавшуюся. Согласно Аристотелю, Земля, находясь в центре шарообразного мира, сама имеет шарообразную форму. Вокруг Земли в процессе вращения находятся сферы, на них закреплены планеты и небо со звездами [6, с. 40]. Космологическая схема Аристотеля впоследствии была доработана Птолемеем и принята всеми до открытия Николая Коперника.

Средневековая философия принадлежит в основном эпохе феодализма (V–XV вв.). Это весьма своеобразный способ философствования, во многом отличный от античного. Эпоха средневековья выдвинула плеяду таких выдающихся философов, как Августин, Ибн Сина, Роджер Бэкон, Фома Аквинский, Скот, Оккам и другие. Философия средних веков глубоко и последовательно продумала принцип абсолютной личности, когда везде и во всем видели примат не природы, не человека, а Бога. Такого рода философское мировоззрение

наиболее органично соответствует всему социальному и хозяйственно-политическому укладу средних веков, основывавшемуся на сельском хозяйстве.

Для более четкого представления о развитии представлений человека об окружающем мире, кратко остановимся на основных идеях средневековой философии.

1. Принцип абсолютной личности – наиболее фундаментальная идея философского значения.

2. Геоцентризм – принцип, согласно которому Бог является центром, фокусом средневековых философских и религиозных представлений; конкретизирует принцип абсолютной личности.

3. Монотеизм – Бог един, а не множествен. В отличие от античных богов христианский Бог един и уникален.

4. Креационизм – учение о сотворении мира Богом из ничего. Тем самым дается новый ответ на уже в античности поставленный вопрос о том, как из единого рождается множественное.

5. Символизм – понимание земного как инобытия, мира Бога.

6. Средневековый антропоцентризм: человек – не просто микрокосмос, а созданное Богом привилегированное существо, повелитель всего созданного для него.

Главной проблемой философии в этот период является не Космос, а человек. Человек обладает не двумя измерениями, а именно телом и душой, как считали гении античности, а тремя. К первым двум добавляется «дух» (духовность) – причастность божественному посредством веры.

Таким образом, средневековая философия является органическим продолжением античной философии. Философы средневековья, проделав гигантскую работу, создали объемный арсенал проблемных идей, причем достижения многих из них, по мнению специалистов, и в наши дни ещё не оценены по достоинству.

Литература

1. Алексеев, П. В. Философия. 3-е изд., перераб. и доп. / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : ТК Велби, Проспект, 2005. – 608 с.

2. Берулава, М. Н. Интеграция содержания общего и профессионального образования в профтехучилищах. Теоретико-методологический аспект / М. Н. Берулава. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. – 222 с.

3. Ермакова, Е. Е. Философия: учебник для технических вузов / Е. Е. Ермакова. – М. : Высшая школа, 2000. – 272 с.

4. Кадыров, Б. Межпредметные связи: инновация и творческое мышление учащихся / Б. Кадыров. – Душанбе, 2004.

5. Краткий словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Паптина. – 4-е изд. – М. : Политиздат, 1982. – 431 с.

6. Радугин, А. А. Философия: курс лекций / А. А. Радугин. – М. : Высшая школа, 1995. – 304 с.

7. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1980. – 444 с.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Наверно, ни одна философская проблема не имела столь большое социальное и политическое звучание в истории общества, как проблема свободы.

Свобода как философская проблема является важнейшей для одного из самых известных философских течений XX века – экзистенциализма. Отличие экзистенциализма от классического типа философии заключается в стремление вслушаться в подвижные умонастроения и ситуационно-исторические переживания человека современной эпохи. Экзистенциализм – философское выражение глубоких потрясений, постигших нашу цивилизацию в XX веке. У поколения западной интеллигенции, пережившего первую мировую войну, обманчивую стабилизацию 20–30-х годов, приход фашизма, гитлеровскую оккупацию, эта философия вызвала интерес прежде всего потому, что обратилась к проблеме критических, кризисных ситуаций, попыталась рассмотреть человека в претерпевании жестоких исторических испытаний [2].

Термин «экзистенция» (от позднелат. *existentia* – существование) как способ бытия человека, впервые употребляется датским религиозным философом Сереном Кьеркегором (1813–1855). Центральные вопросы экзистенциализма – существование человека, смысл его жизни и судьбы в мире – необычайно созвучны любому, задумывающемуся над своим бытием, человеку. Вот почему экзистенциализм столь популярен и поныне.

Основная тема экзистенциализма – это человек, его взаимоотношения с миром, человек в его самосознании. Суть экзистенциалистского подхода заключается в следующем: личность не зависит от окружающей среды, при этом разум, логическое мышление составляет лишь некоторую (не главную!) часть человека.

Экзистенциальная философия выражает общее чувство того времени: чувство упадка, бессмысленности и безысходности всего происходящего. К примеру, немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс (1883–1969) рассуждал о том, что человеческое существование раскрывается в «пограничных ситуациях» – в состояниях страдания, борьбы, жестокости и враждебности мира, в которых живет человек [2].

Как писал Мартин Хайдеггер (1889–1976), человек помимо своей воли заброшен в этот мир, в свою судьбу и живет в чужом для себя мире. Эта ситуация порождает множество вопросов: для чего живет человек? в чем смысл его жизни? каково место человека в мире? каков выбор им своего жизненного пути? Это действительно очень важные вопросы, которые не могут не волновать людей. Таким образом, согласно экзистенциализму, задача философии – заниматься вопросами сугубо индивидуально-человеческого бытия.

Свое понимание свободы раскрыл французский философ Жан-Поль Сартр (1905–1980) в работе «Бытие и ничто» – главном труде его философского наследия. Человек свободен сам созидать свою сущность, потому что, изначально дан себе только как существование. «Свобода – это как раз то ничто, которое содержится в сердце человека и которое вынуждает человеческую реальность делать себя, вместо того чтобы быть» [1]. Он не завершен подобно вещи, и сам делает из себя то, чем является: честного или подлеца, труса или героя.

В понимании Сартра «... действие есть выражение свободы...» [1]. «Действовать – это значит изменять облик мира, иметь в распоряжении средства для достижения цели, создавать организационный и инструментальный комплекс, с тем, чтобы посредством ряда соединений и связей изменение, вносимое в одно из звеньев, приводило к изменениям во всем ряду и в конечном итоге к намеченному результату».

Основа каждой личности – это некоторый поток переживаний, его мироощущения, переживания своего собственного бытия. Именно этот поток переживаний называется экзистенцией. Экзистенция не только не зависит от среды, она всегда уникальна и неповторима. Из этого вытекает вывод о том, что человек внутренне свободен, но эта свобода не благо, а тяжелое бремя, потому что она связана с бременем ответственности.

В своем внутреннем мире, полагает Сартр, мы не зависим ни от общества, ни от других людей, ни от моральных и религиозных установлений, ни даже от собственного прошлого. Человек «... осужден быть свободным. Это означает, что нельзя найти других границ свободе, чем она сама ... мы не свободны перестать быть свободными» [1]. Однако, философ далее пишет «... я не смог бы описать свободу, которая была бы общей для другого и для меня самого» [1].

Экзистенциалисты подчеркивают, что человек свободен совершенно независимо от реальных возможностей осуществления его целей. Свобода человека сохраняется в любой обстановке и выражается в возможности выбирать, делать выбор. Речь идет не о выборе возможностей для действия, а выражении своего отношения к данной ситуации.

Свобода не может быть безграничной. Ответственность – социальная граница свободы. В любой ситуации человек может сказать «нет». Свободный выбор – удел каждого человека, Человек выбирает не умом, а целостностью своего «я», и выбор его реализуется в поступке. Человек совершенно свободен выбирать, но за свой выбор он отвечает полностью.

«Ответственность как сознание быть неоспоримым автором события или объекта» [1]. В этом смысле ответственность является тягостной, поскольку она есть то, посредством чего существует мир. Какой бы ни была ситуация с ее коэффициентом враждебности человек должен принять на себя эту ситуацию с гордым сознанием того, что является ее автором, так как самые худшие неудобства, самые худшие опасности, которые могут угрожать его личности, имеют смысл только через его участие.

Хотя человек оставлен без помощи, включенный в мир, за который он несет полную ответственность, но не способный уйти от нее хотя бы на мгно-

вание, потому что ответственен за само его желание избежать ответственности.

Свобода в экзистенциализме – это прежде всего свобода сознания, свобода выбора духовно-нравственной позиции индивида.

По Сартру, в жизни нет случайностей, общественное событие, возникающее внезапно и вовлекающее человека, не приходит извне. Он подтверждает выражение Ж. Ромена: «На войне нет невинных жертв», следующим: «...если я мобилизован на войну, эта война является моей войной, она в моем образе, и я ее заслуживаю. Я заслуживаю ее с самого начала, потому что я мог бы всегда уклониться от нее. Если я не уклоняюсь от мобилизации на войну, значит, я это выбрал. Во всяком случае, речь идет о выборе. Этот выбор будет повторяться впоследствии постоянно до конца войны...» [1]. Следовательно, человек отвечает за свой выбор не перед обществом, не перед высшими силами, которых нет, а только перед самим собой. Он должен знать, что лично расплатится за всякий свой поступок.

Итак, в свободном выборе экзистенциализм показывает, что человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого. Экзистенциализм тем самым освобождает человека от всех надежд и иллюзий, что он может стать свободным благодаря чему-то вне себя самого. «То, что со мной случается, случается посредством меня, и я не могу на это ни воздействовать, ни взбунтоваться, ни отказаться от этого. Впрочем, все, что со мной случается, является моим» [1]. Поэтому экзистенциалистская философия – оптимистична, несмотря на пессимистическую окраску некоторых своих положений. Она оптимистична, так как учит, что становление человека происходит не тогда, когда он замыкается в себе, изолирован от других, а когда он преследует какую-либо цель вне себя.

Литература

1. Сартр, Жан-Поль. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. Перевод В. И. Колядко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/sartr03/index.htm>

2. Философия : учебник для вузов / под ред. В. В. Миронова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading-lib.org/bookreader.php/39113/Mironov_Filosofiya_Uchebnik_dlya_vuzov.html

Ю. П. Князькин

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Проблема межнациональных отношений, конфликтов между нациями-этносами и нациями-государствами давно является всеобщей проблемой глоба-

лизирующегося мира. Следует признать, что в последние десятилетия эта проблема оформилась в явление этнополитического и этноконфессионального экстремизма, что не может не беспокоить: экстремизм в любом из его проявлений является актуальным и опасным явлением, несущим серьёзные политические, экономические и культурные негативные последствия для всего мирового сообщества и для современной России в частности.

Авторами многочисленной справочной литературы экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) определяется как «...приверженность к крайним взглядам и мерам в общественном бытии и сознании, как способ радикального отрицания общественных норм», «... совокупность насильственных проявлений, совершаемых в политических целях отдельными лицами и специально организованными противоправными группами и сообществами». Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение экстремизма, представленное Н. Д. Ковалевым: «...совокупность организационно-политических структур, их радикальных политических установок (крайне правых, крайне левых, национал-экстремистских, сепаратистских) и соответствующей практической деятельности, которая характеризуется использованием насилия в различных формах или угрозами его применения на противоправной, антиконституционной основе для достижения политических целей» [1, с. 14].

Безусловно, положительным результатом демократического развития России стало утверждение многими народами своей идентичности, становление и институционализация этнических общин, национально-культурных организаций. Вместе с тем, этнополитические процессы зачастую развивались в националистическом направлении, а национальные движения принимали экстремистские формы национал-шовинизма и национал-сепаратизма, особо опасные для Российского государства, исторически сложившегося как многонациональное и многоконфессиональное.

Взаимоотношения населяющих Россию народов всегда выступали как значимый фактор ее внутренней и внешней политики. На разных этапах развития государства удавалось найти форму межнационального согласия, снимающего остроту противоречий, объективно существующих в любом многонациональном государстве – противоречий между стремлением сохранить национальную самобытность и движением к интеграции всего многонационального общества. Однако политические реформы переходного периода оказались столь сложными и противоречивыми, что породили и в ходе своей эволюции сопровождалась ростом националистических настроений и установок, политической и этнической нетерпимости, расширением поля социальной конфликтности, которая стала следствием глубокой дифференциации социальных и этнических групп, поляризации их интересов, маргинализации значительной части населения. В результате, значительное распространение в России получили различные разновидности экстремизма: политический, религиозный, терроризм как крайняя форма проявления экстремизма и экстремистские формы сепаратизма.

Следует подчеркнуть, что во всех своих проявлениях экстремизм представляет угрозу для национальной безопасности Российского государства, так

как провоцирует нестабильность в обществе, способствует ослаблению государственности, порождает локальные конфликты межэтнического характера, усиливает межконфессиональное противостояние. Это ведет к попранию прав и свобод граждан, подрывает общественную безопасность и государственную целостность России, создаёт реальную угрозу основам конституционного строя.

В таких условиях, когда отчетливо просматривается тенденция к расширению масштабов этнополитического экстремизма, разработка эффективных политико-правовых мер в противодействие ему становится приоритетной государственной и международной задачей. Путь цивилизованного решения этих насущных проблем лежит в области политико-правового регулирования и проведения комплексных профилактических мероприятий с использованием политических, юридических, идеологических, социально-экономических и административных методов. В первую очередь такая работа должна основываться на демократических нормах международного права и действующей законодательной базе Российской Федерации.

Правовая база, существующая в Российской Федерации и позволяющая противодействовать экстремизму, условно может быть подразделена на три составляющие: международные соглашения о правах человека в тех их частях, что касаются свободы совести и печати, публичных объединений; Конституция РФ, устанавливающая общие принципы реализации свободы совести, свободы слова и информации, а также публичных объединений; Уголовный кодекс РФ; совокупность федеральных законов, регулирующих практическую реализацию конституционных принципов в указанных выше областях; указы и распоряжения Президента РФ; постановления и распоряжения Правительства РФ, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты как федеральных органов государственной власти, так и органов власти субъектов федерации.

На наш взгляд, организация системы противодействия экстремизму предполагает не только правовую основу, но и проведение социально ориентированной политики, устраняющей негативные условия и предпосылки экстремистских проявлений и формирующей толерантное сознание и поведение, веротерпимость и миролюбие, а также навыки межкультурного взаимодействия.

Как известно, неотъемлемой частью общей культуры личности в любом современном мегаполисе является культура толерантности (от лат. *tolerantia* – терпение). В соответствии с декларацией принципов толерантности, которая была принята ЮНЕСКО в 1995 году, толерантность рассматривается как ценность и социальная норма гражданского общества и проявляется в праве всех индивидов быть различными, а также в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, в уважении к разнообразию различных мировых культур, готовности к сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

Особую значимость в формировании толерантного сознания и профилактике экстремизма приобретают образовательные учреждения, в частности, ву-

зы, практическая деятельность которых в указанном аспекте осуществляется, как правило, в двух направлениях: 1) диагностика степени агрессивности студентов; 2) разработка и внедрение в социальную практику эффективных, действенных программ, ориентированных на снижение уровня агрессивности и экстремизма в студенческой среде.

По нашему глубокому убеждению, в общественном укладе, претендующем на статус цивилизованного, не должно быть не только национального противостояния, но и самых незначительных конфликтов такого характера. Поэтому, на наш взгляд, чтобы общество достигло необходимой степени осознанности, а тем более, чтобы это естественное состояние закрепилось, нужна целенаправленная образовательная политика, не прекращающаяся даже в относительно длительные периоды бесконфликтного сосуществования представителей разных этносов. Без сомнения, ценить и даже любить другой народ может лишь тот, кто с истинным уважением относится к культуре собственного народа и его самобытным традициям. Поэтому первый шаг к формированию культуры толерантности – это знание истории народа, родного края, языка, обычаев предков, что возвышает человека, делает его сильнее умом, тверже характером, дает нравственную опору. Сохранение этнокультурной самобытности через образование – это сохранение нравственного ядра, традиций, духовности, родного языка, национальной этики и эстетики – всего того, что составляет менталитет нации.

Развитие идей патриотизма, интернационализма, закрепление в общественном сознании принципов толерантности в рамках патриотического воспитания молодёжи, в частности студентов, является одним из основополагающих направлений предупреждения социально-политических конфликтов в обществе, что, в свою очередь, способствует снижению социальной напряжённости, консолидации общества на основе общих национальных приоритетов и идеалов, стабилизации политического, экономического и социального развития.

Литература

1. Ковалев, Н. Д. Анализ основных тенденций политического экстремизма в России / Н. Д. Ковалев // Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним. – М., 1998. – С. 14–20.

Н. М. Ковтун

Житомирский государственный университет
имени Ивана Франко, Украина, г. Житомир

ВОЛЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К. ЯСПЕРСА

Радикальные изменения в обществе в начале XXI века невозможны без формирования высокого уровня социальной активности индивида и общества в

целом. В контексте этого существенную роль играет изучение воли как основы социальной активности индивида и социальных групп в интерпретации одного из известных представителей философии экзистенциализма Карла Ясперса. Именно воля в качестве творческого импульса есть не только основа осознания потребностей, но и исходное положение постоянного выбора личности. На основании осознания потребностей и нацеленности на выбор направления деятельности в индивидуальном и общественном сознании формируется целостный образ цели практического превращения сферы природы и сферы культуры.

В современной философской парадигме сформировалось разное понимание феномена воли как фактора социальной активности. Так, в издании «История философии» под редакцией А. Грицанова воля рассматривается как «основа саморегуляции субъектом своего поведения и деятельности, обеспечивающую векторную ориентацию имманентных состояний сознания на объективированную экстериторную цель и концентрацию усилий на ее достижение» [1, с. 194]. Именно в акте воли субъект легитимирует и санкционирует в качестве цели субъективное желание, которое конституируется в этом процессе как объективно устремленная цель деятельности.

В целом в философской парадигме интерпретация феномена воли раскрывается в двух основных направлениях. Согласно первому направлению, воля рассматривается как объективная константа, которая имеет психологический, социальный либо трансцендентальный характер. Второе направление представлено философией волюнтаризма, которая рассматривает волю как феномен имманентно характерный для человека.

В свою очередь, социальная активность рассматривается нами как системное социальное качество, которое отображает не только активную позицию человека в обществе, но и уровень взаимодействия индивидов, малых и больших социальных групп как субъектов социальных отношений. Существенной характеристикой социальной активности является нацеленность личности на изменение, трансформацию или сохранение социальной действительности.

Воля играет важную роль в процессе формирования системы ценностей индивида и общества в целом. Диапазон социальной активности в контексте формирования ценностных ориентаций движется от понимания «я должен» до осознания «я хочу». Именно волевые акты есть основа системы ценностных ориентаций. Наряду с этим, социальная активность основывается не только на конкретных социокультурных условиях, но и на системе воспитания, которая поддерживает ретрансляцию социокультурного опыта.

Следует отметить, что селекция, закрепление, ретрансляция социокультурных феноменов невозможны без актуализации волевых актов. Как отмечает К. Ясперс, единственной движущей силой социальной действительности есть воля государства, которая помогает человеку осуществить свою судьбу. Волю государства нельзя реализовать в бытии отдельного индивида, а только вследствие изменения поколений [5, с. 338]. Но государственная воля может и игнорировать общественную действительность из-за невыполнимых интересов.

Будущее человека полностью зависит от воспитания отдельного индиви-

да. В то же время и реализация государственной воли тесно связана с функцией государства как института насилия. Государство как исторически обусловленная субстанциональная власть, согласно К. Ясперсу, может или потонуть в насилии, и тогда она, подобна природе, которая может уничтожить и оставить в бессильном безразличии, или проявится в духовно осознанной воле [5, с. 340].

Духовное осознание общественной воли возможно только на индивидуальном уровне. Поскольку каждый народ как духовное целое, по мнению П. Новгородцева, имеет не только свою историю, свою культуру, свое призвание, но и живую силу, которая консолидирует его отдельных членов, которая с отдельных атомов, из этого человеческого праха делает живой организм и вдыхает в него живую душу [2, с. 243]. Именно воление творческого меньшинства как субъекта социальной активности помогает консолидировать моральные, религиозные, государственные, национальные ценности в качестве не обязательных догматов, а в качестве объективных начал индивидуального и общественного сознания.

Отметим, что в общественном волении достаточно сложно выделить индивидуальное воление. Тем более, что воление выявляется в противостоянии разных социальных тенденций. В тоже время, когда один индивид пребывает на вершине деятельности, другие субъекты социальной активности стараются нивелировать его активность. Таким образом, волевые качества как основа социальной активности сформировались в условиях внешней и внутренней угрозы, которая требовала даже в ситуации крайнего истощения принятия стремительных рациональных решений.

Социальная активность индивида и общества имеет разный уровень интенсивности. Обычно человек пребывает в состоянии социальной апатии. Отсутствие социальной активности, нежелание принимать решение стало формой существования человека в современном мире. «Между волей, ищущей решение о своем бытии, и волей, отказывающейся от борьбы и стремящейся лишь продолжать утвердившееся существование как таковое, идет тайная борьба» [5, с. 391]. Большинство людей относится к другому типу воления, поскольку они уверены, что именно социальная пассивность отвечает их интересам.

Выделяют две основные причины социальной апатии человека. В одном случае, по мнению К. Ясперса, человек не принимает активного участия в общественной деятельности, но имеет выгоду от случайных обстоятельств собственного существования [5, с. 341]. Хотя человек постоянно сталкивается с волевыми усилиями отдельных индивидов, государства или общества в целом, часто считая их несправедливыми, он старается не проявлять свою социальную активность. Для такого человека свойственно ослабленное чувство социальной ответственности.

В другом случае «люди слепо бросаются в политическое воление. Они недовольны своим существованием и обвиняют обстоятельства, в которых ищут единственную причину, вместо того, чтобы искать ее в себе самих» [5, с. 342]. Несмотря на то, что эти люди не владеют полнотой картины социальной действительности, они целеустремленно действуют, доходя иногда

до крайней формы фанатизма.

Волевая социальная активность возможна, если человек осознает социальную действительность как открытое бесконечное пространство возможного. Тем более что человек время от времени перекладывает свою ответственность на божественную волю или волю государства. В современном мире, особенно в демократических государствах, человек должен брать ответственность и за себя, и за развитие общества в целом. В тоталитарных обществах человек подчиняет свою волю, довольствуясь доступными лозунгами и отдавая власть в руки абсолютного государства.

Бездеятельное, лишённое цели, существование в некоторых случаях провоцирует деструктивную социальную активность. Человек ищет драматизм в жизни и в переживаниях, «и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам совершает для себя драму разрушения» [4, с. 23]. Именно этим объясняется непонятная поддержка широкими массами населения поиска «врагов народа», преследования инакомыслящих, насильственных переворотов и начала захватнических войн.

В контексте этого значительный интерес имеет проблема существования «темной и слепой воли» к деструктивности. Эта проблема поднимается в работах З. Фрейда, Э. Фромма, К. Ясперса. В философии З. Фрейда социальная активность человека выводится из бессознательных иррациональных факторов – инстинктов (либидо и инстинкта самосохранения) [3]. В психоанализе человек понимается как биологическое существо, атрибутом которого является внутренняя потребность в агрессии. Культура в таком понимании рассматривается как фактор блокирования инстинктивно обусловленной агрессивности человека. Практически все социокультурные феномены, от морали до существования общества в целом, последователи психоанализа выводят из инстинктов.

В свою очередь Э. Фромм доказывает, что основой человеческой социальной деструктивности являются не внутренние имманентные человеку воления, а изменения в социокультурной среде [4, с. 254]. На протяжении тысячелетий, изменив условия природного существования в направлении возрастания количества населения, урбанизации, технизации а в конечном итоге формирования современного глобализированного общества, человек становится все более агрессивным.

Как отмечает К. Ясперс, даже если все экономические проблемы будут разрешены, остается неразрешенной проблема, есть ли в человеке нечто подобное темной и слепой воле к войне – желание выхода из повседневности, из стабильности обстоятельств, нечто подобное воле к уничтожению и жертвенности, туманный энтузиазм, направленный на создание нового мира, или далекая от действительности рыцарская жажда борьбы [5, с. 345]. На основании этого мыслитель делает небеспочвенное допущение, что в глубинах духа есть что-то, что время от времени просыпается, когда чувственные впечатления реальной борьбы забыты.

Выход за рубежи обыденности дает человеку, если не шанс на выход из конституированного социального существования, то хотя бы переживание на

эмоциональном уровне возможностей кардинальных изменений своей жизни. Следует отметить, что в современном обществе деятельность героических личностей практически невозможна. Раскрытие их воли наталкивается на сопротивление общества, ведь они несут угрозу стабильному функционированию системы. «Только потребность души массы в восхищении создает своих героев, когда она направлена на виртуозность, способность рисковать жизнью и политическое представительство; на мгновение оно помещает индивида в центр своего внимания, однако вскоре совершенно забывает, когда свет рампы падает уже на другого» [5, с. 395]. Героизм несостоятелен в современном обществе.

Героизм современного человека проявляется не в том, чтобы реализовать свой талант или гениальность. В постиндустриальном обществе, в условиях ускорения темпа жизни, перенасыщения информационного пространства, важнейшей задачей человека является желание остаться самим собой. Именно «напрягать волю в бессилии перед ходом вещей, воздействовать на них – в этом мужество самобытия действующего в политике человека» [5, с. 339]. Собственно, в этом проявляется воление человека действовать согласно тысячелетней традиции или вопреки ей.

Человек существует в мире, прорываясь сквозь сопротивление материальных и идеальных сущностей, только на основании социальной активности и волевой нацеленности на изменение мира. В социальной системе волевая социальная активность характерна не для всех людей. Единицы способны длительное время пребывать в состоянии напряжения и нацеленности на участие в социальной деятельности.

Воля как единство субъективного и объективного вмещает в себя характеристики чего-то непостоянного и вместе с тем безусловного, тесно связанного с социальной активностью. Субъективная и объективная сторона воли составляют единое целое. Если подходить к воле с субъективной стороны, мы имеем только волевые переживания, остается воля без объекта нацеленности. Если рассматривать волю только как объективную характеристику, теряется самобытие существования человека.

В целом, социальная активность личности основывается на волевых актах, поддерживаемых противоборствующими тенденциями, поскольку в обществе всегда происходит противостояние между индивидами, индивидами и обществом, между отдельными социальными группами. Уровень социальной активности личности зависит от того, охвачена она внутренней волевой нацеленностью на изменение социальной действительности или пребывает в состоянии внутренней апатии. Наряду с этим, любое волевое усилие неизменно наталкивается на волевые усилия других субъектов социальной активности. В зависимости от уровня социальной активности любая социальная система пребывает в состоянии относительной уравновешенности или в состоянии дезинтеграции.

Литература

1. Можейко, М. Воля / М. Можейко // История философии: Энциклопедия. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 194–195.

2. Новгородцев, П. О путях и задачах русской интеллигенции / П. Новгородцев // Интеллигенция-Власть-Народ. Антология. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/novg_putzad.php.
3. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя СПб, 1999. – 181 с.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : ООО Издательство АСТ, 2004. – 635 , [5] с.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.

С. С. Котова

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ГРАНИЦА У Г. В.-Ф. ГЕГЕЛЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Современный динамично развивающийся мир требует от нас философского осмысления феномена границы. Концептуализация границ и граничности имеет долгую историю в философских трудах. Исследование исторического смысла границы с учетом фактора времени и места нашло отражение в работах Г. В.-Ф. Гегеля, Ф. Ницше, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, П. Флоренского, Н. Бердяева и др.

В гегелевской разработке концепта границы хорошо просматривается сформированность философских взглядов мыслителя на основе полемического освоения идей Канта. В «Науке логики» Гегель начинает с анализа границы как условия бытия любого нечто: благодаря ей определенное наличное бытие есть то, что оно есть, имеет в себе свое качество, то есть существует как позитивная себестождественная предметность или как конечное сущее [2, с. 108–109]. Подобное понимание бытия своими корнями уходит в традиции античной метафизики, согласно которой бытие сущего есть присутствие, наличие, тождество. Идея взаимосвязи качества и границы так же имеет давнюю историю. Она уже присутствует в аристотелевском учении о форме. Нечто и иное благодаря границе различаются своими качествами. «Она *середина между ними*, в которой они прекращаются. Они имеют свое *наличное бытие по ту сторону друг друга и их границы*; граница как небытие каждого из них есть иное обоих» [2, с. 189]. Гегель обращает особое внимание на *беспокойство*, неотделимое от границы. Беспокойство присуще всякому нечто. Будучи заключенным в границы, оно стремится выйти за нее. Нечто «выводится и гонится дальше себя» [2, с. 191].

Гегель обращается и к другой философской тенденции, которая также имела место уже в античности, но в связи с ориентацией греческой онтологии на присутствие не получила развития и была отодвинута на второй план философских поисков вплоть до полного забвения. Парменид, а вслед за ним Платон и Аристотель, помимо бытия, рассматривали и «небытие» – ничто, которое в их учениях сразу же оказалось подчинено бытию, понятому как присутствие. Этим выбором была предопределена история западной метафизики вплоть до немец-

кой классической философии включительно.

Гегель вскрывает в самом наличном бытии изначально ему присущее стремление к выходу за пределы своей определенности, или стремление не быть тем, что оно есть, определив границу как то, что отделяет наличное данное от иного и тем самым осуществляет его позитивность (бытие в качестве определенного нечего): «...если нечто определено как предел, мы тем самым уже вышли за этот предел. Ибо некоторая определенность, граница, определена как предел лишь в противоположность к его иному вообще как к его неограниченному; иное некоторого предела как раз и есть выход за этот предел» [2, с. 116]. То, что находится за границей любого определенного сущего, для Гегеля есть тотальность сущего, с которой соотнесено и к которой стремится всякое определенное сущее. Эта тотальность позитивна и, собственно, только она может считаться позитивной и подлинно сущей. Отграниченное от нее и посредством нее сущее подлинно есть лишь постольку, поскольку оно отрицает, снимает себя, то есть выходит за свою границу к своему иному и таким образом достигает тотальности как своей истины. Вне этого отрицательного движения определенное сущее представляет собой лишь гипостазированную абстракцию, то, чего, строго говоря, не существует. В тотальности любое ограничивающее определение условно, любое себестождественное сущее открыто иному и постоянно переходит в него.

Иными словами, налично данное сущее всегда предполагает выход за свои пределы к тому, что оно не есть как определенное в данных пределах. Нет никакого раз и навсегда определенного и устойчивого существования, но есть лишь становление иным, преодоление границ, то есть трансгрессия. Трансгрессия (греч. *trans* – сквозь, через; *gress* – движение) – термин неклассической философии, буквально означающий «выход за пределы» [3, с. 1048]. Для Гегеля трансгрессивное движение является синонимом процессов становления и развития. Данное утверждение позднее будет детально проработано в экзистенциализме, герменевтике, конструктивизме и постструктурализме. Тема выхода за предел, начатая в «Учении о бытии», развивается в «Учении о сущности»: противоположности проникают, перетекают друг в друга, «светятся» друг в друге.

С точки зрения синергетической терминологии граница может быть рассмотрена как точка бифуркации, в которой сущее выводится из состояния равновесия и становится открытым для кардинальных преобразований, для перехода на иной уровень самоорганизации. Гегель подошел к этой идее вплотную, однако сознательно отказался развить ее до конца, повернув движение отрицания назад к исходному пункту, сделав отрицание способом утверждения налично данного в его себестождественности путем соотнесения с тотальностью. Мотивы такого поворота могут быть раскрыты после анализа гегелевской попытки преодоления метафизики. Фундаментальная ошибка метафизики, по Гегелю, состоит в том, что она полагает конечное и бесконечное как два крайних термина, как противоположные друг другу и находящиеся за пределами друг друга различные области бытия, отделенные непреодолимой границей. Распад единого на части порождает границу, которая не только разъединяет противопостав-

ляемые области, но и выступает в качестве условия их трансгрессии. «Имеется взаимопреодоление конечного и бесконечного; конечное конечно лишь в соотношении с должествованием или с бесконечным, а бесконечное бесконечно лишь в соотношении с конечным. Они неотделимы друг от друга и в тоже время всецело иные в отношении друг друга» [2, с. 123].

Анализируя работы Г. В.-Ф. Гегеля, легко проследить, что он обращается к идее границы в качестве ключевой при интерпретации категории «развитие». По мнению автора, сущность развития заключается в том, что единое разбивается на противоположности, следовательно, главный источник развития – противоречие. Исходя из данной концепции, нельзя рассматривать границу только как внешнюю по отношению к человеческому бытию, так как она заключается в самом бытии. В представлении Г. В.-Ф. Гегеля о явлении «выхода за границу», мы легко можем проследить сходство с теорией границ Аристотеля. Аристотель был одним из первых, кто обратил внимание на понятие «граница». Граница трактовалась им как предел каждой вещи, который включает в себя сущность вещи и причинность движения. Согласно Аристотелю, граница есть возможность, поскольку она начало и конечная причина в одном [1].

Таким образом, идея причинности границы находит своё глубокое развитие у Г. В.-Ф. Гегеля, видящего в границе источник движения и развития. В последующих работах философско-логического направления эта идея выступает в контексте анализа проблемы активности субъекта. Понятие «граница» в философии Гегеля исследуется многомерно и глубоко: разъединяя, граница одновременно и объединяет, включает божественное и человеческое, духовное и материальное.

Литература

1. Брэдшоу, Д. Аристотель на Востоке и на Западе: Метафизика и разделение христианского мира / отв. ред. А. Р. Фокин / Ин-т философии РАН / Д. Брэдшоу.– М. : Языки славянских культур, 2012. – 384 с.
2. Гегель, Г. В.-Ф. Наука логики / Г. В.-Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 2005. – 800 с.
3. Новейший философский словарь / сост. и гл. н. ред. А. А. Грицанов ; 3-е изд., испр. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

Г. К. Курмангалиева

Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН Республики Казахстан, г. Алматы

ИСТОРИЯ НАУКИ: К ПРОБЛЕМЕ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА

Современная эпоха может почерпнуть из истории очень важный для диалога культур пример взаимодействия исламской и христианской культур в эпоху средневековья. Интеллектуальное движение, пробужденное в Европе ислам-

ским влиянием, показывает не только то, что исламское присутствие в западной культуре оказало воздействие на формирование самосознания европейской культуры и ее научно-философские традиции, но и то, что человечество обогащается в результате взаимодействия культур.

В результате исламского влияния в эпоху средневековья возникло межкультурное общение, приведшее к взаимообмену интеллектуальными достижениями не только в математике, медицине, философии, т. е. в сфере познания, но и в сфере торговли, промышленного развития и, в целом, самосознания европейской культуры. Б. Куглер в своей «Истории крестовых походов» подчеркивает следующие важные для нашего рассмотрения следствия, вытекающие из истории средних веков: «Юная Европа ревностно и с большим успехом училась во время учебных странствий на Восток, как можно было бы назвать крестовые походы. ... Священная война, начатая из ненависти к исламу, привела к самым живым торговым связям с мусульманами. Сокровища Азии открылись для европейцев и сообщили им самые сильные побуждения улучшить и умножить произведения их собственной почвы, направить силу их духа, ума и ловкость рук на оживление промышленности. Следствием этого было то, что народы Европы начали работать сильнее, стали чувствовать присущие им способности в стремлении к творчеству» [2, с. 507].

Процесс обновления был неразрывно связан с продуцированием нового знания на основе преемственной связи с исламской культурой. Эта межкультурная коммуникация, нашедшая свое воплощение в развитии научных и философских идей в Западной Европе, осуществилась во многом благодаря переводческой деятельности XII века. Проникновение арабской науки в западную культуру состоялось уже в IX веке. Одним из первых крупных ученых, познакомившихся с переводами трудов исламских мыслителей, был Герберт Орильякский, ставший впоследствии папой Сильвестром II. Немногочисленные и отрывочные свидетельства, показывающие, какие естественнонаучные, математические и медицинские труды исламского ученых, переведенные на латынь, имелись в монастырях Европы, свидетельствуют о двух путях проникновения их на Запад: через Испанию и через Италию, где процветала знаменитая медицинская школа в Салерно.

Переводческое движение в Испании, в частности в Толедо, завоеванном христианами в 1085 г., способствовало широкому ознакомлению западной Европы с наследием арабской мысли во многих отраслях знания – в математике, астрономии, медицине, метафизике и т. д. «Это город, – пишет Стефан Свежавски, – где реализовалось нечто необычайно редкое в истории человечества. Именно там в XII веке довольно долгое время, за сто лет до св. Фомы, в спокойствии и согласии – несмотря на то, что вокруг них бушевала борьба, – одновременно работали духовные учителя христиан, мусульман и иудеев. В этом событии мы имеем недостижимый образец практического экуменизма. Там появились великолепнейшие труды, переводы с арабского на еврейский, с еврейского на латинский. Тогда образовался идеал ученого человека, знающего три языка. <...> Эти три языка давали ключ ко всему действительному знанию того

времени. Увы, это творческое сотрудничество длилось недолго. Как всегда в делах человеческих, оружие, борьба и варварство уничтожили этот великолепный островок культуры, который, однако, до сегодняшнего дня остается образцом того, как должно выглядеть научно-религиозное сотрудничество» [4].

Гундисалин из Толедо перевел «Физику» и 10 книг «Метафизики» Аристотеля; «Метафизику» Ибн Сины; «Философию», «Логику» и «Физику» аль-Газали; «О науках» аль-Фараби и «Источник жизни» Ибн Гебиरोля. Толедская школа переводчиков осуществила перевод на латынь не менее 92 работ исламских мыслителей. Герард Кремонский перевел «Медицинский канон» Ибн Сины, «Альмагест» Птолемея и нескольких работ аль-Кинди. Он начал перевод арабской версии «Аналитики», «Физики», «О небе и мире», «О возникновении и уничтожении»; «Метеорологии» Аристотеля, «Об измерении круга» Архимеда, «Элементов» Евклида, работ Галена, Гиппократ; Исаака Иудея, по оптике аль-Газена, где впервые заявлена идея хрусталика глаза, преломляющего лучи, работ Аль-Фараби и другие [3, с. 129].

Главный итог проведенной переводческой работы заключался в том, что западноевропейские мыслители не просто получили огромную источниковедческую базу для своей творческой деятельности, но они получили ее в исламском видении, так как переводы сопровождались обширными арабскими комментариями. Христианские философы восприняли космологию восточных перипатетиков, излагавшую эманацию сфер и Интеллектов, начиная с Бога и до деятельного разума, от которой зависел подлунный мир и человек. В этом христианские мыслители обнаружили прочную основу для строения мира, уточнявшую их смутное до этого видение его.

Философия Ибн Сины получила «незамедлительное признание – до такой степени, что порой говорили о «латинском авиценнизме» конца XII века» [1, с. 288]. В это время стали появляться труды, в которых взгляды Ибн Сины самым разным образом соединялись со всеми известными на тот период разновидностями платонизма – Августина Блаженного, Дионисия Ареопагита, Боэция, Иоанна Скота Эриугены и др. Комплекс работ, центром которых стала поэтика Ибн Сины, показывает, что ее, считает Э. Жильсон, адекватнее будет называть «авиценнизированным августинизмом» [Там же, с. 289]. Так, например, французский исследователь XX века Гилсон обозначил тенденцию развития идей западной христианской философии в обновленном и законченном под влиянием арабской мысли виде именно таким термином. Однако, еще в 1934 г. Пир де Во опубликовал работу под названием «Латинский авиценнизм в XII–XIII вв.», где показал влияние исламских мыслителей на средневековую христианскую философию. Э. Жильсон возражает против обозначения сложного комплекса интеллектуального явления средневековой Европы понятием «латинский авиценнизм», так как, согласно его взглядам, ни один христианский философ XII века не следовал до конца учению Ибн Сины.

Ибн Сина сыграл основную роль в формировании двух интеллектуальных движений на средневековом Западе: во-первых, в превращении аристотелизма в опору религиозной мысли и, во-вторых, в возрождении, благодаря связям с гре-

ческим и персидским неоплатонизмом, учения Августина Блаженного. Наибольшее же влияние на средневековую западноевропейскую мысль оказали естественнонаучные труды Ибн Сины. Философия же привлекла внимание, прежде всего, своими неоплатоническими аспектами. «К XIII в. – отмечает У. М. Уотт, – в Западной Европе наметилось сильное интеллектуальное движение, способное ассимилировать арабские достижения в естествознании и философии и готовое двигаться вперед, к новым открытиям. Оставшиеся значительные арабские сочинения переводились теперь в той мере, в какой они интересовали европейцев» [5, с. 106].

В науке исламского средневековья выделяются общие положения, органично связанные с общефилософским мировоззрением и постулированные в науке. Они являются своеобразными аксиомами научного знания. К ним относятся положения о перводвигателе, непрерывности движения, о «пустоте» в средневековой физике и др. В различных дисциплинах научного знания исламского средневековья проявляются общефилософские категориальные понятия, способствующие конкретно-научному пониманию тех или иных процессов и явлений. Посредством таких категориальных определений как «форма», «материя», «актуальное бытие», «потенциальное бытие», «причина», «степень совершенства» и т. д. ученые пытались объяснить и разрешить конкретные естественнонаучные или медицинские проблемы.

В этом проявился тот факт, что практика научного исследования в средневековую эпоху во многом была связана с наблюдением и эмпирическим сбором фактологического материала, а также с экспериментом, но не повсеместно применяемым в качестве доказательной базы науки, а использовавшимся исламскими учеными в отдельных отраслях науки – в физике, химии, например. Но, с другой стороны, в этом же проявилась и высокая степень философско-методологической эрудиции ученых исламского мира, применивших определенную категориальную схему для объяснения мироздания, его структурных элементов.

Под влиянием развития философии и науки на средневековом исламском Востоке, в интеллектуальной европейской среде начался пересмотр старых версий работ Аристотеля, неоплатоников, Боэция, зарождалась новая логика, обусловленная проблематикой «Аналитик», «Топики» и «Софистических опровержений». Важным результатом этого подъема интеллектуальной мысли было то, что вторая половина XII в. была отмечена распространением греко-арабской науки и философии вне независимости от христианской традиции. Примером этого являются взгляды Амальрика Бенского и Давида Динанского, осужденные церковью.

Те возможности, которые открылись христианским мыслителям средневековья из положений, представленных исламскими философами и учеными и которые выразились во взглядах Альмарика Бентского и Давида Динантского, рано или поздно должны были столкнуться с положениями христианского вероучения. Это произошло в Парижском университете, в стенах которого все больше стали распространяться идеи великого Комментатора – Ибн Рушда.

Запреты, последовавшие на распространение, прежде всего естественно-научных трудов Аристотеля, а затем и на «Метафизику», обусловили пересмотр учения Стагирита в русле католической церкви. Такую идеологическую задачу выполнил Фома Аквинский, именно благодаря его теоретическим усилиям церковь приняла Аристотеля. Так как он был прежде известен в средневековой европейской культуре в основном благодаря его «Категориям» и «Об истолковании» в переводах Боэция, его наследие было представлено в далеко не полном виде и было отрывочным.

Труды исламских мыслителей значительно расширили горизонт знаний западноевропейским средневековьем Аристотеля, который благодаря арабским переводам и комментариям предстал во всем своем многообразии. Поскольку разнообразие позиций средневековой христианской философии складывалось в зависимости от того или иного теоретического отношения к позиции Аристотеля по тем или иным вопросам, а он был полноценно представлен в комментариях Ибн Рушда, которые стали известны раньше собственно его произведений, постольку Ибн Рушд сразу же был признан в качестве великого Комментатора – подлинного знатока аристотелевской философии.

В чем заключалось различие позиций Ибн Сины и Ибн Рушда, замеченное христианами мыслителями и разделившее их взгляды друг с другом? Ибн Сина развивает положение, имевшее место в философии аль-Фараби, в частности, в «Жемчужине премудрости», о различии между сущностью и существованием. Ибн Рушд же не соглашался с ним, настаивая в этом вопросе не столько на приоритете платоновской точки зрения, сколько на аристотелевской и его несогласии с Платоном, и утверждал, что всякая субстанция есть некое бытие. Всякое же бытие, полагал Ибн Рушд, есть субстанция или акциденция, участвующая в бытии субстанции. Поэтому нельзя утверждать, что существование отдельно от бытия, тем более утверждать, что оно – акциденция сущности, как это представлял себе Ибн Сина. Субстанция и есть индивидуальная вещь, но она есть также и сущность, которая определяет для каждой субстанции бытие тем, что она есть. Связанное с конкретной вещью бытие присуще именно ей. В этом противостоянии Ибн Сины и Ибн Рушда, как показывает дальнейшее развитие христианской научной и теолого-философской мысли, встретились и столкнулись платоническая и аристотелевская тенденции развития этой мысли.

История развития христианской философии классического периода – это разнообразие позиций по отношению к философии Аристотеля. Первая из них была представлена августинизмом францисканцев в лице Святого Бонавентуры, вторая – аристотелизмом доминиканцев в лице Фомы Аквинского, третья – школой аверроизма, прежде всего, Сигером Брабантским, и, наконец, Оксфордской школой, не избежавшей влияния в области естествознания, представленной Роджером Бэконом.

Если в Парижском университете противостояние факультета искусств и факультета теологии продемонстрировало высокий уровень притязаний разума в сфере, как бы мы сейчас сказали, гуманитарного знания, то Оксфордский университет продемонстрировал притязания разума в естественнонаучном по-

знании. Квадриум – арифметика, геометрия, музыка и астрономия – были в центре внимания оксфордских преподавателей и студентов. Начало средневековому натурализму было положено изысканиями Роберта Гроссетеста в области физики, прежде всего, в изучении света.

Учеником Роберта Гроссетеста был Роджер Бэкон, личность неординарная и глубокая. Именно творческий дух, который породила его философия, оказал влияние на последующее развитие философии. И этот дух открыл дорогу синтетическому знанию, где нашла свое место «экспериментальная наука», – определение, нашедшее своего автора в лице Роджера Бэкона. Руководствуясь желанием избавить человечество от заблуждений и открыть им божественную мудрость, Роджер Бэкон предлагает проект нового знания, основанного на достижениях математики и новой грамматики, нового физического знания, раскрывающего универсум вселенной, где земные явления трудно понять, не зная того, что происходит на небесах. Он уделил внимание опыту, как внешнему, так и внутреннему, и создал предпосылки для более серьезного и последовательного обращения к практике опыта, к экспериментальной науке.

Таким образом, своими многими темами, навеянными и связанными с проблематикой аристотелизма, пришедшей в средневековую христианскую философию через исламских философов, Роджер Бэкон, как и другие представители средневековой западноевропейской философии, оказал плодотворное влияние на средневековых исламских ученых, на развитие науки и философии. Не всегда и не во всем непосредственно испытывая это влияние, западноевропейская философия и наука, тем не менее, были оплодотворены ее духом, развивались в лоне дискуссионного пространства, рожденного встречей и сотворчеством двух культур.

Литература

1. Жильсон, Э. Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века / Э. Жильсон / общ. ред., послесл. и примеч. С. С. Неретиной. – М. : Республика, 2004. – 678 с.
2. Куглер, Б. История крестовых походов / Б. Куглер. – Ростов н/Д : «Феникс», 1995. – 512 с.
3. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери / Том 2. Средневековье. – СПб : ТОО ТК «Петрополис», 1994. – 368 с.
4. Свежавски Стефан. Святой Фома, прочитанный заново. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.agnuz.info/library/books/svejavsky_st_foma/
5. Уотт, У. М. Влияние ислама на средневековую Европу / У. М. Уотт. – СПб : ДИЛЯ, 2008. – 192 с. («Ислам: взгляд извне»).

Н. И. Лушенкова

НОУ ВПО «Мордовский гуманитарный институт», Россия, г. Саранск

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО СЕГМЕНТАМ БИЗНЕСА

Функционирование многоотраслевых компаний с широкой географией

рынков сбыта продукции обусловили необходимость раскрытия информации в разрезе отдельных сегментов бизнеса.

Понятие сегмент используется во многих экономических науках: менеджменте, маркетинге, финансовом учете и отчетности и других.

В менеджменте эта дефиниция используется в сфере диверсификации деятельности компаний. При этом изучается не сущность диверсификации, а возможность управления различными видами деятельности в рамках отдельной компании. Это обусловлено тем, что результативные показатели функционирования отдельных направлений бизнеса конкретной компании оказывают неодинаковое влияние на перспективы дальнейшего ее развития, характеризуются различными угрозами экономического и неэкономического характера. Вследствие этого существует необходимость изучения внутренних условий и внешней среды с целью определения влияния многообразных факторов на риски и потенциальные возможности экономического развития сегментов.

Маркетинг изучает сегмент как часть потребительского рынка с похожими потребностями и мотивациями покупателей для обоснования увеличения объемов продаж и определения маркетинговой политики в будущем.

В финансовом учете и отчетности понятие сегмент возникло с появлением внешней отчетности компании. Диверсификация деятельности, функционирование различных отраслей, расширение производства, ассортимента и реализации продукции на различных рынках долгое время не находили отражение в финансовой отчетности. Это не позволяло инвесторам, кредиторам, другим внешним пользователям финансовой отчетности оценить ожидаемую экономическую выгоду, риски и перспективы делового сотрудничества с конкретной компанией. Для решения этой задачи необходимы данные, раскрывающие финансовые результаты фирмы в разрезе отдельных направлений деятельности. Понятие «сегментарная отчетность» определилось постепенно, отталкиваясь от таких трактовок, как «отчетность многоотраслевых компаний», «отчетность о диверсифицированной деятельности компаний», «отчетность транснациональных корпораций».

В настоящее время в соответствии с требованиями международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) в составе годовой консолидированной отчетности российские компании формируют информацию по сегментам.

Гармонизация отечественных и международных правил учета и отчетности определила необходимость модернизации национального стандарта по сегментной информации. С 01.01.2011 г. действует новое Положение по бухгалтерскому учету «Информация по сегментам» (ПБУ 12/2010) [2]. Этот нормативный документ регламентирует порядок раскрытия информации, определяет критерии ее представления по сегментам, закрепляет управленческий подход к выделению сегментов, устанавливает порядок оценки показателей сегментов в соответствии с учетной политикой для целей управленческого учета и другие аспекты.

Утверждение ПБУ 12/2010 и принятие принципов МСФО (IFRS) 8 «Операционные сегменты» обусловило появление некоторых проблем в формирова-

нии информации по сегментам деятельности. Так, управленческий подход к раскрытию сегментной информации требует существенных преобразований в работе бухгалтерских служб. В частности, появляется необходимость совершенствования системы управленческого учета и механизмов ее взаимодействия с финансовым учетом, а также полной автоматизации учетного процесса. Кроме того, формирование показателей финансовой информации по сегментам бизнеса на основе управленческого подхода существенно снижает ее сопоставимость. Это связано с тем, что управленческий учет основан на профессиональном суждении и ответственности бухгалтеров. Поэтому пользователям сегментарной отчетности следует учитывать возможность ее некоторого непреднамеренного искажения [3].

Нововведения в формировании отчетности по сегментам бизнеса значительно увеличивают объем управленческой информации в составе пояснительной записки к бухгалтерской отчетности, расширяют ее аналитические возможности и создают информационную базу для экономического анализа функционирования сегментов. Для внешних пользователей анализ данных сегментарной отчетности служит основой для обоснования инвестиционных решений. Для внутренних пользователей данные сегментарной отчетности является базой для принятия управленческих решений о рациональном распределении ресурсов между сегментами, ценообразовании, развитии отдельных направлений бизнеса, реструктуризации и др.

Сегментарная отчетность позволяет оценить вклад конкретного вида деятельности в выполнение производственной программы компании и возможность целостного видения масштабов производства. С применением сегментов в бухгалтерском учете отдельные виды деятельности представляются как сектора или бизнес – единицы, характеризующиеся долей в общем обороте, участием в формировании финансового результата и влиянием на финансовое положение организации.

По данным внешней сегментарной отчетности можно оценить рациональность распределения ресурсов по хозяйственным или географическим сегментам. Анализ доходов и расходов, финансовых результатов, денежных потоков, рентабельности в разрезе существующих сегментов позволяет внешним пользователям оценить результативность оперативного и стратегического управления и на этой основе принять решение о сотрудничестве с данной фирмой. Так, приоритет развития профильного бизнеса является гарантией стабильности компании, характеризуют ее как надежного партнера и объекта для инвестирования в долгосрочном периоде. Нацеленность руководства в долгосрочном периоде на развитие профильного бизнеса подтверждают следующие индикаторы: увеличение удельного веса в консолидированных показателях производственных сегментов, снижение долей непрофильных сегментов и появление новых сегментов в структуре бизнеса, дополняющие недостающие составляющие в производственной цепи, диверсифицирующих производство или географию рынков сбыта продукции.

Следует отметить, что в настоящее время составление и анализ сегмен-

тарной отчетности являются проблемными, дискуссионными и недостаточно разработанными участками учетно-аналитической работы в России. Формирование сегментарной отчетности диктует необходимость проработки методических вопросов идентификации, состава показателей, формирования учетной политики, аккумулирования данных, выбора формата раскрытия информации сегментов и управленческого анализа деятельности сегментов.

Сбор информации для подготовки сегментарной отчетности в виде аналитических таблиц представляет собой трудоемкую процедуру. Более простым и оперативным способом является получение информации из единой базы данных. Однако реализация данного подхода требует объединения всех подразделений и направлений деятельности компании в единую информационную систему, в которой будут аккумулироваться данные бухгалтерского учета.

Методическая основа сегментарного анализа включает в себя информационную базу, последовательность проведения анализа, сущность основных показателей-индикаторов, порядок их расчета, совокупность используемых способов и приемов. Формирование сегментарной отчетности позволяет выделить два направления в методике ее анализа:

- анализ операционных сегментов,
- анализ географических сегментов.

В процессе анализа отчетности по сегментам должны быть последовательно решены следующие задачи:

- оценка количественных критериев признания отчетных операционных и географических сегментов;
- анализ динамики состава и структуры активов, доходов, расходов и финансовых результатов отдельных сегментов организации;
- анализ эффективности функционирования сегментов;
- сравнительный анализ сегментов, выявление рейтинга и приоритетности сегментов;
- анализ влияния сегментов на результативные показатели компании в целом;
- оценка рисков функционирования и прогнозирование результатов деятельности сегментов и компании в целом.

Знание роли сегментов в экономике компании, оценка ее влияния на формирование финансового результата, определение ключевых генераторов прибыли и основных направлений инвестиций создает предпосылки для определения перспективных направлений развития бизнеса с учетом рыночной ситуации.

Литература

1. Ключников, С. В. Сегментарная отчетность корпоративной группы: методика формирования и анализ особенностей / С. В. Ключников // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – № 36.
2. Положение по бухгалтерскому учету «Информация по сегментам» (ПБУ 12/2010): Приказ Минфина России от 08.11.2010 N 143н.

3. Чипуренко, Е. В. Концепция сегментного налогового учета и анализа для структурирования внутренней среды организации / Е. В. Чипуренко // Международный бухгалтерский учет. – 2011. – № 48.

Л. С. Медетова

АО «НЦПК «Орлеу» ИПКПР по ЮКО, Казахстан, г. Шымкент

ИССЛЕДОВАНИЕ ШКОЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Современное научное знание демонстрирует возрастающий интерес к проблеме тревожности личности.

Тревожность – распространённый психологический феномен нашего времени. Она является частым симптомом неврозов и функционального психоза, а также входит в синдромологию других заболеваний или является пусковым механизмом расстройства эмоциональной сферы личности. Как и любое комплексное психологическое образование, тревожность характеризуется сложным строением, включающим когнитивный, эмоциональный и операционный аспекты, при доминировании эмоционального. В целом, тревожность – это субъективное проявление неблагополучия личности, ее дезадаптации. Тревожность рассматривается как переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грядущей опасности. Особую обеспокоенность психологов в последние годы вызывает процесс формирования тревожных состояний в условиях школы. По данным Всемирной организации здравоохранения, школа сегодня признана общественно неблагоприятным фактором. Следствием такого неблагоприятного воздействия часто является нарушение психологического здоровья обучающихся [1].

В настоящее время увеличилось число тревожных детей, отличающихся повышенным беспокойством, неуверенностью, эмоциональной неустойчивостью. Переживание неблагополучия в условиях школы обозначается по-разному: «школьный невроз», «школьная фобия», «дидактогения», «дидактогенные неврозы». Каждое из определений указывает на отдельные состояния школьников, характеризующиеся комплексом переживаний, ведущих к эмоциональной неустойчивости, лабильности и дезадаптации.

К школьным стрессам можно отнести патогенные психофизиологические, эмоциональные состояния учащихся, обусловленные неблагоприятным психологическим климатом в классах, конфликтами между учащимися, дидактогенным воздействием учителей, неправильно организованной системой проверки и оценки знаний учащихся (опросы на уроках, контрольные работы, тестирование, экзамены).

Основные причины школьной тревожности: конфликт между потребностями ребенка; противоречивые требования со стороны родителей и педагогов; неадекватные требования, не соответствующие психофизиологическому разви-

тию ребенка; конфликт воспитательной системы школы; негибкая, догматическая система воспитания в школе.

К основным проявлениям школьной тревожности, в частности, относят такие: учащийся часто отвечает не по существу, не может выделить главное; долго переживает неудачи в течение урока; с трудом настраивается на занятия после перемены, подвижной игры; при неожиданном вопросе учителя учащийся часто теряется, но, если дать время на обдумывание, может ответить хорошо; долго выполняет любое задание, часто отвлекается; требует к себе постоянного внимания со стороны учителя; по малейшему поводу отвлекается от выполнения задания; заметно не любит урок, томится, активность проявляет только на переменах; не умеет прилагать усилия, если что-то не получается, прекращает работу, ищет какие-то оправдания; почти никогда не отвечает правильно, если вопрос поставлен нестандартно, если требуется проявить сообразительность; после объяснения учителя с трудом выполняет аналогичные задания; затрудняется применять ранее усвоенные понятия [2].

Школьная тревожность – это сравнительно мягкая форма проявления эмоционального неблагополучия ребенка. Она выражается в волнении, повышенном беспокойстве в учебных ситуациях, в классе, в ожидании плохого отношения к себе, отрицательной оценки со стороны педагогов, сверстников. Ребенок постоянно чувствует собственную неадекватность, неполноценность, не уверен в правильности своего поведения, своих решений.

Педагоги и родители обычно говорят про такого ребенка, что он «боится всего», «очень раним», «мнителен», «повышенно чувствителен», «ко всему относится слишком серьезно» и т. п. Однако это, как правило, не вызывает сильного беспокойства взрослых. Вместе с тем, анализ консультационной практики свидетельствует, что подобная тревожность – один из предвестников невроза и что работа по ее преодолению крайне необходима.

Довольно высокий уровень школьной тревожности детей и, кстати, снижение у них самооценки характерны для периода поступления детей в школу. Напомним, что адаптационный период в первом классе продолжается обычно от одного до трех месяцев. После этого, как правило, положение меняется: эмоциональное самочувствие и самооценка ребенка стабилизируются [3].

Таким образом, выделять детей со школьной тревожностью и начинать с ними работу, с нашей точки зрения, целесообразно лишь во второй четверти. Это, конечно, не исключает специальной работы по оптимизации прохождения ребенком адаптационного периода.

Детей с различными формами школьной тревожности в первых классах в настоящее время – до 30–35%.

Как известно, в подавляющем большинстве школ дети в этот период учатся без отметок, что, казалось бы, должно способствовать снижению тревожности. Однако это не совсем так.

Негативные переживания, опасения ребенка по поводу разных сторон школьной жизни могут стать очень интенсивными и устойчивыми. Специалистами такие эмоциональные нарушения обозначаются по-разному. Термин

«школьный невроз» используют, когда у школьника отмечаются «беспричинные» рвоты, повышение температуры, головные боли... Причем именно по утрам, когда нужно собираться в школу. В каникулы такие симптомы почему-то исчезают.

«Школьная фобия» обозначает крайнюю форму страха перед посещением школы. Она может и не сопровождаться телесными симптомами, но без медицинской помощи в таком случае обойтись трудно. А школьная тревожность? Это сравнительно «мягкая» форма эмоционального неблагополучия. Но она может перерасти и в гораздо более серьезную форму.

В чем причины школьной тревожности? Прежде всего, причины определяются природной нервно-психической организацией школьника. Не в последнюю очередь – особенностями воспитания, завышенными требованиями родителей к ребенку (все нужно делать только на «отлично»). У некоторых детей страхи и нежелание ходить в школу вызваны самой системой обучения, в том числе несправедливым или нетактичным поведением учителя. Причем среди таких детей есть школьники с самой разной успеваемостью [4].

Известный психолог А. Прихожан выделяет следующие особенности тревожных детей в школе.

– Сравнительно высокий уровень обучаемости. При этом учитель может считать такого ребенка неспособным или недостаточно способным к учению.

– Эти школьники не могут выделить в работе основную задачу, сосредоточиться на ней. Они пытаются контролировать одновременно все элементы задания.

– Если не удастся сразу справиться с заданием, тревожный ребенок отказывается от дальнейших попыток. Неудачу он объясняет не своим неумением решить конкретную задачу, а отсутствием у себя всяких способностей.

– На уроке поведение таких детей может казаться странным: иногда они правильно отвечают на вопросы, иногда молчат или отвечают наугад, давая в том числе и нелепые ответы. Говорят иногда сбивчиво, взхлеб, краснея и жестикулируя, иногда еле слышно. И это не связано с тем, насколько хорошо ребенок знает урок.

– При указании тревожному школьнику на его ошибку странности поведения усиливаются, он как бы теряет всякую ориентацию в ситуации, не понимает, как можно и нужно себя вести [5].

Психологами разработаны программы коррекционной работы с такими детьми. Это могут быть индивидуальные и групповые занятия. Занятия формируют у ребенка конструктивные навыки поведения в трудных ситуациях. Преодолевается его стремление действовать всегда и везде по правилам. Он обучается доступным способам снятия излишней тревоги, напряжения, учится расслабляться и т. д.

На каждом возрастном этапе ребенок занимает определенное место в системе общественных отношений, которые определяют требования к его поведению и деятельности. Социальная ситуация развития ребенка, специфическая для каждого возраста, имеет своеобразные психологические характеристики и

имеет большое значение для психологического благополучия ребенка [6].

Школьная тревожность является одной из типичных проблем, с которыми сталкивается школьный психолог. Особое значение имеет исследование изменений, происходящих в подростковом возрасте, поскольку этот возраст называют временем рождения личности. В младшем подростковом возрасте ребенок является еще типичным школьником, и в связи с этим, школьная тревожность влияет на развитие личности ребенка, может стать устойчивым свойством, чертой личности и темперамента. Если для дошкольников и младших школьников основными источниками тревожности является семья, то для подростков и старшеклассников такая роль значительно уменьшается, зато вдвое возрастает роль школы.

Существенно, что, становясь школьником и переходя от одного этапа школьной жизни к другому, ребенок не просто приспосабливается к наличной ситуации школы. На основе сформировавшихся у него личностных качеств и возникших в предшествующем возрасте потребностей, он, так или иначе, преломляет воздействие школы и (сознательно и неосознанно) занимает по отношению к ней внутреннюю позицию. В психологии существует понятие «внутренняя позиция», под которой подразумевается совокупность всех отношений ребенка к действительности, сложившаяся в определенную систему.

Литература

1. Андреева, И. Н. Личностная тревожность как проблема психического здоровья подростка (гендерный аспект) / И. Н. Андреева // Гуманизация учебного процесса: личностный мотив и творческое развитие: Тезисы научной конференции, 29–30 марта 2001 г. – Бобруйск, 2001.
2. Выготский, Л. С. Соч.: в 6 т. Т. 3,4. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983, 1984.
3. Ермолаева, М. В. Психология развития / М. В. Ермолаева. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 336 с.
4. Зеньковский, В. В. Психология детства / В. В. Зеньковский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2002.
5. Имедадзе, И. В. Тревожность как фактор учения в дошкольном возрасте / Психологические исследования / И. В. Имедадзе.– Тбилиси : Изд-во: Мецнисреба, 1960. – 240 с.
6. Микляева, А. В. Школьная тревожность: диагностика, коррекция, развитие / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2004.

Л. С. Медетова, Н. К. Садирмекова
АО «НЦПК «Орлеу» ИПКПР по ЮКО, Казахстан, г. Шымкент

ПОРТФОЛИО КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ САМООЦЕНКИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Реализация компетентного подхода в образовании направлена на изменение целей, содержания обучения, а также технологий организации подходов к

оценке образовательных результатов обучающихся в процессе промежуточной и итоговой аттестации обучающихся.

Согласно теории учебной деятельности, оценочная деятельность порождает потребность ученика или учителя получить информацию о том, соответствует или нет качество знаний и умений учащихся по предмету требованиям программы. У обучающегося в учебно-воспитательном процессе формируется установка на оценку своих возможностей – одного из основных компонентов самооценки.

Портфолио является одной из самых новых, инновационных технологий в оценивании, особенно для детей младшего школьного возраста. Ведь основной целью его является обучение школьников самоорганизации своей деятельности, их мотивация на активную познавательную деятельность, формирование рефлексивных умений, умений осуществлять адекватную самооценку собственной деятельности.

Портфолио дополняет традиционные контрольно-оценочные средства, направленные, как правило, на проверку репродуктивного уровня информации.

В начальной школе ведущая роль принадлежит предметно-информационному и деятельностно-коммуникативному блокам, что позволяет в полной мере освоить содержание ценностно-ориентационной составляющей приобретаемых знаний и навыков.

Именно портфолио позволяет учитывать результаты, достигнутые учеником в разнообразных видах деятельности – учебной, творческой, социальной, коммуникативной и другими – и является важным элементом практико-ориентированного, деятельностного подхода к образованию.

Термин «портфолио» пришел в педагогику из политики и бизнеса, каждому знакомы понятия «министерский портфель», «портфель инвестиций».

Существует огромное разнообразие определений портфолио.

Портфолио – «систематический и специально организованный сбор доказательств, используемых учителем и учащимся для мониторинга знаний, навыков и отношений обучающихся» [Варвус].

Ещё одно определение предложено Д. Майером: «Портфолио – это целенаправленная коллекция работ учащегося, которая демонстрирует его усилия, прогресс, достижения в одной или более областях. Коллекция должна вовлекать учащегося в отбор его содержания, определения критериев его отбора; должна содержать критерии для оценивания портфолио и свидетельства о рефлексии учащегося».

Фрай определял портфолио как «своеобразную выставку работ учащихся, задачей которой являлось отслеживание его личностного роста». Ещё одно определение, широко принятое сегодня в зарубежной педагогике: «Портфолио – отчет по процессу обучения ребенка: что ребенок узнал и как проходил процесс обучения; как он думает, подвергает сомнению, анализирует, синтезирует, производит, создает; и как он взаимодействует на интеллектуальном, эмоциональном и социальном уровнях с другими».

Проблема профильного обучения является одной из важнейших задач

модернизации образования. Основная идея обновления старшей ступени общего образования состоит в том, что образование должно стать более индивидуализированным, дифференцированным, ориентированным на создание условий выбора для удовлетворения образовательных потребностей учащихся.

Вопрос о формах, средствах, способах контроля при оценке результатов обучения учащегося остро стоит в современной системе образования и является одним из актуальных направлений в эксперименте по обновлению структуры и содержания образования.

Легко войдя в школьную практику разных стран и принимая различные формы, отметки быстро приобрели социальную значимость, став инструментами давления на учащихся. Недостаток традиционной оценочной системы, основанных на отметках как стимуляторах учения, обнаружился уже в середине 19 века, когда возникла теория свободного воспитания, направленная против любого подавления личности ребенка. Выдающимся представителем идей свободного воспитания в России был Л. Н. Толстой. В своих трудах он сформулировал несколько основных положений, реализованных в Яснополянской школе. «Для того чтобы ученик учился хорошо, нужно, чтобы он учился охотно, чтобы его душевные силы были в наивыгоднейших условиях [Толстой]. В дальнейшем педагоги также сталкивались с вопросами усовершенствования оценочной сферы влияния отметок и их отрицательного воздействия на формирование личности школьника. В некоторых странах Европы и России были осуществлены опыты по обучению без отметок. В ряде случаев отметки заменялись характерными. В связи с этим возникла огромная и неразрешимая, на первый взгляд, проблема оценивания, возникла необходимость изменить сам подход к оцениванию ученика, а это предполагает изменение философии оценки. В центре внимания должен быть ученик, его деятельность, устремления, что требует нового подхода – обучение учащегося самоорганизации своей деятельности, что в свою очередь порождает требования заменить учительские оценки содержательной самооценки учащихся. Вот почему в последнее время появился портфолио, ведь он являлся альтернативным способом оценки.

Таким образом, «портфолио – это форма непрерывной оценки в процессе непрерывного образования, которая смещает акценты от житейских факторов традиционной оценки к гибким условиям оценки альтернативной... Учебное портфолио легко интерпретируется в профессиональные и служебные системы оценки, что дает возможность раннего формирования профессионально значимых умений учащегося».

Портфолио является одним из средств самооценки достижений самого учащегося.

Литература

1. Бордовская, Н. В. Педагогика: учебник для вузов / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. – СПб. : Питер, 2001. – С. 304.
2. Загвоздкин, В. К. Портфель индивидуальных учебных достижений – нечто большее, чем просто альтернативный способ оценки / В. К. Загвоздкин // Школьные технологии.

– 2004. – № 3. – С. 32–36.

3. Липкина, А. И. Самооценка школьника /А. И. Липкина. – М., 1976. – С.87.

4. Новикова, Т. Г. Нужен ли портфолио российскому школьнику? / Т. Г. Новикова // Методист, 2004. – № 5. – С. 56–59.

5. Пейн, С. Дж. Учебное портфолио – новая форма контроля и оценки достижений учащихся / С. Дж. Пейн // Директор школы, 2000. – № 1. – С. 65–67.

6. Портфолио достижений ученика – шаг в сторону реформирования оценочной системы в школе // Профильная школа, 2004. – № 5. – С. 65–67.

М. Н. Миронова

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОКШАНСКИХ ПАРЕМИЙ

Паремика (греч. *paroimia*) – краткое и меткое выражение отдельных мыслей, понятий, в которых заключена оттачиваемая веками народная мудрость, отражающая установки, принципы и правила, связанные с регуляцией поведения, религиозные и мифологические воззрения и т. д.

Первые издания мордовской паремики относятся ко 2-й половине XIX в. (Н. Сталь, 1867; П. Мельников, 1887; В. Майнов, 1885; Х. Паасонен, 1894; А. Шахматов, 1910). Одним из первых исследователей мордовского паремического творчества был К. Т. Самородов. С конца 1990-х гг. изучением паремийологических жанров в культурном пространстве мордовского фольклора занимается Г. И. Марченко.

Паремическое творчество мордовского народа включает пословицы, присловья, поговорки и загадки.

Самым распространенным видом паремических изречений является пословица. У мордвы, как и у других народов, пословицы создавались главным образом в крестьянской среде. Они возникали из трех основных источников: 1) сочинялись кем-либо как общие суждения, выводы из непосредственных наблюдений над жизнью, трудом и бытом народа; 2) выделялись из фольклорных произведений; 3) заимствовались из литературных произведений в процессе фольклоризации. В зависимости от происхождения пословицы имеют следующие стилевые разновидности: собственно пословицы, приметы, афоризмы, максимы. Чаще всего встречается пословица в широком значении. Она занимает центральное место среди изречений как стержневая форма афористического выражения. Не случайно она заслоняет все паремические произведения, которые применяются в речи и часто обозначаются этим термином: *Шнак пинеть удомста, а баярть – куломста* «Хвали собаку, когда спит, а барина – когда умрет»; *Мезе тият, сянь и няят* «Что посеешь, то и пожнешь» и т. д. Образность в пословицах создается метафорами, метонимией и другими формами иносказательности. Например, в пословицах: *Ся енць (ломанць) виш, кона при-родать одкс тии* «Тот ум (человек) силен, который природу обновляет» – об-

разность создана с помощью метафоры.

В зависимости от того, ради какой цели используются и употребляются пословицы, они подразделяются на следующие виды: а) пословицы-приметы (*Лопя прай – сексе сай* «Лист падает – осень идет»); б) пословицы-афоризмы (*Эряфсь фалу моли инголи, и кие аф кенери мельганза, ся фалу иляды фталу* «Жизнь идет только вперед, и кто не успевает за ней, тот всегда отстает»); в) пословицы-максимы (*Улихть ломатть, конат эряйхть, кода панчфнень етка палакст: кяждост лама, а цебярьсна аш; синь мяльсна куцемс сембода вяри, а ляткинихть сембода алу сяс, мес синь или тапасазь, или сязендьсазь* «Есть люди, которые живут, как крапива среди цветов: зла в них много, а добра мало; они хотят подняться выше других, но остаются ниже всех»).

К паремическим произведениям относятся также каламбурно-присловичные изречения, или присловья: *Сон ваны оржа сельмот* (экв.: «Он смотрит в оба»), присловицы: *Сон моли тоза, сонцьке аф содасы коза* «Он идет туда, сам не знает куда»; прибаутки: *Кирдьк пряцень, кулят! Азорсь тон улят* (экв.: «Терпи, казак, – атаманом будешь!»). Прибаутки являются острыми и забавными высказываниями балагурного характера, употребляемыми либо непосредственно при живом общении, либо в контексте какого-либо жанра для усиления комизма и речевой выразительности. В свою очередь пословичные виды изречений бывают собственно пословицами – *валмуворкст: Мезе тият, сяконь няят* «Что сделаешь, то и увидишь»; *Тев-ки аф содат – карьге аф кодат* «Дело не знаешь – и лаптя не сплетишь».

Все виды паремий являются языковыми знаками, так как относятся к языковым единицам, которые имеют план выражения (форму) и план содержания (значение). Научный подход позволяет рассматривать свойства паремий с точки зрения семиотики, тремя аспектами которой являются синтактика, семантика и прагматика [2, с. 24].

К синтаксическим свойствам паремий мы относим два признака: признак структуры и признак формы. Признак структуры связан со структурной организованностью паремий в виде разного типа предложений и теми признаками, которые характерны предложению вообще. А признак формы включает такие особенности паремий, как краткость, лаконичность и ритмичность. Рассмотрим признак структуры как синтаксическое свойство паремий.

Паремии обладают структурной организацией в виде предложения и относятся к синтаксическим единицам, потому что, во-первых, они являются одним из средств формирования, выражения и сообщения определенной мысли, передачи эмоций и чувств человека. Во-вторых, выполняют коммуникативную функцию, так как являются одним из средств общения людей. И, в-третьих, им свойственны такие признаки предложения, как смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность и коммуникативная задача [4, с. 84–85].

В структурном отношении мокшанские паремии могут представлять из себя предложения простые (*Тундаты цебярець сексенда содави* «Доброту весны узнаешь осенью») и сложные (*Нармонць азорндай кожфса, калсь – ведьса, а*

ломанць – сембе светса «Птица хозяйничает в воздухе, рыба – в воде, а человек – везде»).

По составу простые предложения могут быть двусоставными (*Кизось работай тьялоти, тьялось – кизоти* «Лето работает на зиму, зима – на лето»– обе предикативные части сложного предложения двусоставны) и односоставными (*Ломань масторса кизонданга кельме* «На чужой сторонешке и летом холодно»). В основном, являются повествовательными предложениями: *Природать нефтома вийц, а ломанть – енец* «Человеческий разум – самая могучая сила природы» [3, с. 24].

В свою очередь, паремии могут быть представлены и в виде сложных предложений – сложносочиненных: *Одкшишь аф мърдафтови, а сирешишь фалу сатови* «Молодость не вернешь, а старость сама придет»; сложноподчиненных: *Сяфть ървья, штоб аф каендамс, эрямс да аф маендамс* «Выбери жену, чтоб не каяться, жить в любви да не маяться»; бессоюзных: *Кизось работай тьялоти, тьялось – кизоти* «Лето работает на зиму, зима – на лето» и т. д. Исследователи отмечают, что в паремиях в виде полного, законченного предложения свое формальное выражение получают все члены предложения [6, с. 452–453]. Так, в паремии *Мирдсь и ървьясь – фкя кевонь толхт* «Муж и жена – искры одного кремня» присутствуют однородные подлежащие, выраженные именами существительными и соединенные сочинительным союзом, и сказуемое, выраженное именем существительным во множественном числе. Смысл и понимание полных предложений-паремий не обусловлены контекстной и речевыми ситуациями. Так, смысл паремии *Мирдсь и ървьясь – фкя кевонь толхт* «Муж и жена – искры одного кремня» понятен и вне контекста: дело, которое выполняют супруги идентично, что соответствует русской паремии: *Муж и жена – одна сатана*, т. е. значение паремии можно вывести и без контекста, что у каждой семейной пары есть и недостатки, и положительные качества. В неполных паремиях-предложениях пропущен один или несколько его членов (главных или второстепенных), но, несмотря на это, они не нуждаются в «восстановлении» недостающих слов. Такие предложения, как известно, называют эллиптическими. В них неполным, незаконченным является не смысловой объем, а грамматический состав, легко восстанавливающийся из контекста или речевой ситуации, из частей сложного предложения и восполняющийся репликами диалога и т. д.: *Урозонь сельмоведеь – пиди палакс* «У сиротинушки слеза – что крапива жгучая»; *Идь мархта – мяляфкс, идьфтома – пеняфкс* «С детьми – забота, без детей – печаль». На месте пропущенных членов обычно ставится тире. Структурная неполнота придает высказыванию сжатость, делает его более компактным и усиливает смысловую емкость. К признакам паремий как предложений относится также предикативность. Предикативность паремий проявляется при употреблении ее в речи, когда паремическое значение соотносится с тем или иным референтом. Когда же паремия отделяется от контекста, «изымается» из речевой ситуации и существует в памяти носителей языка «в режиме ожидания», то ее предикативность приглушается [5, с. 105]. Следовательно, паремия наделяется предикативностью в соответствии с речевым намерением говоряще-

го. Так, говорящие регулярно используют поговорки, которые в узуальном варианте описывают нормы, типичные ситуации, для сообщения о единичных, конкретных положениях дел: *Од тьяльмось сяда аруста тья* «Новая метла чище метет». Основным вариантом поговорки *Новая метла чисто метет* с пропозицией «человек, заменивший кого-либо в должности, ставший новым начальником, особенно старателен, требователен, придирчив». Но данная поговорка может выступать как средство выражения иной мысли, что проявляется отчасти в лексическом варьировании поговорки: инвариант «чисто» заменен на «по-новому», т. е. не старательно, качественно, с большей самоотдачей и т. д. Функционируя в виде предложений, поговорки, благодаря своей предикативности, обладают коммуникативной задачей, тип которой зависит от ситуации общения, контекста и которая выражается в поговорке интонацией и порядком слов. Здесь речь идет также об актуальном членении или темо-ремных отношениях внутри поговорки, которые используются для выражения данного, то, что есть: *Шабат шацфат-касфат* и нового, того, что утверждается, что требуется выполнять, делать, как следует поступать («*фалу мяльге сафат*»), например, в поговорке *Шабат шацфат-касфат – фалу мяльге сафат* «Детей родить-вырастить – надо и внимательным к ним быть»; *Ванфтыть иттнень, кода эсь сельмотнень* «Береги детей, как свои глаза». Этому способствует такое грамматическое средство выражения предикативности, как повелительное наклонение. В приведенных поговорках описываются ситуации, либо совпадающие с моментом речи, либо нацеленные на их реализацию в будущем и относящиеся к собеседнику с коммуникативной задачей побуждения к определенному действию. Таким образом, признак структуры как синтаксическое свойство поговорок связан с функционированием поговорок в виде предложения и обладанием такими характеристиками предложения, как смысловая, структурная, грамматическая и интонационная завершенность, синтаксическая предикативность и коммуникативная задача.

Литература

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М., 2005. – 734 с.
2. Матвеева, Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г. Г. Матвеева. – Ростов-н/Д, 1999.
3. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1986. – 277с.
4. Русская грамматика: Т. 1. Морфология: Т. 2. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : АН СССР, Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с. – Т. 2. – 709 с.
5. Савенкова, Л. Б. Русская поговорковедение: семантический и лингвокультурологический стереотипы / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д : Ростовский университет, 2002. – 240 с.
6. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811с.
7. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический стереотипы / В. Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
8. Шведова, Н. Ю. Предложение / Н. Ю. Шведова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов.энциклопедия, 1990. – С. 395–396.

Е. П. Прокаева
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ОБУЧЕНИЮ МОРДОВСКИМ ЯЗЫКАМ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Сфера высшего образования сегодня переживает довольно значительные трансформации под воздействием требований, которые предъявляет нынешняя социальная и профессиональная практика выпускникам вузов. Основной мотив таких требований – молодой специалист должен быть подготовлен таким образом, чтобы он мог включаться в трудовые процессы, продуктивно используя квалификацию, опыт и компетенции, полученные в ходе обучения. В таких условиях особый вес приобретает практико-ориентированная профессиональная подготовка педагогических кадров, ориентированная на конкретную практику и реализуемая в тесном сотрудничестве МордГПИ, в частности кафедры мордовских языков, и образовательных учреждений. Такая подготовка формирует у студентов именно те знания и умения, которые нужны современному учителю родного языка и литературы.

Учитывая возросшую роль мордовских (мокшанского, эрзянского) языков в системе современного национального образования, состояние мордовских языков в школах мордовской диаспоры и нехватку соответствующих педагогических кадров в общеобразовательных учреждениях Республики Мордовия и ПФО, введение в учебные планы филологического факультета, факультета педагогического и художественного образования и других факультетов ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» дисциплин, направленных на подготовку учителей мордовских (мокшанского, эрзянского) языков в школах с русскоязычным или смешанным по национальному составу контингентом обучающихся, представляется весьма своевременным.

Подготовка студентов по данному направлению является актуальной в связи с изменениями в учебных стандартах и программах, разработанных и утверждённых Министерством образования Российской Федерации и Министерством образования Республики Мордовия с учётом республиканского (регионального) и школьного (местного) компонентов образования (Приказ № 700 Министерства образования Республики Мордовия от 18.10.2004 г. «Об апробации нового содержания образования по предметам «Мокшанский язык», «Эрзянский язык» в 2–4 классах школ с русскоязычным или смешанным по национальному составу контингентом обучающихся»; Приказ № 1163 «Об апробации нового содержания образования по предметам «Мокшанский язык», «Эрзянский язык» в 5 классах школ с русскоязычным или смешанным по национальному составу контингентом обучающихся» и др.).

Национальный язык, будучи не просто средством общения, но, прежде всего, явлением самоопределения нации, является базой для становления, формирования и дальнейшего развития национальной культуры, в его образах и понятиях сосредоточен огромный умственный, чувственный, духовно-нравственный и практический опыт мордовского народа, поэтому изучение национальных языков в педагогическом вузе позволит, на наш взгляд, достичь формирования не только устойчивого познавательного интереса к мордовским языкам, но и воспитания активной языковой личности, способной к самореализации в определённом социуме.

Учитывая вышесказанное, мы особо подчеркиваем настоятельную необходимость применения в преподавании мордовских языков технологий практико-ориентированного обучения, целью которого является развитие познавательных потребностей, обеспечение функционирования знаний в мышлении студентов, организация поиска новых знаний, повышение эффективности образовательного процесса. Сущность подобного обучения заключается в построении учебного процесса на основе единства эмоционально-образного и логического компонентов содержания; приобретении новых знаний и формировании практического опыта их использования при решении важных задач и проблем изучения мордовских языков в национальных и русскоязычных образовательных учреждениях.

Можно выделить следующие принципы организации практико-ориентированного обучения мордовским языкам: мотивационное обеспечение учебного процесса; связь обучения с практикой; сознательность и активность студентов в обучении. Таким образом, в рамках практико-ориентированного обучения мокшанскому и эрзянскому языкам развивается внутренняя мотивация учения; студенты ощущают собственную компетентность; переживают собственную автономию; у них формируется практический опыт сопоставления, оценки явлений, процессов, выявления причинно-следственных связей, постановки задач, потребности в дальнейшем пополнении предметных знаний.

Формируемые в процессе практико-ориентированного обучения мордовским языкам навыки, состоящие из простых и совмещённых приемов деятельности, направлены на общее развитие студентов и воспитание у них уважительного отношения к мордовским языкам и мордовской культуре, интереса к их изучению.

В результате изучения мордовских языков студент должен знать хронологию их образования; основные закономерности формирования языковой системы мордовских языков; лексический минимум по разговорным темам. Кроме того, студент должен уметь ориентироваться в письменном и аудиотексте на мордовских (мокшанском, эрзянском) языках; читать и понимать несложные тексты разных жанров и видов с различной степенью проникновения в их содержание; понимать контекстуальное значение языковых средств, отражающих особенности мордовской культуры; пользоваться языковой и контекстуальной догадкой (определять содержание текста по его заголовку или началу), использовать текстовые опоры различного рода (сноски, комментарии, схемы, табли-

цы и др.), а также двуязычные словари; передавать содержание прочитанного (с непосредственной опорой на текст); высказываться на различные темы, излагая свои мысли на мокшанском или эрзянском языке; правильно, точно и выразительно строить связное высказывание; применять языковые средства в зависимости от цели, сферы и условий общения; видеть и исправлять собственные ошибки в процессе коммуникации; осуществлять диалогическое общение в стандартных ситуациях общения в рамках учебно-трудовой, бытовой и культурной сферы общения [1, с. 62].

Мы считаем, что одним из приоритетных направлений в применении практико-ориентированных технологий является информатизация образования. В связи с этим в целях обучения мордовским (мокшанскому, эрзянскому) языкам необходимо активно развивать компьютерные технологии, новые информационные технологии, медиа-технологии и т. п. Так, эффективным, по нашему мнению, является использование в обучении мордовским языкам информационных ресурсов, разработка электронных учебников и учебных пособий, применение различных видов мониторинга.

Таким образом, деятельностно-компетентностный подход к практико-ориентированному обучению мордовским языкам – это тот методологический базис, на котором строятся различные системы обучения, позволяющие обеспечить качественный процесс овладения национальными языками Республики Мордовия и способствующие формированию у студентов значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности, а также компетенций, обеспечивающих выполнение функциональных обязанностей по избранной специальности.

Литература

1. Водясова, Л. П. Эрзянский язык : программа и методические рекомендации / Л. П. Водясова, Е. П. Прокаева // Школа филолога : программа и методические рекомендации : в 2 ч. Ч. 1 Родной язык. Родная литература / отв. ред. И. Б. Грузнова; сост. Л. П. Водясова, Е. И. Азыркина, С. В. Богдашкина и др. ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2010. – С. 61–100.

Е. Н. Родина, О. А. Фильчагина
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева», г. Саранск

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И ПОИСКА ИДЕАЛА ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Тема человека стала предметом философской рефлексии еще со времен античности. Решался вопрос о его природе и сущности, складывался комплекс представлений о совершенстве личности – идеал человека, мотивирующий деятельность людей и контролирующая их поведение. Определяемые им моральные ценности и императивы приобретают значение установок той или иной ис-

торической эпохи, а их генезис отражает непрекращающийся процесс самопознания человека.

По мнению Сократа, сущность человека – это его душа. Под душой он понимал разум. Человек, мыслящий разумно, понимающий и знающий что такое добродетель, не будет поступать дурно и несправедливо. Слова Сократа «познай самого себя» напоминают, что обязанностью каждого является постижение собственной природы, потребностей и интересов, связанных с развитием человеческого рода и индивидуальной жизни, а также внутренних и внешних условий самовыражения и самореализации человека.

Демокрит, обратившийся к материалистической интерпретации сущности человека считал, что он состоит из атомов, как тело, так и душа. Когда тело человека умирает, вместе с телом умирает душа. Целью жизни, как утверждал Демокрит, является счастье, а счастье – это, прежде всего, радостное расположение духа.

Платон, Сократ и Демокрит считали, что именно душа делает человека человеком, однако, в отличие от Демокрита, Платон утверждал, что душа человека вечна, тело же смертно. Поэтому смысл существования человека связан с подражанием вечному процессу совершенствования мироздания, заключающемуся в переходе из небытия в бытие, из возможности в действительность. Достичь этого возможно посредством творчества, понимаемым Платоном как эротическое стремление, любовь к благу. Утверждая в диалоге «Пир», что все люди беременны телесно и духовно, философ утверждал наличие творческого потенциала у каждого человека и возможности его вечного обладания благом [5, с. 117]. Ведь зачатие и рождение является проявлением «бессмертного начала в существе смертном». Восхождение человека к подлинно творческой сущности, по мнению Платона, начинается от устремления к прекрасным телам, к красоте души, наук, и, наконец, постижению чистой идеи прекрасного. Так в пределах земного существования человек может преодолевать изменяющееся и приходящее, соприкасаясь с вечным и неизменным исходным единством.

В философии Аристотеля человек занимает место между Богом и природой, поскольку сочетает в себе материю и форму – тело и душу. Душа является организующим принципом, энтелехией тела, а также бессмертным отражением актуальной действительности всемирного Ума, становясь источником творческой активности человека [1].

В Возрождении активная, свободная личность становится идеалом, фигура художника-творца становится символом эпохи. Пико делла Мирандола считал, что человек, созданный Богом, обладая свободой воли, может стать своим собственным скульптором: человек сам творит свою судьбу. Тот, кто познает себя, познает в себе все. В своей «Речи о достоинстве человека» он писал: «Ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным создан ты, человек! Ибо ты сам должен, согласно твоей воле и твоей чести, быть своим собственным художником и зодчим и создать себя из свойственного тебе материала. Ты способен спуститься на самую низкую ступень животности. Но ты можешь и подняться к высшим сферам божественного. Ты можешь быть тем, чем хочешь»

[3].

Николай Кузанский развивал идеи о человеке как микрокосмосе. Он утверждал мощь человеческого познания; человек через творческую деятельность своего ума («человек есть его ум») как бы уподоблялся Богу. Ум человека, «божественное семя», живой образ «всемогущего мастера» развивает заложенный в нем принцип творческого единства, развертывает себя и свое собственное бытие. Кузанский не разделяет человека и мир, они едины, человек – часть природы [4].

Н. А. Бердяев, раскрывший в своем учении проблемы свободы и творчества, показал человека как существо противоречивое, содержащее в себе загадку бытия, принадлежа сразу двум мирам – природному и сверхприродному. Причем духовная основа человека не зависит от природы и общества. Тайна существования личности заключена в ее абсолютной незаменимости, что в современной науке обозначается как индивидуальность. Основной целью жизни, по Бердяеву, должно быть достижение духовности, понимаемой через творчество, свободу и любовь. Духовное общество может быть создано только благодаря духовному началу в человеке.

В учении Бердяева творчество и свобода рассматривались как взаимосвязанные категории. Свобода представлена в качестве атрибута творчества, которое философ наделяет особым смыслом, рассматривая его как теургию, создающую особый мир и «продолжающую дело творения». Свобода выступает как основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему, раскрывающий абсолютное совершенство плана творения. Присущая человеку способность к творчеству божественна, и в этом состоит его богоподобие. В «Смысле творчества» Бердяев выражает мысль, что творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы. Творческая деятельность человека, по мысли философа, не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который привходит во всякий подлинный творческий акт. «Творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит. Из необходимости рождается лишь эволюция; творчество рождается из свободы. Когда мы говорим на нашем несовершенном человеческом языке о творчестве из ничего, то мы говорим о творчестве из свободы. С точки зрения детерминизма свобода есть «ничто», она выходит из детерминированного ряда, она ничем не обусловлена, рожденное из нее не вытекает из предшествующих причин, из «чего-то» [2, с. 211]. Бердяев полагал, что тем, кто отрицает существование творчества из ничего, придется поместить творчество в детерминированный ряд и тем самым отвергнуть свободу творчества. В творческой свободе существует неизъяснимая и таинственная мощь создавать из ничего, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии.

В приведенных взглядах человек представлен микрокосмом, микродемиургом, реализующим подлинное предназначение через раскрытие своей свободной сущности в творчестве. Человек призван к соучастию в космическом созидании, будучи сопричастным к надличному, абсолютному творческому

началу.

В других концепциях человек представлен вне его зависимости от божественного происхождения, как биосоциальное существо. А. Маслоу указывал на наличие в человеке иерархически интегрированных высшей и низшей животностей, определяя высшую как духовную жизнь, укорененную в биологической природе вида. Это высшее начало человека носит название метамотивации и направляет его жизненные ориентиры на высшие ценности бытия, стимулируя потребности в творчестве, в осмысленном труде, в ответственности, справедливости, добре и красоте.

Рассматривая человека как часть природы, Фромм в работе «Здоровое общество» указывает на наличие общих с животными витальных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Вместе с тем, он считает их полное удовлетворение недостаточным фактором психического здоровья, гораздо важнее, по его мнению, удовлетворение специфически человеческих потребностей, наличие которых обусловлено особым бытием человека. К ним он относит потребность в приобщенности, укорененности, ощущении тождественности, в системе ориентаций и поклонения, в преодолении ограниченности собственного существования [6]. Э. Фромм считает специфические потребности человека главным источником каждого сильного желания, источником любви, религии, искусства, материального производства. Сознание, разум и воображение нарушили «гармонию» животного существования, поэтому человек – часть природы, подчиненный физическим законам и не способный их изменить.

Э. Фромм рассматривал жизнь каждого человека как своеобразную эвристическую ситуацию, которую каждый пытается решить по-своему, но которая сообщает самой его сущности динамизм, движение вперед, активность. Решающее значение при этом имеет не сила его воли и размер свободы, а потребность в преобразовании и изменении мира, которая должна находить выражение, поскольку человек не выносит абсолютной пассивности.

Способность применять силы в целях созидания Фромм называл потенцией, причем сексуальную потенцию он рассматривал как ее особую форму. Понятие созидания Фромм наделяет широким смыслом, относя к нему созидание жизни, деторождение и созидание культуры. Истоки подобной традиции заложены в философии Платона, который утверждал, что все люди беременны, как телесно, так и духовно. В его диалоге «Пир» творчество представлено как попытка выхода человека за пределы его ограниченного земного существования, при этом в качестве исходного принципа порождения нового постулируется любовь.

Любовь, по мнению Э. Фромма, дает людям чувство переживания и общности, позволяющее им реализовать внутреннюю активность. Э. Фромм утверждает неразрывное единство созидания с любовью к создаемому, считает, что в акте творчества творец объединяет себя с преобразуемым материалом, олицетворяющим мир, таким образом, вступая в диалог с миром. Подлинная любовь по Фромму базируется на самоотдаче. Для каждого человека подобная самоотдача является воплощением его творческой силы, духовного богатства, власти

над собой и одновременно с этим обогащением другого человека, увеличением его творческих возможностей.

Таким образом, проследив генезис взглядов на сущность человека, можно сделать вывод, что как в идеалистических, так и в материалистических трактовках сложились представления об идеальной личности, которая есть квинтэссенция свободы, направленной на общее благо путем реализации потребностей в творчестве.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Собрание сочинений: в 4 т. – М. : Мысль, 1976. – Т.1. – С. 65–367.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 605 с.
3. Джованни Пико делла Мирандола Речь о достоинстве человека / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka>
4. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1978. – 623 с.
5. Платон Пир / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 81–134.
6. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М. : ООО Издательство АСТ. – 2005. – 417 с.

Е. В. Рябова

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

В последней четверти прошлого столетия стало очевидно, что дальнейшее развитие цивилизации по исторически сложившемуся пути невозможно из-за глобальных изменений во взаимоотношениях человека с окружающей природной средой. Человек как существо, обладающее разумом, всегда старался приспособить окружающую среду для возможно более полного удовлетворения своих потребностей, вследствие чего рос «отклик» биосферы на антропогенный пресс, появились глобальные проблемы, угрожающие существованию цивилизации [3, с.3].

Экологические катастрофы различного масштаба всегда сопровождали производственную и хозяйственную деятельность человека. Проблемы эколо-

* Научное исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы: соглашение на предоставление гранта №14.В37.21.0989. Тема гранта «Методология развития социокультурных констант образовательного пространства инновационного вуза в структуре устойчиво-развивающегося общества».

гической безопасности всегда интересовали людей. Современный палеонтологический анализ связывает первые экологические катастрофы как с последствиями ледникового периода, так и более ранними результатами человеческой деятельности. Так, уничтожение мамонтов, по-видимому, связано с деятельностью охотничьих племен.

Уже на первых этапах социально-экологического становления общественные структуры первобытного общества должны были вызывать такие воздействия на традиционные биологические системы, которые обуславливали их существенные изменения, ведущие нередко к деградации и опасности для жизнедеятельности людей. И эти процессы усиливались по мере становления и развития производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности первых «локальных цивилизаций». Цивилизации в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Хуанхэ могли развиваться лишь при наличии сложных водохозяйственных систем. И как только данные системы пришли в упадок, что было связано с разными причинами, в том числе и с экологическими: засолением почв, заиливанием каналов, эти цивилизации постепенно исчезали. Вырубка лесов превратила древнюю Палестину, описанную в Библии как благодатная многоводная страна, в сухую пустыню, изрезанную долинами высохших рек. Александр Македонский отправился в поход на Персию, чтобы решить экономические проблемы Древней Греции, лишившейся сельскохозяйственных угодий при выручке лесов и смыве плодородной почвы [1, с. 7–9].

В настоящее время главными проблемами экологической безопасности, возникшими под влиянием антропогенной деятельности, стали: нарушение озонового слоя, обезлесивание (сейчас вырублено около 70 % всех лесов планеты) и опустынивание территорий, выпадение кислотных дождей, уменьшение биологического разнообразия.

Итак, человечество изменило в худшую сторону поверхность нашей планеты, ее гидросферу и атмосферу, чем остро поставило проблему экологической безопасности.

Нельзя не отметить, что назревание конфликта между человеком и природой предсказывалось уже давно, и в большинстве этих предсказаний конфликт должен был разрешиться в пользу природы. Иероглифический петроглиф на пирамиде Хеопса гласит: «Люди погибнут от неумения пользоваться силами природы и от незнания истинного мира» [Цит. по: 1, с.40]. Близкие по смыслу пророчества содержатся в религии древних персов, в индийских ведах и в Библии. Подобные суждения высказывали и ученые. В наше время можно найти много мнений о самоубийственном потенциале технического развития человечества.

Если до 50–60-х годов XX века общественное сознание фактически не воспринимало реальность экологических противоречий, то уже в 70–80-х годах социологические опросы показали, что для большей части населения мира, преимущественно в развитых странах, экологическая безопасность и экологические ценности назывались в качестве приоритетных. В обществе, где созданы материальные и духовные предпосылки (высокое качество жизни) для измене-

ния приоритетов, индивид воспринимает необходимость новых ориентиров развития (экоцентризм, экоэффективность, переоценка духовных ценностей, ориентированных на нравственно-экологический императив) [2, с. 23].

Во второй половине XX века идеологически цивилизация была принципиально дихотомична, разделившись на социоприродные системы, ориентирующиеся на капиталистические и социалистические принципы развития. И, тем не менее, на Западе особую популярность получила теория конвергенции, в соответствии с которой в условиях индустриального общества возникла тенденция к стиранию различий (экономических, социальных и т. п.) между различными «ветвями» мировой цивилизации, а в 60–70 гг. появился ее экологический вариант, который исходит из того, что традиционно социально-экономические системы индустриального общества имеют выраженную антиэкологическую направленность, преодолеваемую в условиях постиндустриального общества.

В отечественной социально-философской литературе периода социализма идеи подобного рода обсуждались довольно активно. В частности, подчеркивалась необходимость формирования общей теории взаимоотношений человека и природы, в основе которой лежит учение о ноосфере.

В этом контексте отечественная научно-популярная литература до 70-х годов не использует слово «экология». Но в конце XX века понятие «экология» резко вошло в обиход во всех сферах жизни. Такая резкая перемена на протяжении 30 лет произошла в силу двух взаимосвязанных обстоятельств, характерных для второй половины XX века: роста населения в развивающихся странах и роста промышленности на базе «грязных» технологий. Первое ведет к быстрому сокращению пищевых и водных ресурсов на планете, второе – к быстрому истощению сырьевых ресурсов и загрязнению экосистем.

В современном мире на решение проблем экологии ежегодно тратится 500 млрд. долларов: поскольку сейчас стал актуальным вопрос о возможной гибели биосферы и самого человека.

Важную роль в формировании стратегии спасения биоты биосферы сыграла деятельность, проходившая в рамках деятельности Римского клуба – авторитетной международной неправительственной организации. Ее члены поставили своей целью построить прогнозы близкого будущего и представить мировому сообществу доводы о необходимости мер для предотвращения глобального эколого-экономического кризиса. Возникновению и разработке стратегии коэволюции во многом способствовали доклады членов данного коллектива. Большой толчок в этом направлении дала нашумевшая работа «Пределы роста» (Медоуз Д. Х., 1972), привлекавшая самое широкое внимание к глобальным экологическим проблемам безопасности. В 1971 году Дж. Форрестер в книге «Мировая динамика» привел результаты расчетов возможных вариантов мирового развития. Важным приближением к стратегии коэволюции стали обсуждаемые в докладах Римского клуба концепция динамического роста, концепция динамического равновесия и концепция органического роста, общим для которых является сопоставление глобальной экономической системы с живым организмом. Главное место здесь принадлежит жизненной силе и способности к выжи-

ванию, т. е. качественному усовершенствованию.

Как мы видим, если на заре истории человечества взаимная терпимость и безопасность признавались лишь в узком пространстве рода, то позже размеры общества, способного жить по принципу мирного сосуществования, увеличивались, охватывая сначала отдельные государства, затем их объединения. Во второй половине XX века уже только два основных колоссальных лагеря противостояли друг другу и обеспечивали безопасность индустриальной цивилизации. На наших глазах завершилась эта историческая эпоха, и человечество продвинулось еще дальше к общепланетарному объединению – по крайней мере, в области соблюдения единых правил мирного сосуществования и соблюдения экологической безопасности. За полвека несовершенная Лига Наций сменилась более дееспособной Организацией Объединенных Наций. ООН с середины 1960-х годов приложила много усилий для поиска путей предотвращения глобальной экологической катастрофы. Огромное значение имела представительная Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Стокгольме в 1972 г., ставшая первым международным форумом, на котором главы государств и правительств мирового сообщества обсуждали проблемы взаимоотношения человека и среды его обитания в контексте ее безопасности для жизни человека. Генеральный секретарь Конференции Морис Стронг впервые сформулировал понятие экоразвития как экологически ориентированного социально-экономического развития, при котором рост благосостояния людей не сопровождается ухудшением среды обитания и деградацией природных систем. С самого начала было ясно, что практическая реализация идеи экоразвития и экобезопасность – одна из главных, если не самая главная (после устранения угрозы ядерной войны) задача современности, и задача исключительно сложная, которая предполагает изменения хода мирового развития, стратегии использования и распределения ресурсов, глубокие преобразования в экономике и международных отношениях.

Сложность социально-экономической ситуации, реальные процессы, происходящие в обществе, заставляют по-новому взглянуть на казавшиеся ранее незыблемыми принципы общественной и личной безопасности, стабильности общества, защиты государства; на проблемы войны и мира, демографии, экологии.

Безопасность уже не рассматривается как синоним обороны, она многогранна, охватывает самый широкий круг проблем: экономику, экологию, культуру, национальные отношения, внутреннюю и внешнюю политику.

Первоначальное отношение Запада (в 1970–80-х годах) к самому термину «экологическая безопасность» было отрицательным. Объяснялось это причинами, прямо не связанными с содержанием данного понятия: на попытки введения его в научно-практический оборот наложила отпечаток холодная война. На Западе опасались, что поддержка концепции, содержащей термин «безопасность», может означать одобрение линии СССР на укрепление коллективной безопасности и разоружение. Поэтому попытки советской дипломатии добиться признания, казалось бы, разумного понятия наталкивались на упорное со-

противление.

С развалом СССР, а также по мере осознания безальтернативности коэволюции природы и общества отношение к понятию «экологическая безопасность» стало на Западе более благосклонным. Однако интерес России к комплексу этих вопросов стал падать. Причина, вероятно, заключалась в том, что перенацелить экономику оказалось труднее, чем поддерживать политические лозунги.

Нужно констатировать, что сегодня важнейшая информация об экологическом состоянии среды практически остается неизвестной огромному большинству жителей. Массовый ввоз продуктов сомнительного качества из-за границы, в числе которых набитые стероидами и смертельно опасные для детей куриные «ножки Буша», вызывающие фурункулез, модифицированные норвежские «форель» и «семга», наплыв генетически измененных продуктов типа американских сои и кукурузы, крайне выгодная торговля продуктами, полученными от зараженных радиоизотопами территорий России, Украины и Белоруссии, активно ведется вот уже более 25 лет [4, с. 3].

Приходится делать вывод, что СМИ больше внимания уделяет искусственно созданным экологическим проблемам (глобальное потепление, озоновый слой и т. д.), а проблемы, непосредственно связанные со здоровьем человека (качество пищи, воды, воздуха, почвы, места жилья и работы), как правило, остаются в стороне.

В начале XXI века человечество оказалось в ситуации, грозящей глобальной катастрофой. Сегодня основные признаки надвигающейся глобальной катастрофы связаны с чрезмерным загрязнением природной среды, разрушением озонового слоя биосферы, возрастанием нестабильного климата, опустыниванием планеты, опасным оскудением флоры и фауны.

Подводя итог, стоит заметить, что индустриализация и научно-технический прогресс резко усилили разрушение и изменение окружающее среды. Такое мощное возмущение окружающей среды привело к тому, что возникшие ранее локально нарушенные пороги устойчивости окружающей среды, начиная с начала XX века, обернулись глобальным нарушением устойчивости биосферы, которое выражается, в изменении химического состава всех природных средств, быстром сокращении биоразнообразия, находений в организмах и человека токсикантов и радионуклидов и актуализации экологической безопасности.

Корни экологической проблемы и проблемы безопасности лежат в самом человеке и, прежде всего, в тех стереотипах мышления, которые он сформировал за десять тысяч лет своего господства над природой.

Основной вывод заключается в том, что развитие современной цивилизации со всеми присущими ей в XX веке атрибутами имеет предел. Наша цивилизация не вписалась в допустимый для ее развития коридор безопасности, определяемый законами биосферы.

Поэтому необходима новая модель развития – коэволюция общества и природы новый тип организации общества, нейтрализующий разрушительные

тенденции сегодняшней глобализации всех проблем современной цивилизации и обеспечивающий её безопасность, в том числе на региональном уровне.

Литература

1. Лось, В. А. Взаимоотношения общества и природы как глобально-региональная проблема / В. А. Лось. – М. : ИНИОН АН, 1991. – 81 с.
2. Лось, В. А. Устойчивое развитие / В. А. Лось, Урсул А. Д. – М. : Логос, 2000. – 251 с.
3. Портнов, А. «Виртуальные» и «насуточные» проблемы экологии / А. Портнов // Спасение. – М., 2001. – № 44, ноябрь. – С. 3.

А. Сагикызы

Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН Республiки Казахстан, г. Алматы

ПРОБЛЕМА ЭТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наука как познание истины самоценна, однако у ее критиков вызывает сомнение цена, которой приходится оплачивать научный прогресс – универсализация «частичного человека», узкая специализация, оборачивающаяся «профессиональным кренинизмом» и т. д. Еще М. Вебер отмечал: «Отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации» [1, с. 708]. Однако относится ли эта форма развития научного познания, господствующая в настоящее время и, действительно, оборачивающаяся определенной дегуманизацией науки как деятельности и социального института, к сущности науки как таковой?

В ответе на этот вопрос принципиальную роль играет указанное К. Марксом различие двух типов труда. К. Маркс пишет: «...следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [6, с. 116]. Всеобщий труд имеет непосредственным результатом совпадение процесса производства продукта деятельности (научное открытие, изобретение, теория и т.д.) и процесса изменения самого субъекта деятельности.

В. С. Библер, обративший особое внимание на проводимое К. Марксом различие этих типов труда, указывает: «Основное, что производит работник в сфере «всеобщего труда» (хотя непосредственным продуктом могут быть идеи и теории), – это не «что», но «кто» – сам субъект деятельности, коренным образом преобразованный; субъект во всем богатстве его материальных и духовных определений, понятый как «порождающее ядро» общественных отношений, как цельность его «производительных сил» [2, с. 162]. В науке XVII в. гуманитарно-гуманистические определения научной деятельности как всеобщего труда

(его устремленность на самоизменение субъекта) были феноменологически очевидны. Ф. Бэкон утверждал: «Из всех людей только ученые любят труд ради него самого» [3, с. 98], а не ради приносимой им выгоды, преуспеяния, славы, почестей, убождения самолюбия, богатства и власти. «Наиболее серьезная из всех ошибок состоит в отклонении от конечной цели науки. Ведь одни люди стремятся к знанию в силу врожденного и беспредельного любопытства, другие – ради удовольствия, третьи – чтобы приобрести авторитет, четвертые – чтобы одержать верх в состязании и споре, большинство – ради материальной выгоды и лишь очень немногие – ради того, чтобы данный от Бога дар разума направить на пользу человеческому роду» [Там же, с. 121]. В этой связи в наши дни с особой остротой встает задача сохранения наукой своего характера «всеобщего труда» а условиях ее институционализации. В решении этой задачи центральной проблемой является проблема свободы научного исследования.

Академические свободы были впервые конституционно зафиксированы в Германии во второй половине XIX века и включали в себя три основных вида университетских свобод: свободу преподавания, свободу обучения, свободу научных исследований.

В 1915 г. в США была учреждена Американская ассоциация университетских преподавателей. Группа ученых из этой ассоциации подготовила доклад, в котором были сформулированы основные принципы академических свобод. В этом документе говорилось: «Во всех областях знания первым условием прогресса является полная и безграничная свобода исследования» [4, с. 7]. Аналогичный принцип полной саморегуляции и автономии науки, ничем не ограниченное право выбора ученым предмета и направления научных исследований провозглашал известный исследователь науки М. Полани.

Ряд исследователей продолжает и сегодня оставаться на этих позициях, отстаивая право ученых на полную свободу научных исследований и распространения информации об их результатах независимо от того, к чему они могут привести. Однако основная масса ученых в наши дни высказывается за необходимость введения ряда регламентаций и ограничений в академические свободы. Эти ограничения сводятся к двум основным: 1) если может представлять опасность непредвидимое и неконтролируемое научным сообществом применение научных открытий; 2) если эту опасность несут сами по себе знания (например, результаты биогенетических исследований, свидетельствующие об интеллектуальных и психологических различиях рас, записанных на генетическом уровне) или ведущие к ним пути (например, эксперименты, несущие угрозу людям или окружающей среде). «Начинает осознаваться и относительность тех неявных, глубинных культурных предпосылок, на которых основывается убеждение в неподвластности науки внешнему контролю» [8, с. 55]. В современных условиях общество вынуждено тем или иным способом контролировать научные исследования, а на некоторые даже накладывать запрет. Ведь современная наука и основывающиеся на ней высокие технологии позволяют человеку оперировать силами планетарного масштаба, что не может не порождать тревоги, зачастую переходящей в апокалипсические настроения.

Накануне запуска (до сих пор так и несостоявшегося) большого электронного коллайдера родился мрачный анекдот: у физиков есть традиция – раз в каждые 13 млрд. лет они собираются все вместе, чтобы построить большой электронный коллайдер. Репродуктивные технологии позволяют производить детей, не занимаясь сексом, и скоро мы сможем без зазрения совести рассказывать детям истории об аисте или капусте и интерпретировать догмат о непорочном зачатии в строго научных категориях. Научные и технологические разработки по генной инженерии стволовых клеток, клонированию, трансгенной инженерии, репродуктивным технологиям открывают ошеломляющие перспективы произвольного управления биологической эволюцией человека. В этой связи предлагаются различные пути регламентации научных исследований. В частности, одним из такого рода проектов является открытый диалог между учеными, политиками и богословами. «Христианские, иудейские и мусульманские духовные лидеры могут предложить научному сообществу контекст, в котором следует размышлять» [7, с. 172] о развитии генной инженерии.

Попытки такого рода контроля и регламентации научных исследований упираются в сложнейшую проблему: последствия большинства научных открытий непредсказуемы и непредвидимы, а выработать критерии потенциально опасных знаний чрезвычайно сложно. Прогнозирующее знание принципиально не может быть равновеликим знанию технологическому. Требование стопроцентного исключения риска является просто нереализуемым, демагогическим. Не ясно также, кем должна осуществляться регламентация научных исследований: правительственными структурами, институтами гражданского общества, духовенством или самим научным сообществом на основе его автономии и саморегуляции. Очевидно, что ограничение академических свобод некомпетентным административно-бюрократическим аппаратом было бы губительным для науки, парализовало бы проведение научных исследований и разработок. Но отказ от каких-либо ограничений вообще ставит под угрозу само существование человечества. Кроме того, множество научных исследований ведутся в закрытых научных учреждениях (военных, космических, в частных корпорациях и т. п.). Тем не менее, не прекращаются попытки решить этот клубок проблем ввиду осознания учеными и обществом в целом новой роли науки в современном мире, ставшей источником реальной угрозы гибели цивилизации.

В разных странах существуют свои собственные модели регуляции деятельности научного сообщества. В основном, это инструменты воздействия на научные исследования с помощью определенной финансовой политики. Применяются также и политико-правовые меры. Первым шагом в этом направлении был Нюрнбергский кодекс 1947 г., определивший десять «моральных, этических и правовых» требований к медицинским экспериментам на людях. Кодекс накладывал запрет на проведение экспериментов, связанных с риском для жизни и нанесением непоправимого ущерба здоровью испытуемых. Вместе с тем из этого правила было сделано исключение для тех экспериментов, которые врачи проводят на самих себе. Возросшее гуманистическое самосознание науки нашло яркое выражение в Пагуошском движении, инициированном знамени-

тым Манифестом Рассела – Эйнштейна (1955 г.). ЮНЕСКО еще в 1974 г. были приняты «Рекомендации и статус научных работников». Среди важнейших принципов в этом документе были названы: интеллектуальная свобода искать, выражать и защищать научную истину; участие в определении целей и направлений выполнения программ, которые осуществляют ученые, и методов, которые следует принять по гуманистическим, социальным или экологическим аспектам проектов; возможность выхода из участия в научных проектах, если к этому вынуждают их негативные последствия. В парламентах некоторых стран созданы специальные комитеты по политически-правовым и нравственным вопросам науки.

Сегодня мы вполне осознаем абсурдность ситуации, при которой политико-идеологические институты бывшего СССР вмешивались в научные исследования и запрещали целые научные направления – такие как генетика и кибернетика. Такого рода идеологический диктат науке стал одним из пунктов обвинения политическому тоталитаризму, подавляющему свободную мысль. Однако принятие определенных политических решений по конкретным направлениям научных исследований в современных условиях стало необходимостью. В 1997 г. девятнадцать европейских стран подписали договор о разработке и принятии национальных законов, запрещающих клонирование людей как действий, унижающих человеческое достоинство и являющихся научным злоупотреблением.

Перед лицом невозможности долгосрочных прогнозов и калькуляции вероятности рисков от разработки и применения новых научных технологий следует руководствоваться простым предписанием: больше прислушиваться к пророчествам бедствий, чем к пророчествам благоденствия, «придавать угрозе большее значение, чем обетованию благ, и избегать апокалиптических перспектив даже ценою того, что при этом останутся нереализованными эсхатологические свершения» [5, с. 87]. Этот принцип – не совет благоразумия, но непрерываемый и безусловный императив, неразрывно связывающий научный поиск и применение технологий с основоположениями гуманизма.

Литература

1. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 707–735.
2. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
3. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Сочинения : в 2-х т. Т. 1. – М. : Мысль, 1971. – 590 с.
4. Горбовский, А. А. Предисловие / А. А. Горбовский // Свобода научного творчества и ответственность ученого. Реферативный сборник. – М. : ИНИОН, 1973. – С. 5–24.
5. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. / Г. Йонас. – М. : Айрин-пресс, 2004. – 480 с.
6. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: Т. III. Ч. I. / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1978. – 508 с.
7. Нейсбит, Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски

смысла. / Д. Нейсбит. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 381 с.

8. Резниченко, Л. А. Регламентирование научного исследования / Л. А. Резниченко // Свобода научного творчества и ответственность ученого. Реферативный сборник. – М. : ИНИОН, 1973. – С. 55–86.

С. Н. Сайгушева, Н. А. Тивикова
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ*

«Будь готов изменить свои цели, но никогда не изменяй свои ценности».
Далай-лама XIV.

Мы живем в век глобализации экономики и культуры, быстрого развития коммуникации и крупномасштабных миграций, урбанизации и преобразования социальных структур. Результат всего – эскалация нетерпимости и конфликтов на национальной почве. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, ибо она носит глобальный характер. Сегодня на первый план выдвигаются ценности и принципы, необходимые для общего выживания и свободного развития. В этом контексте ценностное значение обретает толерантность.

«Толерантность – это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира», – так говорится в Декларации принципов толерантности [3, с. 3]. В свою очередь толерантность – это человеческая добродетель: искусство жить в мире разных людей и идей, способность иметь права и свободы, при этом, не нарушая прав и свобод других людей. В то же время, толерантность – это не уступка, снисхождение или потворство, а активная жизненная позиция на основе признания иного.

На современном этапе развития любое государство претерпевает крупномасштабные изменения, как в области политики, экономики, права, так и в сфере духовной жизни общества, и в сфере образования. Подобная ситуация стимулирует общество на поиск новых отношений основанных на толерантности. Именно толерантность, наряду с моралью и нравственностью, должна стать сегодня тем сильнейшим регулятором жизни людей, который направляет государственное устройство, социальные структуры и индивидуальные стратегии поведения и существования по пути гуманизации и социально-культурного равновесия. Президентом России В. В. Путиным предложена программа «Вос-

* Научное исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы: соглашение на предоставление гранта №14.В37.21.0989. Тема гранта «Методология развития социокультурных констант образовательного пространства инновационного вуза в структуре устойчиво-развивающегося общества».

питание молодого поколения в духе толерантности». Программа направлена на формирование толерантного сознания и профилактики национального экстремизма в гражданском обществе [4, с. 257].

Толерантность необходима в отношениях как между отдельными людьми, так и на уровне семьи и государства. В школах и университетах, в рамках неформального образования, дома и на работе необходимо укреплять дух толерантности и формировать отношения открытости, внимания друг к другу и солидарности. Средства коммуникации способны играть конструктивную роль в деле содействия свободному и открытому диалогу и обсуждению, распространения ценностей толерантности и разъяснения опасности проявления безразличности по отношению к набирающим силу группам и идеологиям, проповедующим нетерпимость. Здесь важную роль играет образование. «Педагогика сотрудничества» и «толерантность» – те понятия, без которых невозможны какие – либо преобразования в современной системе образования. Действительно, образовательная деятельность является главным средством развития толерантности в обществе, как отмечается в «Декларации принципов толерантности» [3, с. 3].

Толерантность являет собой новую основу педагогического общения учителя и ученика, сущность которого сводится к таким принципам обучения, которые создают оптимальные условия для формирования у обучающихся культуры достоинства, самовыражения личности, исключают фактор боязни неправильного ответа.

Установка толерантного поведения выступает как условие нормального функционирования гражданского общества и даже как условие выживания человечества. Следовательно, толерантность необходимо развивать, стимулировать и корректировать, а целью ее формирования является позитивное взаимодействие со всеми людьми. Данную цель призваны реализовать все институты воспитания. Основные личностные ориентиры закладываются в подростковом возрасте через личный жизненный опыт. Подростковый возраст традиционно считается самым трудным в воспитательном отношении. Сложности в воспитании возникают из-за бурного роста и физиологической перестройки организма, полового созревания, различного рода психофизиологических и психических отклонений. Главная новая черта, появляющаяся в психологии подростка по сравнению с ребенком младшего школьного возраста, – это более высокий уровень самосознания, потребность осознать себя как личность. В этом возрасте необходимо заложить основы толерантного поведения [1, с. 271]. Именно в этой связи выступает необходимость формирования у современного подростка способности быть толерантным, в становлении у него универсальных методов ориентации в сложном, разнообразном, противоречивом мире.

Закладывая фундамент культуры толерантности подростка, образование участвует в процессе становления полноценной личности и в процессе ее социализации. Целевой параметр обучения включает множество перспектив, среди них развитие смысловых структур сознания подростков, становления у них индивидуальной картины мира, подготовка их к участию в решении жизненных

проблем. Содержательный параметр обучения предполагает наполнение содержания учебного процесса идеями толерантности. Технологический параметр обучения должен быть представлен механизмами, включающими, запускающими и поддерживающими процесс смыслообразования подростков, их смысловой выбор, самовыражение, самоактуализацию в соответствии с толерантными установками. Организационный параметр учебного процесса должен происходить с позиции вариативности, гибкости организационных систем, способности адаптироваться к смысловым приоритетам подростков. На уровне реализации учебной деятельности задачи педагогического управления состоят в регулировании деятельности учащихся путем создания ситуаций, способствующих проявлению сдержанности, уступчивости, терпимости. Педагогическое управление приобретает характер поддержки, рефлексии, актуализации толерантной оценки изучаемых учащимися событий и фактов, а также толерантного поведения учащихся. Объективированные смыслы толерантной культуры преобразуются в собственно личностные смыслы учащихся. Процессы смысловой рефлексии подростков, как правило, сопровождаются активизацией их эмоциональной сферы. Если в традиционной «знаниевой» модели осуществляется главным образом деятельность воспроизводящая, в деятельностной модели – предметная деятельность, в проблемной модели – мыследеятельность, то в смыслообразующей модели основная деятельность – это деятельность переживания, и именно благодаря ей происходит формирование толерантности [2, с. 13].

Итак, являясь нравственным качеством, толерантность не возникает на пустом месте и не является врожденным, как и практически любое нравственное качество. Путь к толерантности – это серьезный эмоциональный, интеллектуальный труд и психическое напряжение, ибо оно возможно только на основе изменения самого себя, своих стереотипов, своего сознания в процессе образования и воспитания.

Литература

1. Вафина, Э. Д. Формирование толерантных отношений у молодежи / Э. Д. Вафина // Преподавание истории в школе. – 2004. – № 3. – С. 56–58.
2. Вульф, Б. З. Воспитание толерантности: сущность и средства / Б. З. Вульф // Внешкольник. – 2002. – № 6 – С. 12–16.
3. «Декларация принципов толерантности» Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции Юнеско от 16 ноября 1995 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (Толерантность – гармония в многообразии).
4. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2002–2005 гг.) // Народное образование. 2002. – №1. – С. 255–261.

Д. А. Салимова, Р. Х. Салимов
Елабужский институт Казанского федерального университета

3. КАМАЛИ – ФИЛОСОФ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ О ЗНАНИЯХ И О ВЕРЕ

Современное человеческое общество, ища выход из духовно-нравственного кризиса (ведь по сути сегодня ценности человеческие воспринимаются совершенно неоднозначно), все чаще оглядывается назад, к истории – к истокам, корням, к тому, что и как было сказано мыслителями много лет тому назад.

Как всякие противоположности, знание и вера не могут существовать по отдельности. Что бы мы ни делали, они вместе присутствуют в любом нашем поступке и даже в каждой мысли, утверждают некоторые современные авторы; то есть имеет место попытка противопоставить веру и знания даже при осознании их теснейшей взаимосвязи.

Современная философия (позитивизм, неопозитивизм) преимущественно базируется на научном идеале знаний, хотя в ряде течений (экзистенциализм, феноменология и др.) встречаются мыслители, отстаивающие приоритет веры, как способа понимания, над знанием. Проблема взаимодействия веры и знания, религии науки до сих пор остается открытой и актуальной в связи с явлением «парадигмального кризиса» научного мышления.

В последние годы татарскими учеными проводится огромная работа для воссоздания общей картины формирования и развития татарской общественной мысли в широких хронологических рамках XI – начала XX веков. Этот период в тысячу лет охватывает весьма разнообразные по экономическим и социально-политическим условиям национальной истории в составе четырех государственных образований: Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и России. На наш взгляд, самым плодотворным, вписавшим золотые страницы в татарскую философскую мысль, этапом оказалось просветительство.

Современное общество – общество знания и информации, общество, в котором неизмеримо возросло значение ценностей знания и образования. Начиная с Нового времени имманентные границы науки определялись с помощью и на основе методологического сознания конструктивного типа.

В то же время, как это ни парадоксально на первый взгляд, люди, живущие на Земле в разных странах и государствах, сегодня все чаще и чаще обращаются к Богу (Аллаху), ощущая духовно-нравственную потребность быть подчиненным Великому Разуму. Парадокс заключается в том, что все это происходит на фоне культурно-исторического факта, когда идет тотальное обезличивание человека вследствие влияния на его духовный мир феноменов отчуждения, деидеологизации. Это обстоятельство позволяет ряду современных философов смело заявить о том, что «пока нельзя говорить о том, что ценность знания, науки, информации имеют в современном обществе действительно большой вес и что глобализация этот вес значительно повышает. Некоторые исследователи приходят к выводу, что, возможно, в прежней истории эти ценности имели более высокий статус и привлекательность» [2, с. 11]. Именно так, с высоким пиететом, относились к знаниям, науке известные татарские мысли-

тели прошлого.

Как известно, татарское общество XIX–X вв. представляет собой общество переходного периода. Оно является реформирующимся и трансформирующимся, характерными чертами которого выступают формирующаяся индустриальная капиталистическая экономика, секуляризация, коммодификация, рационализация всех аспектов социальной жизни, ускорение темпа обыденной жизни и фрагментарность опыта людей. В этот период особо остро встают проблемы традиционного (веры) и нового (знания) в национально-духовной жизни татар. В связи с этим возникает проблема выяснения соотношения веры Всевышнему и знания, которое добывалось и приобреталось Человеком во все времена.

Известно, что одним из основополагающих принципов классического Просвещения является непререкаемый суд разума, авторитету которого подлежит весь окружающий мир, т. е. для просвещения наука, разум, знания имели концептуальное значение во все времена.

Татарская общественная мысль, имеющая многовековую историю, стала привлекать к себе внимание исследователей как предмет научного интереса сравнительно недавно. Широкий спектр этнокультурных, этнополитических, этнолингвистических факторов, исторических этапов формирования татарского народа продолжает порождать различные концептуальные подходы в освещении татарской общественной мысли. В трудах Я. Г. Абдуллина, Р. М. Амирханова, Р. Ф. Мухаметдинова, А. Н. Юзеева, Ф. М. Султанова, Т. К. Ибрагима, Р. М. Мухаметшина, Р. С. Хакимова, М. М. Хасанова, и др. освещены и систематически изложены различные аспекты татарской общественной мысли с многообразием ее социальных, политических, этических и иных проблем. Серьезные труды, увидевшие свет в последние годы, среди которых: «Очерки истории татарской общественной мысли» (научный редактор Р. М. Амирханов, 2000), «Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте» (Т. К. Ибрагим, Ф. М. Султанов, А. Н. Юзеев, 2002), «Проблема человека в трудах татарских богословов» (Л. Тухватуллина, 2003), «Татарские интеллектуалы: исторические портреты» (научный редактор Р. М. Мухаметшин, 2005) и «Очерки Марджани о восточных народах» (А. Н. Юзеева, 2003) и др., – в основном посвящены сравнительному исследованию проблем развития философии с ее различными направлениями религии и политики, ислама и государства и стали весомым словом в исследованиях татарской философской мысли. Что касается духовной истории татарского народа, то это находится на периферии научного исследования и освещается далеко не достаточно. Далеко не полно исследованы вопросы сути и истории религии, что, несомненно, было одной из составляющих татарской общественной мысли. Проблема же соотношения веры и знания (науки), образования, в преломлении проблемы к составляющим татарской просветительской мысли в татарской философской науке специальному исследованию не подвергалась. Исключением в этом плане являются замечательный коллективный труд Т. К. Ибрагима, Ф. М. Султанова, А. Н. Юзеева (см. выше) и указанная книга Лейлы Тухватуллиной: в них проблема веры и наук исследу-

ется в общемусульманском контексте, представлена пантеистическая интерпретация арабо-мусульманской философии.

В качестве предварительного замечания следует отметить, что для татар испокон веков образование, знание выдвигались на передние позиции в оценке личности (нами составлена картотека из 300 народных пословиц и поговорок – а это краткие тезисы народной мудрости – в них призыв к получению образования).

Воспитание, образование, культура, разносторонняя образованность личности в трудах татарских просветителей выдвигаются в качестве главных антропоцентрических критериев, и это имело многовековую историю в недрах татарской народной и духовной мысли, всегда стремящейся к обновлению, открытой другим ценностям.

При этом лишь со второй половины XIX века становятся заметными изменения в сознании социума, на первых порах ощутимые в среде ограниченного числа интеллектуалов. Среди личностей, деятельность которых имела особое значение в деле обновления различных сторон жизни, например, в плане развития наук, образования-культуры, прежде всего необходимо называть Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахретдина и З. Камали.

Ученым-просветителем, в философских воззрениях которого человеческие знания, вера, науки и Знания Божественного представляли концептуальное единство, был **Зияэтдин Камали** (1873–1942). Он был одним из тех редких мыслителей среди татар, кому посчастливилось получить образование на философском факультете университета аль-Азхар в Каире. Сущность религиозного реформаторства в наследии мыслителя заключалась в последовательном проведении принципа веры и разума в самой религии. З. Камали «отвергает принцип таклида (слепое подражание традиционным канонам), подчеркивая необходимость замены его разумностью, так как Коран указывает на первичность науки как средства для принятия мусульманских заключений» [4, с. 216]. Если вера – это цельное изложение истины, то наука – это то же самое знание, но только постигаемое не в целом, а в частностях. Научные истины не только не противоречат религии, а наоборот, способны еще более поднять авторитет ислама, так как в священном Коране имеется множество указаний на научные открытия, которые лишь недавно стали достоянием науки.

«Философия Ислама» (Фалсафа Исламийа) – это фундаментальный труд Зияэтдина Камали, издававшийся с 1909 по 1911 год. Сочинение состоит из нескольких книг: двух томов, под общим названием «Философия веры» (Фалсафа игътикадийа), двух томов под названием «Философия поклонения» (Фалсафа-и гыйбадэт) и приложения к первому тому «Справедливость Аллаха» (Аллаһ гадяляте). «Философия Ислама», «Философия веры» – это труд во многом программный по своему содержанию. Здесь автор отвечает на самые актуальные вопросы, которые задавала противоречивая эпоха начала XX века Исламу и российским мусульманам. Особого внимания заслуживает тот факт, что З. Камали часто обращается к наследию европейских философов и ученых. На страницах книги нередко встречаются имена Сократа, Платона, Аристотеля, Н. Ку-

занского, Ньютона, Вольтера, Сен-Симона, Л. Толстого и многих других: ученый, хорошо знающий научную мысль Запада и России, с великим уважением относился к представителям другим народам и другой веры.

В своих трудах З. Камали проводит мысль о том, что Человек способен постичь все содержание веры разумом, не зря все философы к осознанию тех же истин приходили на закате своих дней. Зияэтдин Камали подчеркивает, что научные данные в Коране изложены не столь четко и доступно, как это делает современная наука. Коран – это не цельный трактат, и научные данные приводятся там лишь с целью доказательства соответствия коранических положений законам Вселенной и как доказательство того, что священная книга является результатом божественного откровения. «В мире ислама сколько бы ни развивались знание и наука, настолько же будет укрепляться религия» [5, с. 138], утверждал З. Камали. Призыв к знанию, по сути, означал призыв к познанию и пониманию Аллаха. Если рационализм – стремление осознать основные положения религии с помощью разума, антиавторитаризм, просветительство и пантеистическая ориентация – сближал З. Камали с представителями калама, идея непостижимости сущности Всевышнего отличала его от фальсафы. «Скорее всего концепция З. Камали близка к мутазилитскому направлению калама, считающемуся в науке триумфом свободомыслия» [5, с. 139].

Таким образом, идея соотношения веры и знания у З. Камали была для своего времени весьма прогрессивной. Она открывала дорогу научному поиску, прогрессу, ратовала за разностороннюю образованность, сохраняя при этом высокий авторитет ислама, особо указывая на важность для человека его аксиологических аспектов и нравственных традиций, связанных с историко-культурными традициями татарского народа.

Татарские просветители сумели проложить своего рода логический мостик, явились связующим звеном между джадистами умеренного направления, т. е. между религиозно-мусульманским, и западно-европейским пластами в мировоззренческой парадигме татарской общественной мысли. Им удалось синкретически соединить религиозно-традиционалистские, реформационно-ренессансные и просветительские начала.

Так, З. Камали как один из представителей просветительства, живший в эпоху разноосновную, амальгамную, стал одним из прогрессивных деятелей своего времени. Для него «философия Просвещения служила для обоснования просветительских, социальных, этических и культурных программ, выражавших потребности национального самосознания татарского народа в период формирования как современной нации» [6, с. 13].

Литература

1. Ибрагим, Т. К. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте / Т. К. Ибрагим, Ф. М. Султанов, А. Н. Юзеев. – Казань, 2002. – 239 с.
2. Мотрошилова, Н. В. Идея единой Европы: философские традиции и современность. Часть вторая / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2004. – № 12. – С. 3–18.
3. Очерки истории татарской общественной мысли. – Казань : Тат.кн.изд-во, 2000. –

119 с.

4. Пустарнаков, В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : bookfi.org/book/989796.

5. Татарские интеллектуалы. Исторические портреты (Научный редактор и составитель Р. М. Мухаметшин). – Казань, 2005. – 271 с.

6. Тухватуллина, Л. Проблема человека в трудах татарских богословов / Л. Тухватуллина. – Казань, 2003.

7. Юзеев, А. Философская мысль татарского народа / А. Юзеев. – Казань: Тат.кн. изд-во, 2007. – 214 с.

Р. С. Сартаева

Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН Республики Казахстан, г. Алматы

ФИЛОСОФИЯ ЭКОЛОГИИ КАК НОВАЯ ОБЛАСТЬ ЗНАНИЯ

Как известно, в современной науке происходит процесс смены парадигм: ньютоно-картезианская модель мира сменяется новыми представлениями о природе реальности. Новейшие научные исследования в самых разных областях научного знания повлекли за собой формирование новых подходов к пониманию материи, пространства, времени, линейной причинности и так далее. Однако формирующуюся в современной науке новую парадигму можно назвать, прежде всего, экологической, так как в структуре современного научного познания определяющими, интегрирующими тенденциями становятся тенденции «экологизации» (как когда-то – «физикализации», «математизации», «кибернетизации» и т. д.). Сама наука экология (ее предмет, методы, задачи) к настоящему времени подверглась значительным изменениям, выйдя далеко за рамки своего изначального статуса скромной науки в цикле биологических дисциплин.

Планетарный масштаб современной деятельности человека способствовал включению проблем человека в предметную область экологии. Из частной биологической дисциплины она превращается в колоссальную междисциплинарную область – меганауку, занимающуюся исследованием воздействия на биологические объекты не только естественных факторов среды, но и многочисленных процессов антропогенного характера. Поэтому, как считают многие ученые, в современном научном толковании «экология» понимается и как комплексная наука, и как общенаучный подход, и как мировоззрение. Такая «новая» экология, на наш взгляд, явилась одним из важнейших катализаторов в начавшемся процессе смены научных парадигм.

Фундаментальный характер проблемы взаимоотношений общества и природы привел к возникновению тенденции активного проникновения в теоретико-познавательные и прикладные исследования экологических принципов, методов и подходов. В результате фактически ни одна из дисциплин современного цикла наук о природе и обществе не обошлась без создания соответству-

ющей экологической специализации в рамках традиционного знания. Формирование таких научных дисциплин, как экохимия, экоматематика, экоправо, явилось результатом самой логики развития науки. Что касается философии, то, конечно же, фундаментальный характер экологической проблематики, обусловивший формирование экологически релевантного мировоззрения, способствовал включению экологических проблем в круг вопросов, исследуемых философским мышлением. Следствием такого включения стало формирование новой области знания на стыке «человекознания» и «природознания», которому многие научные исследователи стали называть философией экологии. Философия экологии, на наш взгляд, представляет собой результат преодоления чисто сциентистской трактовки философии, с одной стороны, и осознания важности соединения рефлексии над наукой (данном случае, экологического знания) с этической экспертизой, с другой стороны. Философия экологии вносит свой весомый вклад в формирование нового миропонимания, новой системы ценностей, экологического мировоззрения. К философии экологии можно отнести, на наш взгляд, в первую очередь, бурно развивающуюся экологическую этику, или, как ее еще называют, энвайронментальную этику (от англ. *environment* – окружающая среда). Под ней в настоящее время понимают направление философских исследований, в которых «в качестве моральных проблем человека рассматриваются не только благополучие и социальные связи людей, но и ответственность за благо будущих людей, домашних животных и других форм жизни» [1, с. 422]. Экологическая этика предлагает ценностную переориентацию сознания от антропоцентризма к биоцентризму и экоцентризму как новому типу экологического сознания, основанному на принципе коэволюции человека и биосферы. Разрабатываются основные характеристики и практические указания по формированию экоцентризма [4].

Очень интересным в плане потенциала вклада в формирование нового миропонимания и экологического мировоззрения, на наш взгляд, является теоретическое направление в экологической этике, называемое глубинной экологией (*deep ecology*). Разрабатывают ее Арне Наэсс, У. Фокс, Ф. Метьюз, М. Циммерман и другие исследователи. В основе глубинной экологии лежит попытка, стремление к синтезу восточного и западного типов мировосприятия в высшем экологическом сознании, достигаемом в личном духовном опыте переживания микрокосмоса и макрокосмоса [4]. Важно то, что у «глубинных экологов» уже есть масса последователей во всех концах света. Существуют психологические практикумы, на которых люди идентифицируют себя с реками, цветами, бабочками, птицами. Многие считают, что глубинная экология становится стилем жизни и мерой сопричастности ко всему сущему. «Глубинные экологии» считают, что в обществе людей вызревает новое отношение к миру, в котором человек – не сторонний наблюдатель и судья, не царь и не венец природы, а ее часть. Глубинная экология способствует, что очень важно, формированию человека сострадающего.

В формировании нового миропонимания большая роль принадлежит, на наш взгляд, такому синтезирующему междисциплинарному направлению, обра-

зовавшемся на стыке экологического знания и «человекознания», как экология человека, которую при условии включенности в ее предмет, методы и задачи нового понимания духовности, основанного на новом понимании принципа целостности, можно отнести к философии экологии. Экология человека пока еще находится в стадии становления, но потенциал ее возможного вклада в создание новой системы ценностей, нового взгляда на картину мира, уже сейчас можно оценить очень высоко. Более того, экология человека при реализации указанных выше условий имеет перспективы перерастания в мега-теорию. Понимание того, что взаимодействие человека с окружающим миром есть, прежде всего, его мироотношение и включение проблем мироотношения в свою предметную область сразу вывело экологию человека за рамки социолого-географо-медико-биологического научного направления на общий научно-теоретический и даже мировоззренческий уровень. Поэтому, на мой взгляд, экология человека представляет собой новый уровень осмысления реальности, включающий в себя медико-биологический, научно-теоретический и философско-методологический аспекты. Правда, два последних аспекта находятся в стадии формирования. В случае их полноценного развития экология человека может перерасти в мегатеорию, которая могла бы лечь в основу полноценной общей теории взаимодействия природы и общества и целостной концепции человека, социальный заказ на которые уже давно созрел в обществе. Как уже отмечалось ранее, такое полноценное развитие экологии человека возможно при условии включения в ее предметную область, цели и задачи духовного здоровья человека, нового понимания духовности (как сущности человека), основанного на новом понимании принципа целостности. Духовность как сущность человека, на наш взгляд, следует понимать не только и не столько как интеллектуальность или чистую мораль, а как осознание человеком своей причастности и соразмерности истине бытия, как внутреннее стремление человека к самоопределению посредством познания единой глубинно-онтологической основы космоса и человеческого существа. В новом понимании принципа целостности, соответствующем мировоззренческо-методологическим установкам экологически релевантного подхода к проблемам взаимодействия части и целого, системы и ее структурных элементов, организма и среды, акцент должен ставиться не на внутренней детерминированности, самодостаточности объекта как аутопойэтической системы, а на его «извне-окружении» (всеобщих связях) [2].

Экология человека включает в сферу своей научной компетенции диалектическое единство (взаимообусловленность и взаимоопределение) важнейших, актуальнейших проблем современности: экологических проблем и проблем человека. Интегрированные в состав единой предметной области экологии человека, эти проблемы приобретают новое измерение, раскрывают новые грани своей содержательно-смысловой определенности. Соответственно, качественные преобразования традиционных проблемных полей экологии и человековедения, возникающие – в силу эффекта эмерджентности – при их интерференции в составе предметной области экологии человека, требуют разработки качественно новых мировоззренческих контекстов и концептуально-

методологических средств их исследования. В то же время одной из определяющих тенденций развития духовно-интеллектуальной сферы современного мира является возникновение и усиление роли экологически ориентированной философии и науки. Экологическая парадигма, экологические критерии и регулятивы становятся органической составной частью новой картины мира и методологии ее построения современным естественнонаучным и социогуманитарным познанием. Данным обстоятельством определена актуальность философского анализа формирования той системы онтологических, аксиологических и теоретико-методологических координат, в которой экология человека конституируется как качественно новый уровень осмысления экологической и философско-антропологической проблематики в единстве естественно-природных, социальных, культурных, духовных детерминаций человеческого бытия.

Следствием научных открытий и формирования новых теорий в самых разных областях научного познания стали фундаментальные изменения в научно-философской картине мира и, соответственно, резко возросшая необходимость философского осмысления этих изменений. Актуализация проблем экологии человека сегодня во многом обусловлена общей ситуацией как в области философской методологии исследования человека, так и тенденциями в развитии гуманитарного знания и конкретных наук о человеке. Требования сегодняшнего дня в развитии философско-антропологического знания во многом связаны с синтезо-интеграционными тенденциями, с созданием методологии, опирающейся как на философские основоположения, так и на новейшие достижения в области наук о человеке.

Современная наука раскрывает перед человеком парадоксальный мир Вселенной, в эволюции которой совершенно иначе, чем в ньютонокартезианской модели мироздания, определяется онтологический статус Человека, Разума, Духовности. Вместе с тем в философском осмыслении и мировоззренческой интерпретации сущности новых представлений о бытии, ученые открывают многозначительные параллели, совпадения, перекликания выводов постнеклассической науки с оккультными, мистическими, эзотерическими учениями, системами. В этой связи, очень актуальными являются исследования тех проблем, возможностей и перспектив, которые раскрываются перед экологией человека современной наукой и новым взглядом на метафизические концепции мира, человека, сознания, представленные в истории мировой философии, в разного рода мистических и эзотерических учениях.

Что касается философии экологии в целом, актуальность исследований в области философии экологии обусловлена происходящими в современную эпоху процессами радикальных преобразований всей совокупности условий существования человека и общества. Несомненно, что беспрецедентное во всей мировой истории обострение экологических проблем, как региональных, так и планетарного масштаба, является как следствием, так и причиной и составной частью общего, системного кризиса современной цивилизации, ее агрессивнорасширительных установок по отношению к природе и человеку. Современная наука и основанные на ней высокие технологии дают человеку возмож-

ность оперировать силами планетарного масштаба, но это могущество становится источником реальной угрозы апокалипсиса, гибели цивилизации. Научно-технологический прогресс, освобожденный от ориентации на всестороннее, свободное и универсальное развитие духовной сущности человека, его творческих способностей и дарований, привел к возникновению тотально дегуманизованного мира – мира, в котором система взаимодействия природы, общества и человека подчинена отчужденной от духовно-нравственных измерений логике потребностно-полезностных отношений. В рамках такой логики, когда, по словам К. Маркса, триумф научно-технического прогресса покупается ценой моральной деградации человека, принципиально невозможно не только эффективное разрешение, но и адекватная постановка экологических проблем в единстве их медико-биологических, научно-теоретических, социально-культурных, философско-мировоззренческих, экономических, политико-идеологических параметров.

В этой связи философия экологии, экология человека могут внести существенный вклад в разработку концепции устойчивого экологического развития, разработанной в соответствии с философскими и научно-теоретическими принципами духовной эволюции. Философия экологии, экология человека могут стать своего рода мировоззренческой, этико-аксиологической и теоретико-методологической платформой для разработки новой стратегии и нового типа социально-политических технологий культурно-цивилизационного развития как мирового сообщества в целом, так и Республики Казахстан.

Литература

1. Ермолаева, В. Е. Экологическая этика / В. Е. Ермолаева // Новая философская энциклопедия (в 4-х томах): «Т-Я». – М. : Мысль, 2001. – Т. 4. – С. 422–423.
2. Сартаева, Р. С. Экология человека, новая онтология и устойчивое развитие Казахстана : монография / под общ. ред. З. К. Шаукеновой / Р. С. Сартаева. – Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2012. – 207 с.
3. Тимофеева, С. С. Основы современного естествознания и экологии. / С. С. Тимофеева, С. А. Медведева, Е. Ю. Ларионова. – Ростов н/Д : «Феникс», 2004. – 384 с.
4. Naess, A. Demystifying the critiques of deep ecology / A. Naess // Environmental philosophy: from animal rights to radical ecology/general editor, M. Zimmerman and others. – Upper Saddle River, N.Y. : Prentice Hall, 1998. – P. 181–200.

Н. Н. Синдянкин

НОУ ВПО «Мордовский гуманитарный институт», Россия, г. Саранск

ИНФОРМАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ В КОММУНИКАЦИЯХ

Информационное значение в коммуникативных структурах определяет относительно стабильное во времени и инвариантное, неизменное, содержание информации, варьирующейся в зависимости от особенностей коммуникативных отношений. Есть два пути повышения смысловой нагрузки, изменения

эксплицитности и имплицитности, напряженности и ненапряженности коммуникативной структуры – это (интенсивный и экстенсивный). Интенсивный способ повышения информативности знаков связан с процессом свертывания информации за счет сокращения объема знакового пространства при сохранении объема самой информации. Экстенсивный способ повышения информативности языковых структур увеличивает информативность за счет объема информации. Он связан с введением дополнительной информации, которая конкретизирует, поясняет, расширяет знания о предмете сообщения. В концепциях русской философии в большей степени отсутствует эпистемология объяснения вводимых понятий. Они по своей сущности в большей степени носят интенсивный характер информации.

Механизм обоснования смысла в информационных структурах общества предполагает, что информация сама по себе, не одухотворенная человеческой эмоциональностью, не способна двигать вперед культуру, способствовать прогрессу духа [2, с. 60–63]. Социумные основы информационного общества представляют отношения, которые выражают отношения людей к другу. В условиях секулярного общества необходимо пересмотреть эти основания социума и искать ее надо, прежде всего, в тех областях человеческой жизни, где преодолевается случайность, обеспечивающая порядок и стабильность.

Информационные социосистемы, объединенные определенными принципами, дифференцируются пределами сложности и бедности. Это две противоположные точки в модели развития информационного общества. Предел сложности возникает при дефиците или неразвитости принципиально необходимой «гуманитарной» (управляющей) технологии и представляет собой ту степень структурной переизбыточности цивилизации, при которой связность ее резко падает, а совокупность «физических» технологий теряет системные свойства. В этом случае культура уже не успевает адаптировать к человеку вновь возникающие инновации и техническая периферия цивилизации начинает развиваться, как правило, хаотически. Это приводит к рассогласованию человека и техносферы, человека и государства, человека и общества, результатом чего является возрастание динамики катастроф. Предел бедности в свою очередь возникает при отсутствии или недостаточной развитости принципиально необходимой в данной фазе цивилизации «физической» технологии и представляет собой то крайнее состояние, при котором системную связность теряют уже «гуманитарные» технологии. Это также приводит к внутреннему рассогласованию цивилизации и, как следствие, к возрастанию динамики катастроф [1, с. 31–32].

По Дж. Форрестеру, оба предела образуют поверхности в пространстве решений, которые цивилизация не может преодолеть без разрушения своей жизнеобеспечивающей структуры. Если вектор развития пересекает одну из этих предельных поверхностей, глобальный структурный кризис является неизбежным. Дальнейшая трансформация социальной сферы информационного общества приводит к его дифференциации либо в положительную, либо в отрицательную сторону, поэтому необходимо показать динамику социальных последствий информатизации. Хессигом, определены два крайних уровня общей

системы дифференциации социальных процессов. Структура информационного общества – информационный поток, информационная деятельность и информационная технология – проецируется на информационные социосистемы. Таким образом, можно выделить взаимосвязь между структурными уровнями информационного общества («срез по горизонтали») и между уровнями в структуре социосистем, из которых оно формируется («срез по вертикали»).

Итак, информационное значение в контексте информационных структур в большей своей части варьируется и носит неоднозначный характер. Методологическим обоснованием этих отношений в контексте синергетической парадигмы является упорядочение и образование новых структур. Они определяются как самовоспроизводящиеся, что дает им возможность создавать циклические информационные структуры, которые упорядочивают свои отношения и взаимодействия в рамках правового обеспечения государственной информационной политики.

Литература

1. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М.: Владос, 1994. – 436 с.
2. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А. Н. Аверьянов. – М. : Политиздат, 1985. – 263 с.
3. Тихомиров, О. К. Искусственный интеллект и теоретические вопросы философии / О. К. Тихомиров // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. – М., 1979. – С. 10–22.

Е. Н. Чекушкина

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

На современном этапе время в нашей стране происходят существенные изменения в образовательной политике. Задачей современного образования становится раскрытие потенциала всех участников образовательного процесса, предоставление им возможностей проявления творческих способностей. Сегодняшняя образовательная культура – это результат огромных перемен, произошедших в системе отечественного образования за последнее время.

Образовательная культура формируется в образовательном сообществе и выполняет в этом сообществе нормативную функцию. Она, с одной стороны, выступает как составная часть общей культуры общества. С другой стороны, представляет собой относительно самостоятельную подсистему общества, отражающую своеобразие культурной деятельности, определяющую в первую очередь специфику системы целей и ценностей, реальное место института образования в обществе. Именно она определяет мотивационную сферу деятель-

ности человека, социальную направленность всех общественных преобразований.

Инновационный процесс – комплексная деятельность по разработке, распространению и использованию чего-либо нового. Изменение роли образования в обществе обусловило большую часть инновационных процессов. Образование становится активным социальным институтом, в котором актуализируется инновационный потенциал. Приоритетной задачей образования становится интенсификация инновационной деятельности.

Инновационные процессы, происходящие в образовании, открывают новые возможности и перспективы для человека. Инновации являются не только одним из факторов развития общества, но и предполагают всестороннее освоение новшеств в различных областях практики при сохранении в инновационной системе динамического единства старого, современного и нового.

Инновационные процессы способны генерировать научно-теоретическое знание, новые эффективные образовательные технологии, разработку идей в прикладном аспекте и реализацию инноваций на практике. Инновационные процессы в образовательных системах осуществляются в следующих направлениях: формирование нового содержания образования, разработка и внедрение новых педагогических технологий, создание новых видов учебных заведений.

Инновационные процессы в образовательной культуре должны ориентироваться на создание таких технологий и способов воздействия на личность, в которых обеспечивается баланс между социальными и индивидуальными потребностями. Именно они обеспечат готовность личности к реализации собственной индивидуальности и изменениям общества.

Образовательные инновационные процессы связаны с введением нового в цели, содержание, методы и формы обучения и воспитания, организацию совместной деятельности учителя и учащегося; нового, полезного, результативного (новых механизмов, методик, техник, продуктов, услуг). Основная цель – повышение эффективности образовательной культуры.

Формирование инновационной образовательной культуры связано, прежде всего, с развитием творческих способностей и реализацией креативного потенциала обучаемых, способных к осуществлению эффективной инновационной деятельности. При высоком уровне инновационной образовательной культуры произойдет превращение ее развития в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения и т. д. Однако инновационный процесс в какой-то момент может быть стихийным и существовать за счёт внутренней саморегуляции. Отсутствие регуляции и управления в образовательной культуре может привести к затуханию инновационного развития.

Существует множество инноваций, применимых к образованию. Они играют огромную роль в существовании и дальнейшем развитии современного образования. Сегодня необходимо найти подход к исследованию инновационных процессов, где анализ инновационных проблем включает в себя применение современных достижений не только в области науки и техники, но и в сфе-

рах управления, образования, права и др. Инновационный процесс – комплекс взаимосвязанных микроинновационных процессов, происходящих в образовательной культуре.

Инновационные процессы, происходящие в образовательной культуре, способствуют формированию инновационной культуры – особой формы человеческой культуры, предполагающей тесную взаимосвязь с другими ее формами, прежде всего с правовой, управленческой, предпринимательской и т. д. Инновационная культура – способность общества, с его гуманитарной, технической и социально-экономической средой к восприятию инноваций. Овладевая инновационной культурой, субъект становится создателем первичных когнитивных единиц, которые впоследствии могут быть эксплицированы как новации. Знание методологии инновационной культуры будет способствовать решению профессиональных задач в условиях инновационных изменений в образовательной системе.

Современная инновационная образовательная культура требует формирования нового типа человека, что возлагает особую ответственность на таких агентов социализации, как образовательные учреждения разного уровня, главной задачей которых должна быть не просто передача знаний, умений и навыков, а формирование способностей адекватно реагировать на нестандартные, креативные ситуации в условиях быстро изменяющейся социальной реальности, способностей и мотивации к саморазвитию, самообразованию, новаторству.

С. С. Четвергова

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск.

ДВОЕМИРИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ Ю. МАМЛЕЕВА

С двоemiрием как структурообразующим принципом мы сталкиваемся в произведениях писателей постмодернистского толка (В. О. Пелевин, В. В. Орлов, А. А. Ким и др.), в которых он находит свое переосмысление в соответствии с задачами, стоящими перед автором, его эстетической позицией и философскими взглядами в целом. В некоторых случаях в функции «второй реальности» выступают аллюзии и реминисценции, «отсылающие» читателя, например, к мифам, и миф становится своеобразной ценностной шкалой «вечных истин», с которой соотносится «временное», т. е. настоящее (Т. Н. Толстая, Л. С. Петрушевская, Л. Е. Улицкая и др.). К первой группе писателей-постмодернистов, несомненно, относится и Ю. В. Мамлеев.

Специфика интерпретации традиционного двоemiрия в художественной практике Ю. В. Мамлеева обусловлена философской концепцией писателя и его художественным методом – методом метафизического реализма.

В работе «Судьба бытия» [3] Мамлеев излагает свою концепцию не только метафизического реализма, но и метафизики.

Если академическая философия определяет метафизику как науку о сверхчувственных началах бытия, как «обозначение попытки мысли выйти за пределы эмпирического мира, выход разума во внеэмпирическую реальность»; познание «бытия, поскольку оно бытие»; «знание о Боге и субстанции сверхчувственной» (Аристотель), то философия новейшая представляет метафизику как «вопрошание, в котором мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нем так, что сами, спрашивающие, оказываемся поставлены под вопрос» (М. Хайдеггер) [цит. по: 5, с. 176].

Ю. Мамлеев тоже считает метафизику принадлежностью «мира чистых духовных сущностей», то есть сферы надкосмической, божественной, относящейся к первоначалу и духу как таковому: весь мир «невидимого» Космоса относится к сфере иного познания». Однако важнейшими писатель называет метафизические принципы (или «реалии»), лежащие в основании мироздания и открывающие «туманный ход иных миров» и времен, дешифрующие скрытые символы человеческого существования. И те «вечные вопросы, которые человеческий разум задает нередко безмолвному Первоначалу, – как бы ни были они наивны с абсолютной точки зрения, могут относиться к метафизическим вопросам».

«Метафизическая реальность», таким образом, присутствует во всех мирах априори, независимо от степени их «материализации». Причем в литературе она может быть выражена более глубоко и полно, чем в философии, поскольку «образ» более многогранен, чем «идея», и в «образе легче выразить то, о чем невозможно помыслить» [2, с. 10]. Героями этой, особой, литературы могут быть такие философско-метафизические реалии-понятия, как Ничто, вещь в себе, трансцендентное «Я» и т. д., заключенные в образах наших современников.

Исходной точкой в антропологии Мамлеева, по наблюдениям Р. С. Семьиной, является «понимание космизма и метафизической многослойности человека и метафизической связи человека и мира». Для писателя «...человек является местом, соединяющим небо и землю. Он связан как с физическим миром, так и с миром промежуточным (то есть миром тонким, параллельным), так и с Божественным миром тоже. Поэтому в человеке есть бездны, которые относятся к высшим, Божественным мирам и... сатанинские бездны... Человек может быть зверем и ангелом – он связан с существами ниже и выше себя... соединяет небо и землю» («Россия вечная»)» [5, с. 177].

Микрокосм же человека есть отражение макрокосма мира: метафизическая уникальность человека состоит не только в том, что он «соединяет небо и землю», а в том, что является «щелью» для проникновения в другие миры. В душе человека (Мамлеев называет ее «архетипом души Вселенной») заложен весь код Вселенной. Поэтому человек как психо-био-социальное явление не представляет здесь интереса («тем более он достаточно хорошо изучен мировой литературой»). Цель метафизического реалиста – познать «невидимого, скры-

того человека» – и это уже выходит за пределы самой глубокой психологии. Воплощенный человек, таким образом, – лишь часть всей *«метафизической ситуации человека»*. «И если традиционный реализм обнаруживает в душе человека две бездны: низшую и высшую, то Мамлеев говорит о многомерном видении внутреннего пространства человека, позволяющем видеть множество бездн».

По замечанию А. Кончеева, «он [Мамлеев] открыл, что есть не что трансцендентное Абсолюту. Некая великая бездна, великая тьма. Это не дьявол, не Сатана, традиционный противник Бога (обезьяна Бога), нет, это что-то принципиально иное и противостоящее Богу как некий Анти-Абсолют... Все же его незаурядное литературное творчество посвящено в основном иллюстрированию этой его генеральной идеи» [1]. Поэтому вполне понятен тот факт, что у Мамлеева «герои выходят за границы возможного опыта, их наличного бытия – в трансцендентное, стремятся расширить границы этой реальности до метафизических широт» [Там же]. Мир потусторонний у Мамлеева изображен как ад, соответственно, попытка проникнуть в его суть, разгадывание его тайны, лишь только еще более погружает человека в эту адскую пучину и превращает в монстра. Исходя из этого, основной принцип метафизического реализма Мамлеева формулируется предельно широко и расплывчато как «расширение и углубление «действительного» мира включением «метафизических» реалий». Метафизический реализм – это некий «сверхреализм» [Там же].

Внезапное осознание героями мамлеевских рассказов себя как некоего Абсолюта, «тайны», «бездны», «космоса» сопровождается и жутким ощущением границ, его сдерживающих. Это и составляет, по мнению писателя, человеческую сущность, – Абсолют (Дух), скованный различными рамками. Но если, например, у Достоевского, эти рамки относятся к нравственной сфере бытия человека (религиозные постулаты, совесть), то у Мамлеева – прежде всего к области материального бытия человека: телесность, далее, это ограниченность возможностей познания окружающей действительности, а также социальность, поскольку социальные нормы также являются средством ограничения проявления трансцендентного Я в человеке. Если у Достоевского люди стараются привести свою жизнь, свои поступки и поведение в целом в соответствие с этим нормами, то у Мамлеева показывает, главным образом, моменты преодоления указанных рамок как способ актуализации внезапно осознанного Абсолюта. При этом наличие самих этих рамок и составляет суть человеческой жизни, сотканной из многочисленных противоречий онтологического характера. Поэтому в прозе писателя доминируют конфликты, выделенные О. В. Якуниной [6] и служащие стержнем, на который «нанализывается» собственно событийный ряд:

- 1) оппозиция духа и плоти как конфликт бытового и бытийного;
- 2) оппозиция обыденного и шокирующего как конфликт нормы и ее нарушения;
- 3) оппозиция сакрального и профанного как конфликт реального и потустороннего.

Данные конфликты (оппозиции) реализуются в комплексе постоянных

мотивов (так называемых сюжетных узлов): мотива превращения, мотива странного веселья, мотива повседневности, мотива убегания и др.) и обуславливают своеобразие пространственно-временной организации рассказов Ю. Мамлеева. В результате традиционное двоемирие как противопоставление мира мечты и мира реальности предстает у Мамлеева в трансформированном виде, причем можно выделить несколько вариантов такого двоемирия: 1) противопоставление мира материального, «телесного» и духовного начала; 2) противопоставление мира видимого и мира «невидимого», потустороннего; 3) противопоставление мира реального и ирреального (сна и действительности). Причем в каждом случае наличие такого противопоставления обусловлено основной задачей писателя: показать могущество человеческого духа, его трансцендентного начала, некоего вечного Абсолюта, стремящегося выйти за рамки временного (тела – в первом случае, видимой (материальной) реальности – во втором случае, возможностей человеческого восприятия, познания – в третьем случае). Так происходит «умножение» миров в художественной практике Ю. Мамлеева, а само двоемирие приобретает еще более символический и условный характер, чем у романтиков, становясь аллегорическим воплощением философской концепции автора.

Рассмотрим указанные схемы художественного воплощения двоемирия в рассказах Ю. Мамлеева подробнее.

«Другая» реальность, связанная с противоборством трансцендентного «Я» с рамками материального или социального бытия человека, обнаруживающаяся в самом этом человеке, акцентируется и приобретает статус «самостоятельной», независимой от сознания и воли индивида, в рассказе «Ваня Кирпичиков в ванне». При этом преодоление оков «телесности» в конечном счете приводит и к «выпадению» героя из «клетки» социальных отношений и общепринятых норм. В начале рассказа тело мыслится героем как некая сакральная субстанция, в которой томится могучий дух, трансцендентное Я человека: «Нельзя сказать, что обитатели коммунальной квартирки, что на Патриарших прудах, живут весело. Но зато частенько их смрадная, кастрюльно-паутинная конура оглашается лихо-полоумным пением и звоном гитары, раздающимися из ванной. Это моется, обычно подолгу, часа три-четыре, Ваня Кирпичиков, давний житель квартиры и большой любитель чтения... Иные людишки, особенно которые не от мира сего, все время говорят мне: чево-то ты, Ваня Кирпичиков, так долго моесси в ванне. А я им, оскалась, отвечаю: оттого что тело свое люблю. И верно ить, ванна наша грязная, никудышная, клозет рядом, а тараканов и крыс, как баб на пляже, так что окромя моего тела там ничего интересного нету. Правда, освещение палит, как все равно свет в операционной, но это для того, чтобы тело видней было. А втеле-то и весь смак... Я на собственное тело, как кот на полусумасшедшее масло смотрю... Вроде вкусно, но чудно больно» [4, с. 159].

Тело становится своеобразной религией героя, отсюда соответствующая лексика, сравнения и метафоры: «Соседи, как куры глупые, уже сразу волноваться начинают. – Наш-то уже в *церкву свою безбожную* побег, – говорит

обычно старушка Настасья Васильевна» [там же, с.159]; «Вода для меня, что слезы Божьи, ласкают, а все равно непонятные» [там же, с.160]; «А чудес на мне видимо-невидимо... Ежели взять, например, волосье, так что ж я по Божьему пониманию всего-навсего лес дремучий?! Ха-ха... Меня необманешь...» [Там же]. Приведем похожий пример и из рассказа «Нога»: «Ухаживание за ногой заполняло почти все основное время Савелия. Он одевал ногу в шелк, холил ее мазями, духами, хотя остальная часть тела была, как правило, не в меру грязна. Зато нога блаженствовала, как женщина. Вряд ли у Марии Антуанетты, когда ей отрубали голову, была такая выхоленная нога. Больше всего Савелий боялся причинить ей не то что боль (при мысли о боли он коченел от ужаса), а хотя бы маленькую неприятность. Очень тяжело было вставать по утрам; Савелий долго и самозабвенно гладил и вынеживал ногу, глядя на нее в зеркало, чтобы смягчить первое прикосновение к грубому полу. Каждое подобное касание отзывалось в его сердце мучительной, почти мистической болью, но все же с течением времени он научился переводить боль в наслаждение. Безумный страх за ногу заставлял его останавливаться на улице, среди людей и машин, бежать от всего в угол, в припадке жалости целовать и ласкать ее. Даже сидеть он не мог без дрожи и слез за свою любимую. Ветерок на пляже, если он был чересчур быстр, заставлял его морщиться и укрывать ногу в тихий закуток. Только бы не было страданий для того, кого любишь!!» [Там же, с. 202].

Постепенно эта «вторая реальность» берет верх над рассудком героя: трансцендентное «Я», однажды взбунтовавшись, уже не подчиняется его сознанию и пытается «порвать» с телесной субстанцией: «Я свет погашу и в шкаф плотный такой, с дверцей, забьюсь: от собственного тела прячусь. Как бы еще не кинулось, не придушило меня, ненормальное... Я из шкафа тогда, граждане, по два дня не выхожу. Даже молитвами меня оттуда не выманишь» [4, с. 160]. (В рассказе «Нога» главный герой Савелий бросается под трамвай, чтобы избавиться от «любимой» ноги).

Нередко герой пытается убежать от своего тела; вспомним похожую ситуацию в рассказе «Бегун»: бег воспринимается автором как тщетная попытка восстановить прежнее равновесие, «загнать» «Я» в привычные рамки. «Бежит», но не может убежать от собственного тела и Савелий (рассказ «Нога»): «Савелий бежал один по темному переулку. Громады домов казались мертво-живыми и угрожающими. Словно их никогда не было. "Почему, почему так люблю собственную ногу?! – выл он про себя. – Вот я бегу... бегу... Но что потом?! О, моя нога... нога!! Лучше остановиться, зайти в угол и поцеловать ее... То место, которое являлось мне во сне!! Нежное, судорожное..." Он продолжал бежать. Но глаза его застыли, точно упали с неба. "Подойду и выпью свою кровь, – мелькнуло в уме. – Я уже не могу переносить свое существование... Но что это?! А нога... нога?!"» [Там же, с. 201]. Но, в отличие от героев «Бегуна» и «Ноги», Ване Кирпичикову все же удается обмануть свое «тело» как символ трансцендентного «Я», взбунтовавшегося духа, «заменив» его «вешалкой»: «Нет у меня тела – и все. Вместо тела – вешалка, которая там, не у меня, а в ванной. А я сам по себе, холеный такой и высокоумный. Соседи ничего не по-

нимают, а я все отдаляюсь и отдаляюсь» [Там же, с. 161]. *Вешалка* – красноречивая деталь в мамлеевском дискурсе, с помощью которой автор подчеркивает всю силу умаления человеческого «Я» в мире социальных ограничений и самообмана, приравнивание человека, при игнорировании всей его духовной сложности и противоречивости, к простой вещи.

Основная цель Ю. В. Мамлеева как основоположника метафизического реализма в литературе – познать скрытые, невидимые стороны духовного бытия человека, обнаружить в нем скрытый Космос, Абсолют (аналог Божественного у писателя), трансцендентное Я, по силе и свободе равное Богу, Творцу и в то же время обозначить границы, рамки, сковывающие эти неисчерпаемые внутренние силы человека (телесность, рациональность, стереотипность восприятия), составляющие в совокупности «метафизическую ситуацию человека», по сути своей трагичную, привела к значительной трансформации категории двоемирия в прозе писателя. Наличие двух и более реальностей проистекает в рассказах Ю. В. Мамлеева из столкновения духовного Абсолюта, неожиданно взбунтовавшегося в человеке, с указанными рамками, границами. В результате в привычную реальность вторгается иной мир, который носит условный, метафорический характер, поскольку его задача заключается в символическом обозначении несоответствия духовных сил человека возможностям их реализации в жизни. «Вторая» реальность субъективна и может представлять собой самостоятельно живущую телесность («Бегун», «Нога», «Вася Кирпичиков в ванне» и др.), фантом (феномен раздвоения человека) («Происшествие», «Трое»), потусторонний мир («Черное зеркало», «Валюта», «Люди из могил», «Коля Фа» и др.), ирреальную действительность, сон («Дорога в бездну», «Происшествие» и др.). Во всех случаях вторая реальность лишь служит символическим воплощением неожиданно проснувшихся внутренних сил и сознания человека, способствующих его «переходу» (т. е. высвобождению) (не всегда удачному и легкому, как в рассказах «Прыжок в гроб», «Городские будни») в новое, свободное состояние свободного духа, Абсолюта, чем обусловлена ее «зыбкость», неустойчивость, неопределенность, невозможность разумного понимания и интерпретации, во всех случаях – странность как атрибутивная черта самого состояния обнаружения в себе Космоса, Вселенной. «Переход» осуществляется посредством бега («Бегун», «Ваня Кирпичиков в ванне», «Нога») или трансформации человека («Удалой», «Происшествие»), а также погружения его полубредовое состояние полусна. Сама же категория двоемирия в рассказах Ю. В. Мамлеева наделена текучестью, динамикой, стремление к унификации в одной реальности – реальности духовной (поэтому в конце многих произведений герой уже говорит от лица Оно). Таким образом, автор показывает суть и конечную цель любых метафизических поисков – обретение собственного Я и – через него – свободу.

Все ограничения человеческого духа, описанные выше, служат отражением социальных катаклизмов в обществе, приводящих к деградации человеческого Я, ущербности духа и сознания обывателя, абсурда человеческого бытия в аксиологическом и онтологическом планах.

Литература

1. Кончеев, А. Великое делание. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://koncheev.narod.ru/vd_pril4.htm
2. Мамлеев, Ю. В. Звезды находятся в наших душах / Ю. В. Мамлеев // Литературная газета. – 2001. – № 4. – С. 10.
3. Мамлеев, Ю. В. Судьба бытия / Ю. В. Мамлеев. – М. : Эннеагон, 2006. – 272 с.
4. Мамлеев, Ю. В. Черное зеркало : циклы / Ю. В. Мамлеев. – М. : Вагриус, 1999. – 304 с.
5. Семькина, Р. С. «Кто есть я?» : метафизическая антропология Юрия Мамлеева / Р. С. Семькина // Октябрь. – 2007. – № 3. – С. 175–181.
6. Якунина, О. В. Повествовательная структура малых эпических форм в прозе Юрия Мамлеева : автореф. дис... канд. филол. наук / О. В. Якунина. – Астрахань, 2010. – 22 с.

О. Н. Шалина

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева», Россия, г. Саранск

ВОЗМОЖНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ МОНИТОРИНГА УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ МОРДГПИ*

В настоящее время в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года в образовании начаты системные изменения, направленные на обеспечение его соответствия требованиям инновационной экономики и запросам общества. Приоритетными направлениями в этой сфере являются приведение содержания и структуры профессиональной подготовки кадров в соответствие с потребностями рынка труда и повышение доступности качественных образовательных услуг.

Социальный заказ общества обуславливает интерес современной педагогической науки и практики к процессу модернизации высшего образования. Модернизация педагогического образования студентов вуза осуществляется успешнее при согласовании как с программой мониторинга знаний студентов в целом, так и каждого из его этапов. Каждый из этапов мониторинга знаний студентов соответствует направлениям модернизации педагогического образования [2].

В научной и методической литературе особое внимание уделяется технологической стороне совершенствования образовательного процесса в высшей школе. В связи с этим, все больший интерес вызывает изучение технологических и методологических оснований модернизации, ее этапов, инструментов, изменения качества процесса обучения студентов в вузе, а также система осуществления мониторинга объема, последовательности и преемственности зна-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект №11-06-00978а «Теоретико-методологические основы и технология проектирования информационного пространства вуза»).

ний студентов. Исследователи отмечают, что эффективность мониторинга знаний студентов определяется систематичностью и воспроизводимостью результатов обучения. Акцентируется внимание на том, что компьютерная форма хранения результатов мониторинга знаний создает условия для согласования и оценки деятельности педагогов. В Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ подчеркнута необходимость качественной разработки и реализации механизмов обеспечения комплексного электронного мониторинга с использованием специализированного технического оборудования и программного обеспечения. Предполагается создание всех необходимых условий для развития системы открытого электронного мониторинга и обязательной публичной отчетности образовательных учреждений.

Мониторинг в педагогическом образовании анализировали А. С. Белкин, В. Г. Горб, Е. И. Исаев, Г. А. Карпова, А. Н. Майоров, А. А. Орлов, С. А. Равичев, Л. Б. Сахарчук, А. В. Сотов, С. Е. Шишов. Мониторинг знаний студентов представляет собой непрерывный процесс, который начинается с момента зачисления студента в университет и завершается итоговой государственной аттестацией [4].

Мониторинг знаний студентов протекает как процесс, основной целью которого является получение исходной информации для совершенствования учебного процесса в пределах каждой кафедры. Основными его задачами являются: определение степени достижения ключевых компетенций применительно к каждой дисциплине; регулярное определение текущего уровня знаний и умений студентов по изучаемым дисциплинам; оценка уровня эффективности учебного процесса в пределах каждой кафедры (курса) и института в целом; обеспечение необходимого уровня преемственности между кафедрами и отдельными учебными структурными подразделениями института (деканат, Учебное управление) в ходе образовательного процесса.

В МордГПИ посредством использования компьютерной техники и специализированного программного обеспечения организуется непрерывная обратная связь в виде предварительного, текущего и рубежного контроля, что способствует улучшению управления процессом обучения и повышению качества знаний. С 2009 года на физико-математическом факультете мониторинг знаний студентов осуществляется с использованием возможностей информационной образовательной среды (ИОС) ИНФО-ВУЗ, включающей в себя модуль для организации и проведения компьютерного тестирования, сбора и анализа его результатов. Преподавателями выделяются следующие основные преимущества применения информационных технологий в сопровождении процедуры оценки объема и качества знаний (использующих принципы тестового подхода, многобалльной шкалы оценки и статистических методов обработки и анализа):

1) объективность. Наиболее распространенные на современном этапе формы оценки знаний (экзамен, зачет, коллоквиум и т. д.) не в полной мере отвечают условиям воспроизводимости и сравнимости результатов, полученных

на различных контингентах испытуемых, так как основываются на субъективном мнении преподавателей.

2) автоматизация подготовки, обработки и анализа результатов массовых испытательных мероприятий.

Отметим, что контролируя знания и выставляя отметки, преподаватель не может абстрагироваться от социальных, личностных и эмоциональных факторов, которые сопутствуют процессу оценивания. Но если за каждое «правильное выполнение возрастающих по трудности заданий давать один балл, то набранная сумма баллов будет иметь вполне интерпретируемый смысл: различия в сумме будут указывать на различия в способностях студентов решать задания различной трудности» [3].

Исключить перечисленные аспекты помогают всевозможные средства тестирования знаний на основе единых критериев и подходов. Одним из таких средств является многофункциональная тестовая система автоматизированного контроля и самопроверки знаний, реализованная в ИОС ИНФО-ВУЗ. Ее основное назначение – повышение эффективности организации контроля за усвоением материала разных областей знаний, а также для самоконтроля обучающихся.

Указанная информационная технология организации многоаспектного контроля и самоконтроля обучающихся предоставляет возможности прохождения тестирования в любом удобном для студента месте при условии наличия выхода в Интернет.

Предварительно преподаватель устанавливает параметры режима тестирования: с возвратом к предыдущим вопросам и возможностью исправления ответов или без возврата, возможность использования дополнительных информационных ресурсов. Поскольку при тестировании важным фактором является время, возможно установление его ограничения для контроля как по каждому отдельному заданию, так и по всему тесту в совокупности.

Модуль ИОС предусматривает возможность просмотра для каждого конкретного обучаемого его вариант ответа на любое задание теста. Данная возможность осуществляется на базе просмотра и анализа результатов. Кроме того, в ИОС реализована статистическая обработка данных тестирования с постоянным сохранением и накоплением информации. Исходя из того, что проверка знаний должна быть объективной и давать корректные сведения об итогах процесса обучения, отметим, что с помощью тестов легче всего обеспечиваются надежность измерения, его объективность. Также они позволяют опросить всех студентов по всем вопросам учебного материала в одинаковых условиях с заранее разработанными, равными критериями оценки. Описанная выше многофункциональная система тестирования, реализованная на базе ИНФО-ВУЗа является именно таким инструментом и дает возможность подойти к формированию тестов с научной точки зрения.

Управление учебным процессом должно производиться в соответствии с целями обучения, как на глобальном уровне в соответствии с критериями эффективной стратегии вуза, так и в рамках плоскости организации познавательной деятельности. Осуществление регулярного мониторинга усвоения знаний

студентами способствует оценке качества процесса подготовки высококвалифицированных специалистов, а также оперативной выработке и реализации корректирующих воздействий, включая профилактические меры.

Литература

1. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163-р).

2. Панферова, И. А. Модернизация педагогического образования на основе мониторинга знаний студентов вуза : дисс. ... канд. пед. наук / И. А. Панферова. – Оренбург, 2005. – 202 с.

3. Спешилова, Н. В. Мониторинг успеваемости студентов как одно из направлений оценки качества системы управления в ВУЗе / Н. В. Спешилова // Научный электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 4.

4. Харлов, Н. А. Мониторинг знаний студентов как инструмент управления качеством образования (на примере Новосибирского государственного медицинского университета) / Н. А. Харлов // Социосфера. – 2010. – № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Айзатов Ф. А., Бакаева Ж. Ю.</i> Особенности информационного воздействия в коммуникациях	3
<i>Алекперов А. А.</i> Универсальные международно-правовые акты по правам человека и основным свободам, к которым присоединилась Азербайджанская Республика	5
<i>Виноградова И. Б.</i> Сердце как «орган постижения» в философии Б. П. Вышеславцева	11
<i>Водясова Л. П.</i> Послелог как средство обозначения локализации объекта в романе К. Г. Абрамова «Олячинть кисэ» («За волю»)	14
<i>Водясова Л. П., Еряшева И. В., Огарева А. Г.</i> Функциональная нагрузка сложного синтаксического целого с номинативным зачином в прозе К. Г. Абрамова	18
<i>Жолдасбаева С. А.</i> Современные тенденции и перспективы тьюторского сопровождения старшеклассников	21
<i>Жебряткина И. Я.</i> Некоторые фонетические особенности алёксовского говора мокшанского языка	26
<i>Жиндеева Ю. С., Жиндеева Е. А.</i> Литературоведческое представление и судебно-медицинское знание в свете интеграции наук (к вопросу о смерти С. А. Есенина)	28
<i>Жылысбаева А. Н., Есалиева З. Р.</i> Коксарайское водохранилище и его влияние на климат	32
<i>Заурбекова Л. Р., Коянбаева Г. Р.</i> Информационные технологии в современном образовании	35
<i>Зейналов Г. Г.</i> Образование и современная наука.....	39
<i>Зейналов Г. Г., Сайгушева С. Н., Пьянзова А. Н.</i> Страницы из жизни В. И. Кемкина	43
<i>Ешпанова Д. Д., Биекенова Н. Ж.</i> Феномен собственности в восприятии казахстанцев	47
<i>Ибрагимова С. Г.</i> Ответственность за нарушение трудового законодательства Азербайджанской Республики	52
<i>Иванова Г. С.</i> Этимологии мокшанской фонемы <u>первого слога.....	57
<i>Исаева Е. С.</i> Самосознание героя как элемент психологизма произведения	61
<i>Калымбет М. И., Медетова Л. С.</i> Актуальность экологического воспитания в начальных классах	63
<i>Корнишина Г. А.</i> Растительность в мифоритуальной культуре мордвы... ..	67
<i>Корнишина Г. А., Лысякова Т. В.</i> Деятельность М. Е. Евсевьева по созданию и развитию национальной школы.....	71
<i>Касьмова И. Т.</i> Современные философские подходы к определению научного мировоззрения личности	74
<i>Кинякина Е. А.</i> Проблема свободы в экзистенциализме	78

<i>Князькин Ю. П.</i> Социально-правовые основы профилактики экстремизма в российском государстве	81
<i>Ковтун Н. М.</i> Воля как основа социальной активности индивида и общества в интерпретации К. Ясперса	84
<i>Котова С. С.</i> Граница у Г. В.-Ф. Гегеля: философский анализ	88
<i>Курмангалиева Г. К.</i> История науки: к проблеме исламо-христианского диалога	91
<i>Лушенкова Н. И.</i> Анализ экономической информации по сегментам бизнеса	96
<i>Медетова Л. С.</i> Исследование школьной тревожности детей младшего школьного возраста	99
<i>Медетова Л. С., Садирмекова Н. К.</i> Портфолио как средство развития самооценки младших школьников	103
<i>Миронова М. Н.</i> Структурная организация мокшанских паремий	105
<i>Прокаева Е. П.</i> Деятельностно-компетентный подход к практико-ориентированному обучению мордовским языкам в системе высшего образования Республики Мордовия	109
<i>Родина Е. Н., Фильчагина О. А.</i> Проблема определения сущности и поиска идеала человека в истории философской мысли	112
<i>Рябова Е. В.</i> Экологическая проблема и стратегия выживания человечества	116
<i>Сагикызы А.</i> Проблема этического регулирования научных исследований	120
<i>Сайгушева С. Н., Тивикова Н. А.</i> Роль образования и воспитания в формировании толерантности у подрастающего поколения	124
<i>Салимова Д. А., Салимов Р. Х. З.</i> Камали – философ и просветитель о знаниях и о вере	127
<i>Сартаева Р. С.</i> Философия экологии как новая область знания	131
<i>Синдянкин Н. Н.</i> Информационное значение в коммуникациях	136
<i>Чекушкина Е. Н.</i> Инновационные процессы в образовательной культуре	138
<i>Четвергова С. С.</i> Двоемирие в философском знании и художественной практике Ю. Мамлеева	140
<i>Шалина О. Н.</i> Возможности информационной образовательной среды вуза для организации мониторинга успеваемости студентов МордГПИ..	146

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**
(по материалам Международной научно-теоретической интернет-конференции)

Сборник научных трудов

Редактор и корректор *Н. Ф. Голованова*
Компьютерная верстка *Р. Н. Симоновой*

Подписано в печать .2013 г.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 6,6. Тираж 100 экз. Заказ № .

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева»

Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а